

16+

ISSN 2311-1402

НИЖНЕВАРТОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

4(68)/2024

В

е

с

т

н

и

к

ВЕСТНИК НИЖНЕВАРТОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Журнал основан в 2008 г.

включен в Перечень рецензируемых научных изданий,
утвержденный Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации от 01.12.2015.

<https://doi.org/10.36906/2311-4444/24-4>

Учредитель: ФГБОУ ВО «Нижневартровский
государственный университет»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по
надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ №ФС 77 – 80105
от 31.12.2020.

Свидетельство о регистрации ЭЛ №ФС 77 – 79658
от 27.11.2020.

Подписной индекс АО «Почта России» ПП617

Периодичность издания: 4 раза в год / ежеквартально
Язык издания: русский, английский

Индексируется и размещается: CrossRef,
Российский индекс научного цитирования (РИНЦ),
НЭБ КиберЛенинка (CyberLeninka), ЭБС IPRbooks,
ЭБС «Лань», DOAJ, ZENODO, OpenAIRE, ZDB,
Google Академия, Information Matrix for the Analysis
of Journals (MIAR), Open Academic Journals Index
(OAJI), Polska Bibliografia Naukowa (PBN),
Dimensions, AGRIS, Open Ukrainian Citation Index.

Адрес редакции: Россия, 628616, ХМАО-Югра,
г. Нижневартовск, ул. Ленина, 56. тел./факс: (3466)
44-39-50, факс: (3466) 45-18-05
e-mail: nvsu@nvsu.ru, red@nvsu.ru

Адрес издательства: Россия, 628616,
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра,
г. Нижневартовск, ул. Маршала Жукова, д. 4.
Тел./факс: (3466) 24-50-51, e-mail: izd@nvsu.ru

Главный редактор: Горлов С. И. (г. Нижневартовск, Россия)
Зам. гл. редактора: Махутов Б.Н. (г. Нижневартовск, Россия)
Отв. редактор: Цысь В. В. (г. Нижневартовск, Россия)

Редакционная коллегия:

Аикин В.А. (г. Омск, Россия)
Войтенко А.А. (г. Москва, Россия)
Гбоко С.К. (г. Буаке, Кот-д'Ивуар)
Горшков-Кантакузен В.А. (г. Мидлсекс, Великобритания)
Дайнеко Н.М. (г. Гомель, Беларусь)
Еманов А.Г. (г. Тюмень, Россия)
Ибрагимова Л.А. (г. Нижневартовск, Россия)
Казанский М.М. (г. Париж, Франция)
Кулагин А.Ю. (г. Уфа, Россия)
Лубышева Л.И. (г. Москва, Россия)
Маймерова Г.Ш. (г. Бишкек, Кыргызстан)
Медведев С.С. (г. Санкт-Петербург, Россия)
Нурбеков Б.Ж. (г. Астана, Казахстан)
Синявский Н.И. (г. Сургут, Россия)
Солодкин Я.Г. (г. Нижневартовск, Россия)
Суртаева Н.Н. (г. Санкт-Петербург, Россия)
Талыбов Т.Г. (г. Нахчыван, Азербайджан)
Фатуллаев П.У. (г. Нахчыван, Азербайджан)
Юмагулова Э.Р. (г. Нижневартовск, Россия)

16 +

Тип лицензии CC, поддерживаемый журналом: Attribution 4.0 International (CC BY 4.0).

Издатель: ФГБОУ ВО «Нижневартровский государственный университет», Россия, 628605, ХМАО-Югра, г. Нижневартовск, ул. Ленина, 56
Исполнитель: Издательство НВГУ, Россия, 628616, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Нижневартовск, ул. Маршала Жукова, д. 4.

ISSN 2311-1402 (Print)
ISSN 2686-8784 (Online)

Подготовлено и отпечатано в изд-ве НВГУ
Изд. лиц. ЛР №020742. Подписано в печать 15.12.2024
Дата выхода 20.12.2024
Формат 60×84 1/8. Гарнитура Times. Усл. печ. листов 12,62.
Тираж 300 экз. Заказ 2321 Цена: бесплатно

Яковлева А.М., выпускающий редактор
Вилявин Д.В., верстка оригинал-макета

© Нижневартровский государственный университет, 2024

BULLETIN

of NIZHNEVARTOVSK
STATE UNIVERSITY

Bulletin of Nizhnevartovsk State University was founded in 2008

Included in the List of peer-reviewed scientific publications,
approved by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation dated 01.12.2015

<https://doi.org/10.36906/2311-4444/24-4>

The journal is published quarterly by the Publishing House of Nizhnevartovsk State University

Registration certificate PI number FS77-80105 on 31.12.2020.

Registration certificate EL number FS77-79658 on 31.12.2020.

Subscription index in the JSC "Russian post"- PP617.

Quarterly

Language of publication: Russian, English

Indexed: CrossRef, Russian Science Citation Index (RSCI), NES Cyber-Leninka (CyberLeninka), EBS IPRbooks, EBS Lan, DOAJ, ZENODO, OpenAIRE, ZDB, Google Academy, Information Matrix for the Analysis of Journals (MIAR), Open Academic Journals Index (OAJI), Polska Bibliografia Naukowa (PBN), Dimensions, AGRIS, Open Ukrainian Citation Index.

Editorial address: 628616, Russia, Khanty-Mansiysk Autonomous Area – Yugra, Nizhnevartovsk, st. Lenin, 56.
tel./fax: (3466) 44-39-50; (3466) 45-18-05
e-mail: nvsu@nvsu.ru, red@nvsu.ru

Publisher address: 628616, Russia, Khanty-Mansiysk Autonomous Area-Yugra, Nizhnevartovsk, st. Marshal Zhukov, 4, of. 1001. tel.: (3466) 24-50-51,
e-mail: izd@nvsu.ru

Editor-in-Chief: *S. I. Gorlov* (Nizhnevartovsk, Russia)

Deputy Editor: *D. A. Pogonyshv* (Nizhnevartovsk, Russia)

Executive editor: *V. V. Tsys* (Nizhnevartovsk, Russia)

Editorial Board:

V.A. Aikin (Omsk, Russia)

A.A. Voitenko (Moscow, Russia)

S.K. Gboko (Bouake, Côte d'Ivoire)

V.A. Gorshkov-Kantakuzen (Middlesex, UK)

N.M. Daineko (Gomel, Belarus)

A.G. Emanov (Tyumen, Russia)

L.A. Ibragimova (Nizhnevartovsk, Russia)

M.M. Kazansky (Paris, France)

A.Yu. Kulagin (Ufa, Russia)

L.I. Lubysheva (Moscow, Russia)

G.Sh. Maymerova (Bishkek, Kyrgyzstan)

S.S. Medvedev (St. Petersburg, Russia)

B.Zh. Nurbekov (Astana, Kazakhstan)

N.I. Sinyavsky (Surgut, Russia)

Ya.G. Solodkin (Nizhnevartovsk, Russia)

N.N. Surtaeva (St. Petersburg, Russia)

T.G. Talibov (Nakhchivan, Azerbaijan)

P.U. Fatullayev (Nakhchivan, Azerbaijan)

E.R. Yumagulova (Nizhnevartovsk, Russia)

16+

Attribution 4.0 International (CC BY 4.0).

ISSN 2311-1402 (Print)
ISSN 2686-8784 (Online)

Prepared and printed in the publishing house of NVGU
Ed. persons. JIP No. 020742. Signed for printing on 15.12.2024
Release date 20.13.2024
Format 60 × 84 1/8. Times typeface. CONV. print sheets 12,62.
Circulation 300 copies. Order 2321. Free

A.M. Yakovleva, commissioning editor
D.V. Vilyavin, technical editor

© Nizhnevartovsk State University, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Зибаев А.В., Жуков О.Р., Поляков С.А.</i>	
ПОНЯТИЯ «ГЕОГРАФИЯ» И «ХОРОГРАФИЯ» В «БРАКОСОЧЕТАНИИ ФИЛОЛОГИИ И МЕРКУРИЯ» МАРЦИАНА КАПЕЛЛЫ (Mart. Cap. De nupt. VI. 567-721): КРАТКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ	4
<i>Сойкин А.А.</i>	
США И ГЕРМАНИЯ НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ «НЕОГРАНИЧЕННОЙ» ПОДВОДНОЙ И МИРОВОЙ ВОЙНЫ	13
<i>Пьяных Н.И.</i>	
СОЦИОГРАФИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ «СОЮЗА 17 ОКТЯБРЯ» В РОССИИ В НАЧАЛЕ ХХ ВЕКА	19
<i>Кругликов А.С.</i>	
РОЛЬ ТОБОЛЬСКОГО ЕПАРХИАЛЬНОГО ЖЕНСКОГО УЧИЛИЩА В ОБЕСПЕЧЕНИИ СИРОТ И БЕДНЫХ ДЕВИЦ ДУХОВНОГО ЗВАНИЯ	30
<i>Лисицына Е.Н.</i>	
ПРОБЛЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ САХАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ РУКОВОДЯЩИМИ КАДРАМИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	47
<i>Кирилюк Д.В.</i>	
«ЭХО ВОЙНЫ» В ЮГРЕ: ПРОБЛЕМА УЧИТЕЛЬСКОЙ БЕЗРАБОТИЦЫ В 1945–1955 гг.	57
<i>Бодрова Е.В., Калинов В.В.</i>	
О СУДЬБЕ ПРОИЗВОДСТВА ВЫЧИСЛИТЕЛЬНОЙ ТЕХНИКИ И СОЗДАНИЯ АВТОМАТИЗИРОВАННЫХ СИСТЕМ УПРАВЛЕНИЯ В СССР НА РУБЕЖЕ 1960–1970-х гг.	71
<i>Ляхов М.И.</i>	
ФОРМИРОВАНИЕ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ В УСЛОВИЯХ ПРИРОДНО-КЛИМАТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ СЕВЕРА СИБИРИ: ИССЛЕДОВАНИЯ 1960-х – 1980-х гг.	82
<i>Бызов О.И.</i>	
БРЮССЕЛИЗАЦИЯ СУРГУТА В КОНТЕКСТЕ ПРОЕКТА МУЗЕЙНО- ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЗОНЫ	94
<i>Макарова Е.О.</i>	
ВОЕННЫЕ МЕМОРИАЛЫ ТЮМЕНИ В 1967–1987 гг. (по материалам ГБУТО ГАСПИТО): ФОРМИРОВАНИЕ, СОХРАНЕНИЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ	115
<i>Мехришвили Л.Л., Карпов В.П.</i>	
К ЮБИЛЕЮ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ: МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В ТЮМЕНИ	130

CONTENT

<i>A.V. Zibaev, O.R. Zhukov, S.A. Polyakov</i>	
THE CONCEPTS OF «GEOGRAPHY» AND «CHOROGRAPHY» IN « MARRIAGE OF PHILOLOGY AND MERCURY» BY MARTIANUS CAPELLA (Mart. Cap. De nupt. VI. 567-721): BRIEF REMARKS	4
<i>A.A. Soikin</i>	
THE UNITED STATES AND GERMANY AT THE FINAL STAGE OF THE “UNLIMITED” SUBMARINE AND WORLD WAR	13
<i>N.I. Pjanykh</i>	
SOCIAL PORTRAIT OF THE LOCAL ELITE OF THE UNION OF OCTOBER 17 IN EARLY 20TH CENTURY RUSSIA	19
<i>A.S. Kruglikov</i>	
THE ROLE OF TOBOLSK DIOCESAN WOMEN'S SCHOOL IN MAINTENANCE ORPHANS AND POOR MAIDENS OF CLERICAL RANK	30
<i>E.N. Lisitsina</i>	
THE SAKHALIN INDUSTRY MANAGEMENT PERSONNEL PROVIDING DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR	47
<i>D.V. Kirilyuk</i>	
«ECHO OF THE WAR» IN UGRA: THE PROBLEM OF TEACHER UNEMPLOYMENT IN 1945–1955	57
<i>E.V. Bodrova, V.V. Kalinov</i>	
ON THE FATE OF COMPUTING EQUIPMENT PRODUCTION AND AUTOMATED CONTROL SYSTEMS CREATION IN THE USSR AT THE TURN OF 1960S–1970s.	71
<i>M.I. Lyakhov</i>	
THE URBAN ENVIRONMENT FORMATION IN THE NATURAL AND CLIMATIC CONDITIONS OF THE NORTH OF SIBERIA: RESEARCHES OF 1960s – 1980s ..	82
<i>O.I. Bizov</i>	
BRUSSELIZATION OF SURGUT IN THE CONTEXT OF THE MUSEUM AND ETHNOGRAPHIC ZONE PROJECT	94
<i>E.O. Makarova</i>	
WAR MEMORIALS IN TYUMEN IN 1967–1987 (materials of the GBUTO GASPITO): FORMATION, PRESERVATION AND USE	115
<i>L.L. Mehrishvili, V.P. Karpov</i>	
TO THE ANNIVERSARY OF THE TYUMEN REGION: INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE IN TYUMEN	130

ПОНЯТИЯ «ГЕОГРАФИЯ» И «ХОРОГРАФИЯ» В «БРАКОСОЧЕТАНИИ ФИЛОЛОГИИ И МЕРКУРИЯ» МАРЦИАНА КАПЕЛЛЫ (Mart. Cap. De nupt. VI. 567-721): КРАТКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

A. V. Zibaev, O. R. Zhukov, S. A. Polyakov

THE CONCEPTS OF «GEOGRAPHY» AND «CHOROGRAPHY» IN «MARRIAGE OF PHILOLOGY AND MERCURY» BY MARTIANUS CAPELLA (Mart. Cap. De nupt. VI. 567-721): BRIEF REMARKS

Аннотация. В предлагаемой статье рассматриваются особенности изложения «географии» и «хорографии» у Марциана Капеллы. Из девяти книг «Бракосочетания» семь посвящены отдельным научным дисциплинам: грамматике, диалектике, риторике, геометрии, арифметике, астрономии и гармонии. Из содержания рассказа в шестой книге становится понятно, что геометрия – дисциплина сложная и многогранная, дополнительно включающая в себя «географию» и «хорографию». В узком смысле геометрия занимается изучением фигур, в широком – формой и положением земли, тепловыми поясами и указанием локаций на географической карте. Эти две дисциплины дополняли друг друга и позволяли ученикам получить более широкие представления о земной поверхности. Образовательный цикл, изложенный автором, к V в. еще не представлял собой прочно устоявшуюся интеллектуальную концепцию и претерпевал значительные изменения ещё в течение двух веков. Отсюда, допустимо предположить, что каждый автор вплоть до окончательного оформления круга свободных дисциплин был вправе вносить изменения в список и содержание предметов, в том числе «географии» и «хорографии». Несмотря на очевидное сходство их содержания с рассказом Клавдия Птолемея, в «Бракосочетании» обозначаются и строгие терминологические рамки каждой ключевой дисциплины. Для первой допустимо употребление терминов *terra* и *orbis*, для второй – *orbis terrarum*, *provincia* и *finis*. Указанное обстоятельство позволяет увидеть приблизительный путь «географии» (в античном понимании) от представлений Клавдия Птолемея, жившего в период наивысшего расцвета Римской империи, до поздней Античности. Идеи, заложенные

Abstract. The proposed article discusses the features of the presentation of “geography” and “chorography” by Martianus Capella. Of the nine books of Marriages, seven are devoted to elementary secondary disciplines: grammar, dialectic, rhetoric, degree, arithmetic, astronomy and harmony. From the content of the story in the sixth book, it becomes clear that geometry is a complex and multifaceted discipline, which additionally includes geography and chorography. In a narrow sense, geometry deals with the study of figures, in a broad sense – the shape and position of the earth, thermal zones and indicating locations on a geographical map. These two disciplines complemented each other and allowed students to gain a broader understanding of the earth's surface. The educational cycle outlined by the author, to the 5th century did not yet represent a firmly established intellectual concept and underwent significant changes over the course of two centuries. Hence, it is permissible to assume that each author, until the final design of the range of free disciplines, had the right to make changes to the list and content of subjects, including “geography” and “chorography”. Despite the obvious similarity of their content with the story of Claudius Ptolemy, the “Marriage” also indicates a strict terminological framework for each key discipline. For the first, the use of the terms *terra* and *orbis* is acceptable, for the second - *orbis terrarum*, *provincia* and *finis*. This circumstance allows us to see the approximate path of “geography” (in the ancient sense) from the ideas of Claudius Ptolemy, who lived during the period of the highest flowering of the Roman Empire, to late Antiquity. The ideas laid

Марцианом Капеллой, легли в основу определения «Геометрии» в развитое Средневековье.

Ключевые слова: Марциан Капелла, география, хорография, Клавдий Птолемей, позднеантичные географические представления.

Сведения об авторах: Зибаев Антон Валерьевич, канд. ист. наук, Сургутский государственный университет, г. Сургут, Россия, zibaew@mail.ru. Жуков Олег Русланович, канд. филолог. наук, Частный медицинский университет «РЕАВИЗ» (Саратовский филиал), г. Саратов, Россия, olegzhukov1990@mail.ru. Поляков Сергей Аркадьевич, канд. ист. наук, Интеллект-центр «Дарование» (Саратов), г. Саратов, Россия, serzh.polyakov.91@inbox.ru.

down by Martianus Capella formed the basis for the definition of “Geometry” in the developed Middle Ages.

Key words: Martianus Capella, geography, chorography, Claudius Ptolemy, late antique geographical representations.

About the authors: Anton V. Zibaev, Candidate of Historical Sciences, Surgut State University, Surgut, Russia, zibaew@mail.ru. Oleg R. Zhukov, Candidate of Philological Sciences, Private Medical University “REAVIZ” (Saratov branch), Saratov, Russia, olegzhukov1990@mail.ru. Sergey A. Polyakov rkadievich, Candidate of Historical Sciences, Intellect Center “Darovanie” (Saratov), Saratov, Russia, serzh.polyakov.91@inbox.ru.

Зибаев А.В., Жуков О.Р., Поляков С.А. Понятия «география» и «хорография» в «Бракосочетании Филологии и Меркурия» Марциана Капеллы (Mart. Cap. De nupt. VI. 567-721): краткие замечания // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2024. №4(68). С. 4-12. <https://doi.org/10.36906/2311-4444/24-4/01>

Zibaev, A.V., Zhukov, O.R., & Polyakov, S.A. (2024). The Concepts of «Geography» and «Chorography» in «Marriage of Philology and Mercury» by Martianus Capella (Mart. Cap. De nupt. VI. 567-721): Brief Remarks. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*, (4(68)), 4-12. (in Russ.). <https://doi.org/10.36906/2311-4444/24-4/01>

Шестая книга сочинения «Бракосочетания Филологии и Меркурия» Марциана Капеллы (V в.), оставаясь мало известной современному читателю, и до относительно недавнего времени не привлекавшая внимания у широкого круга исследователей античной географической литературы, она тем не менее занимает исключительно важное место в истории географии и картографии Средневековья. К числу очевидных причин сложившегося положения обычно относят сложный литературный стиль источника, серьезно затрудняющий работу с текстом и открытое пренебрежение им со стороны части исследователей из-за особенностей латинской лексики автора [14, s. 209-210; 15, p. 39; 20, col. 2006]. Несогласные с этой точкой зрения подчеркивают непререкаемый авторитет «Бракосочетания» среди образованных людей раннего и развитого Средневековья, оценивших исключительное значение этого труда в сохранении греческого и римского интеллектуального наследия [7, с. 262-283; 13].

Семь из девяти книг сочинения Марциана Капеллы посвящены отдельным научным дисциплинам: грамматике, диалектике, риторике, геометрии, арифметике, астрономии и гармонии. Не углубляясь подробно в пространный и аллегорический рассказ первых двух книг, где излагаются религиозные и педагогические идеи автора, обратим внимание на их общий контекст: свадьбу Филологии и Меркурия. В конце II книги Филология, перед тем как обрести бессмертие и соединиться навеки с Меркурием, возносится на небеса, представ перед сонмом всех языческих римских богов. Произшедшая вскоре торжественная церемония сопровождалась осмотром даров, приготовленных для невесты женихом.

Такими дарами стали семь дев-служанок, олицетворяющих собой семь искусств, о которых было сказано выше. Каждая из них кратко рассказывает о своей науке: их речи и составляют основное содержание «Бракосочетания», а именно книг с третьей по девятую. По справедливому замечанию А.Ф. Лосева, у Марциана Капеллы Дисциплины оформлены в своем античном содержании и носят ярко выраженный формалистический характер [5, с. 153-161].

Монолог Геометрии (*Geometria*) был произнесен после выступления Риторике (*Mart. Cap. De nupt. VI. 567-721*). Общий объем текста занимает большую часть VI книги и вызывает много вопросов у исследователей, знакомых с историей древней географии. Из содержания рассказа становится понятно, что геометрия – дисциплина сложная и многогранная, дополнительно включающая в себя географию и хорографию. В узком смысле геометрия занимается изучением фигур, в широком – формой и положением земли, тепловыми поясами и указанием локаций на географической карте. Отсюда возникают закономерные вопросы: какие принципиальные изменения произошли в определениях понятий «география» и «хорография» незадолго до гибели Западной Римской империи? По каким причинам позднеантичные авторы соединили три, казалось бы, не всегда совместимые науки, в рамках *ἐγκύκλιος παιδεία* (кругового обучения)? Начнем с ответа на второй вопрос.

И. Адо [1, с. 120-150] и А. – И. Марру [6, с. 248] замечают, что концепция цикла свободных искусств закончила свое оформление только в поздней Античности, пройдя длительный путь от четырех дисциплин «восприятия» и «созерцания вечного бытия» Сократа (*Plat. Phaedr. 249bc*) к семи свободным искусствам Боэция, обогащающим человеческую душу (*Boet. De Institutione Arithmetica. I. 10-11*). Образовательный цикл, изложенный Марцианом Капеллой, ко времени написания еще не представлял собой прочно устоявшуюся интеллектуальную концепцию и претерпевал значительные изменения ещё в течение двух веков. В пользу правильности этого тезиса может служить отсутствие строгого противопоставления в «Бракосочетании» дисциплин, которые станут основами тривиума (грамматика, диалектика, риторика) и квадравиума (арифметика, геометрия, астрономия, гармония). Исходя из этого, допустимо предположить, что каждый автор вплоть до окончательного оформления круга свободных дисциплин был вправе вносить изменения в список и содержание предметов, из-за из самых разных причин: арифмологических, религиозных и пр.

В вводной статье к первому русскому переводу «Бракосочетания» озвучен тезис, что «недостаток материала по практической геометрии побудил Марциана Капеллу поместить в монолог Геометрии значительный раздел, посвященный совершенно другой науке – географии» [5, с. 153; 7, с. 262-283;]. Однако, уже в начале II книги Марциан Капелла обращается к этимологии имени ученой девы, в описании которой показан образ вечной странницы, множество раз обошедшей и измерившей землю. Аллегорическое вступление отражает и причину объединения трех разных предметов: их методологическое сходство –

mensura (измерение) [2, с. 630]. Это представление сформировалось, скорее всего, в позднеантичный период, став результатом осмысления идей предшествующей географической традиции, которая восходит к Эратосфену и Клавдию Птолемию. Все это противоречит устоявшемуся в прошлом тезису о прекращении развития географической мысли в Римской империи после II в.

Уникальная идея, вложенная в уста Геометрии, дополняет и продолжает мысль Птолема о разделении географии и хорографии, впервые озвученной в I книге «Руководства по географии». По его словам, первая занимается описанием всего мира, а вторая – изучает его отдельные регионы. Далее отмечается, что география опирается на математические методы, а хорография только на принципы описания (Claud. Ptol. I 1.4 4-5). Это определение проистекает из значения самих греческих слов γῆ (земля, общая совокупность суши) [16, р. 347] и χώρα (страна, край) [12, s. 303; 16, р. 1205]. Латинский термин *geometria* также пришел из греческого языка (от глагола γεωμετρέω – я измеряю землю [16, р. 346]) и не претерпел изменения в значении. Монолог Геометрии о земле по своему научному содержанию практически полностью соответствует определениям Птолема. Однако в дополнении его рассказа Марциан Капелла приводит специальную латинскую терминологию отдельно для географической части выступления, отдельно – для хорографической. Отсюда проистекает строгое выделение, в концепции семи свободных искусств, двух ключевых понятий римской географии: *orbis terrarum* (круг земель) и *terra* (земля, страна, общая совокупность земель). Рассмотрим их по отдельности.

Хорографическая часть выступления Геометрии (§ 622–702): *orbis terrarum, provincia* и *finis*

В центре второй части монолога Геометрии лежит понятие *orbis terrarum* (круг земель, обитаемый мир). Почти весь известный в то время «обитаемый мир», по мнению древних авторов, совпадал с территорией Римской империи, и недаром получило распространение выражение *orbis Romanus* вместо *orbis terrarum* [11, s. 1-40]. Однако у Марциана Капеллы мы не встречаем употребление первого словосочетания, что на первый взгляд может показаться странным. Заметим, что собственно хорографическая часть рассказа Геометрии начинается с § 622, где происходит плавный переход от проблем математической географии (*Ostensum puto ambitum superioris terrae permenso in circulum maris undique secus nauigato*) к строгому разделению населенной и ненаселенной части земли. Уже в следующем предложении употребляется словосочетание *orbis terrarum*. Латинское слово *orbis* (диск, круг) [18, р. 433] этимологически восходит к реконструированной праиндоевропейской форме *h₃erbh (вращать, поворачивать, сворачивать), предложенной лингвистом М. Вайссом в 2006 году [19, s. 250]. Как отмечал Р. Фридрих, несмотря на то, что в некоторых источниках под *orbis* понимается весь земной шар, начиная с ионийских

географов, для большинства авторов существовала письменная традиция воспринимать мир лишь в пределах земель, где проживали люди [11, s. 11-15]. На наш взгляд, это было обусловлено картиной мира античных авторов, в основе которой лежала идея «нашего мира», ойкумены с находящимися вокруг *mare nostrum* тремя континентами: Европой, Азией и Африкой. Все, что расположено вне известного мира, не считалось им в плане восприятия. Уже ко времени написания «Естественной истории» Плиния Старшего «круг земель» стал синонимом греческого понятия *οἰκουμένη* [γῆ] (обитаемая часть земли) [8, p. 277-280]. Может показаться, что Марциан Капелла продолжает устоявшуюся древнюю традицию, однако отсутствие в «Бракосочетании» термина *orbis Romanus* и необычный характер общего описания различных уголков мира невольно заставляют иначе взглянуть на эту проблему. На протяжении восьмидесяти параграфов он ни разу не подчеркнул центральное положение Рима и Римской империи, что легко объясняется общими потрясениями V в. Все краткое повествование лишено каких-либо симпатий и явных антипатий автора по отношению к населяющим «круг земель» народам. Напрашивается вывод о фактическом вытеснении понятия *orbis Romanus*, употребляемым ранее – *orbis terrarum*.

Описания стран и народов в «Бракосочетании» (§ 622–702) не содержат термина *terra*. Указанное обстоятельство выглядит еще более необычно и явно противоречит сложившейся римской географической традиции. Вместо *terra* Марциан Капелла употребляет административные понятия: *provincia* (провинция, изначально: завоеванная область) [2, с. 829] и *finis* (область, территория, граница) [2, с. 428]. Этимология слова *finis* восходит к праиндоевропейской форме **baina-* (шест, пограничный знак) [9, s. 264-268; 18, p. 222]. Географический охват «Бракосочетания» был всемирным и построен по принципу кругового описания, соответствующее особенностям жанра периегезы [3; 4; 10; 14; 17]. Как и у других представителей античной историографии, Капелла упоминает не только Римский мир, но и государства и области, никогда не входившие в состав Империи Цезарей. Здесь обозначены следующие области:

Рим	Британия	Иберия	Фригия
Византий (Константинополь)	Галлия	Вифиния	Месопотамия
Аравия	Фракия	Ливия	Паннония
Палестина	Галатия	Иония	Македония
Италия	Дакия	Иудея	Римская Африка
Египет	Далмация	Исаврия	Внутренняя Африка
Киликия	Индия	Сирия	Финикия
Мезия	Каппадокия	Лидия	Эфиопия

Отдельно представлены и множество народов, населявших ойкумену: эллины, римляне, каппадокийцы, египтяне, мавры, индийцы, халдеи и др. Невзирая на краткость повествования, сделаны интересные этнографические заметки (§ 622–702).

Географическая часть выступления Геометрии (§ 567–621): terra и orbis

В центре географической части VI книги лежит определение terra (как общая совокупность земель [2, с. 1007]). Вторым ключевым понятием и синонимом земли стал термин orbis (§ 617), употребляемый, в отличие от хорографической части монолога, в своем исходном значении и обозначенный как «круг, окружность», символизируя весь мир: с людьми и без них. Характерно, что только в этой части монолога дается рассказ об антеках и антихтонов, проживающих за пределами orbis terrarum, но в рамках orbis. Список рассматриваемых проблем здесь полностью соотносится с общим содержанием определения γεωγραφία у Клавдия Птолемея: форма земли и доказательства её шарообразности (§§ 590–595), её величина (§§ 596–598), расположение (§§ 599–601), свойства климатических поясов и полушарий (§§ 602–608), вновь величина земного шара (§§ 609–610), форма и размеры ойкумены (§§ 611–621). Собственно географическая часть монолога Геометрии начинается с § 590, где оспаривается плоская форма земли и доказываемая её шарообразность. Большая часть сообщаемых сведений явно заимствована из II книги «Естественной истории» Плиния Старшего, отдельных фрагментов «Собрания достопамятных сведений» Гая Юлия Солина и I книги «Руководства по географии» Клавдия Птолемея. В отличие от Марциана Капеллы, у авторов I–III вв. нет строгого разграничения терминов terra и orbis terrarum. Значительное количество ошибок в цифрах может объясняться искажениями в рукописной традиции текстов.

Можно согласиться с позицией Х.О. Тейлора о большом практическом значении сообщаемых Марцианом Капеллой сведений [6, 248-251; 7, р. 49-57], в особенности математической географии. Завоевание римлянами Средиземноморья и создание огромной империи, населенной различными по происхождению и уровню развития народами, породило проблему эффективного управления государством. Знания в области географии, накопленные в прежний период, оказались практически востребованными в новом государстве [11, р. 10-16]. Только для сбора налогов требовались обширные знания о провинциях, о занятиях их жителей, путях сообщения и измерение расстояния (в стадиях) между ключевыми населенными пунктами. Не менее значимыми для практической части оказались сведения о торговых путях и морских портах империи, что выразилось в создании синкретического сочинения, географическая часть которого вобрала в себя разные жанры: от элементов узкопрактических периплов до более обстоятельных и цельных хорографических описаний.

Подводя общие итоги еще раз обратим внимание на особенности изложения «географии» и «хорографии» у Марциана Капеллы. Несмотря на очевидное сходство их содержания с рассказом Клавдия Птолемея, в «Бракосочетании» обозначаются и строгие терминологические рамки каждой ключевой дисциплины. Для первой допустимо употребление терминов *terra* и *orbis*, для второй – *orbis terrarum*, *provincia* и *finis*. Указанное обстоятельство позволяет увидеть приблизительное развитие понятия «географии» (в античном понимании) от представлений Клавдия Птолемея, жившего в период наивысшего расцвета Римской империи, до поздней Античности. Идеи, заложенные в VI книге «Бракосочетания Филологии и Меркурия» Марциана Капеллы, легли в основу определения «Геометрии» в развитое Средневековье.

Литература

1. Адо И. Свободные искусства и философия в античной мысли / пер. Е.Ф. Шичалиной. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2002.
2. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. М.: Русский язык, 1976.
3. Илюшечкина Б.В. География Дионисия Перизэгета в контексте античной этноисторической традиции. Дисс...канд. Ист. наук. М., 2005.
4. Илюшечкина Б.В. Картина мира Дионисия Перизэгета // Вестник древней истории. М. № 4 (283). С. 22-48.
5. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. М.: Искусство, 1992. Кн. I.
6. Марру А.-И. История воспитания в античности (Греция). М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1998.
7. Шахов Ю.А. Марциан Капелла и его произведение // Марциан Капелла. Бракосочетание Филологии и Меркурия / пер. и комм. Ю.А. Шахова. М.; СПб.: Петроглиф, 2019. С. 262-283.
8. Ando C. Imperial Ideology and Provincial Loyalty in the Roman Empire. Los Angeles; London: Berkeley, 2000.
9. Bammesberger A. Lateinisch *finis* und urgermanisch **baina-* // Historische Sprachforschung, 1990. Bd. 103. S. 264-268.
10. Duek D., Brodersen K. Geography in Classical Antiquity. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.
11. Friedrich R. Materialien zur Begriffsbestimmung der *orbis terrarum*. Leipzig: Druck von Alexander Edelmann., 1887.
12. Frisk H. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I: A–Ko. Heidelberg: Carl Winter, Universitätverlag, 1960.
13. Grebe S. Gedanken zur Datierung von “*de Nuptiis Philologiae et Mercurii*” des Martianus Capella // Hermes, 2000. Bd. 128, Hd. 3. S. 353-368.

14. Le Moine F. *Martianus Capella. A Literary Re-evaluation*. München: Die Arbo-Gesellschaft, 1972.
15. Lewis C.S. *The Alegory of Love. A Study in Medieval Tradition*. Oxford: Oxford University Press, 1936.
16. Liddel G. H., Scott R. *A Greek-English Lexicon*. Oxford: Oxford University Press, 1996.
17. Taylor H.O. *The Classical Heritage of the Middle Ages*. N.Y.: The Columbia University Press, 1900.
18. Vaan M. de. *Etymological Dictionary of Latin and the other Italic Languages*. Leiden; Boston: Brill, 2008.
19. Weiss M. *Latin orbis and its cognates // Historische Sprachforschung*, 2006. Bd. 119. S. 250-272.
20. Wessner P. *Martianus Capella // Pauly-Wissowa Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaften*. Stuttgart: Metzler, 1930. Band XIV, Halbband 28, Mantikles—Mazaion. S. 1511-1534.

References

1. Ado, I. (2002). *Svobodnye iskusstva i filosofija v antichnoj mysli*. Moscow: Greko-latinskij kabinet Ju.A. Shichalina. (in Russ.)
2. Dvoreckij, I.H (1976). *Latinsko-russkij slovar'*. Moscow: Russkij jazyk. (in Russ.)
3. Iljushechkina, B.V (2005). *Geografija Dionisija Perijegeta v kontekste antichnoj jetnoistoricheskoj tradicii*. Moscow. (in Russ.)
4. Iljushechkina, B.V (2012). *Kartina mira Dionisija Perijegeta. Vestnik drevnej istorii. № 4 (283). C. 22-48. (in Russ.)*
5. Losev, A.F. (1992). *Istorija antichnoj jestetiki. Itogi tysjacheletnego razvitija (Kn. D)*. Moscow: Iskusstvo. (in Russ.)
6. Marru, A.-I. (1998). *Istorija vospitanija v antichnosti (Grecija)*. Moscow: Greko-latinskij kabinet Ju. A. Shichalina. (in Russ.)
7. Shahov, Ju.A. (2019). *Marcian Kapella i ego proizvedenie. In Shahov, Ju. A. (Ed.). Marcian Capella. The Marriage of Philology and Mercury. C. 262-283. Moscow; St. Peterburg: Petroglyph. (in Russ.)*
8. Ando, C. (2000). *Imperial Ideology and Provincial Loyalty in the Roman Empire*. Los Angeles; London: Berkeley.
9. Bammesberger, A. (1990). *Lateinisch finis und urgermanisch *baina- // Historische Sprachforschung*, Bd. 103. S. 264-268.
10. Duek, D., & Brodersen, K. (2012). *Geography in Classical Antiquity*. Cambridge: Cambridge University Press.

11. Friedrich, R. (1887). *Materialen zur Begriffsbestimmung der orbis terrarum*. Leipzig: Druck von Alexander Edelmann.
12. Frisk, H. (1960). *Griechisches etymologisches Wörterbuch* (Bd. I: A–Ko). Heidelberg: Carl Winter, Universitätsverlag.
13. Grebe, S. (2000). Gedanken zur Datierung von “de Nuptiis Philologiae et Mercurii” des Martianus Capella // *Hermes*, Bd. 128, Hd. 3. S. 353-368.
14. Le Moine, F. (1972). *Martianus Capella. A Literary Re-evaluation*. München: Die Arbo-Gesellschaft.
15. Lewis, C.S. (1936). *The Alegory of Love. A Study in Medieval Tradition*. Oxford: Oxford University Press.
16. Liddel, G.H., & Scott, R.A (1996). *Greek-English Lexicon*. Oxford: Oxford University Press.
17. Taylor, H.O. (1901). *The Classical Heritage of the Middle Ages*. New York: The Columbia University Press.
18. Vaan, M. de. (2008). *Etymological Dictionary of Latin and the other Italic Languages*. Leiden; Boston: Brill.
19. Weiss, M. (2006). Latin orbis and its cognates. *Historische Sprachforschung*, Bd. 119. S. 250-272.
20. Wessner, P. (1930). *Martianus Capella. Pauly-Wissowa Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaften*. Stuttgart: Metzler, Band XIV, Halbband 28, Mantikles-Mazaion. S. 1511-1534.

дата поступления: 05.09.2024

дата принятия: 22.10.2023

© Зибяев А.В., Жуков О.Р., Поляков С.А., 2024

УДК 94(73).091

<https://doi.org/10.36906/2311-4444/24-4/02>

A.A. Soikin

THE UNITED STATES AND GERMANY AT THE FINAL STAGE OF THE “UNLIMITED” SUBMARINE AND WORLD WAR

Сойкин А.А.

США И ГЕРМАНИЯ НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ «НЕОГРАНИЧЕННОЙ» ПОДВОДНОЙ И МИРОВОЙ ВОЙНЫ

The article examines the role of German submarine warfare in the context of strategies and tactics of the First World War. The key aspects are considered, including the goals and consequences of the economic blockade organized by Great Britain, and the response actions of the German fleet. Special attention is paid to the influence of unrestricted submarine warfare on neutral powers, which became one of the factors of the US entry into the war. The article analyzes the pace of U.S. naval construction, the large-scale development of the convoy system and anti-submarine defense, which ensured the successful transfer of American troops to Europe. The article provides statistical data on the number of ships sunk and their tonnage, the dynamics of losses in maritime communications, as well as on changes in the effectiveness of German submarines under the influence of anti-submarine measures of the Allies. The diplomatic steps of the United States, which led to the cessation of the submarine war by Germany and the signing of an armistice, are particularly highlighted. Based on the work of researchers based on archival data from the period under study, the author analyzes the consequences of submarine warfare for the outcome of the World War, including the transfer of German submarines to the Allies and the completion of naval operations.

Keywords: World War I, German submarine war, German diplomacy, diplomacy of the Entente countries.

About the author: Alexey A. Soikin, ORCID: 0000-0002-7613-0034, Senior Lecturer, Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russia, , soykinalexey@mail.ru

В статье исследуется роль подводной войны Германии в контексте стратегий и тактики Первой мировой войны. Рассмотрены ключевые аспекты, включая цели и последствия экономической блокады, организованной Великобританией, и ответные действия германского флота. Особое внимание уделено влиянию неограниченной подводной войны на нейтральные державы, что стало одним из факторов вступления США в войну. Анализируются темпы военно-морского строительства США, масштабное развитие конвойной системы и противолодочной обороны, обеспечившие успешную переброску американских войск в Европу. В статье приводятся статистические данные о количестве потопленных судов и их тоннаже, динамике потерь на морских коммуникациях, а также об изменении эффективности немецких субмарин под воздействием противолодочных мер союзников. Особо выделяются дипломатические шаги США, приведшие к прекращению подводной войны Германией и подписанию перемирия. На основе работ исследователей, которые основываются на архивных данных изучаемого периода, автор анализирует последствия подводной войны для итогов мировой войны, включая передачу германских субмарин союзникам и завершение военно-морских операций.

Ключевые слова: Первая мировая война, подводная война Германии, дипломатия Германии, дипломатия стран Антанты.

Сведения об авторе. Сойкин Алексей Александрович, ORCID: 0000-0002-7613-0034, старший преподаватель кафедры истории России и документоведения Нижневартовского государственного университета, г. Нижневартовск, Россия, soykinalexey@mail.ru

Soikin, A.A. (2024). The United States and Germany at the Final Stage of the “Unlimited” Submarine and World War. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*, (4(68)), 13-18. <https://doi.org/10.36906/2311-4444/24-4/02>

The German submarine war known as the “shadow” of the First World War [3] had the goal to break the economic blockade established by Great Britain. However, the actions of German submarines on maritime trade communications affected the interests of neutral powers, which eventually led to the entry of the United States into the World War on the side of the Entente. In response to Washington's decision, the actions of German submarines intensified and reached their apogee in early 1918. Under the slogan of the need to end the war, the United States took retaliatory steps on land and at sea.

The process of forming the American peace program and the post-war order was supported by the rapid development of military production and the build-up of the US military potential. In particular, the naval forces began to implement a development program, which was approved by Congress in August 1916 [11, p. 44]. During the three-year period, it was planned to build 10 battleships, 6 battlecruisers, 10 reconnaissance cruisers, 50 destroyers and 67 submarines. The pace of its implementation was especially intense in 1918: in January, 2 destroyers were launched at the shipyards; in February, 3 destroyers; in March, 6 destroyers; in April, 9 destroyers; in May, 4 destroyers; in June, 7; in June, 16 destroyers, in July-August, 1 destroyer; in September, 2 destroyers; in October, 1 destroyer. In addition to surface warships, the construction of submarines has been established in the United States. [8, p. 320-322].

For their part, at the beginning of 1918, German submarines opened a particularly active hunt for the ships of their opponents. In February, 68 ships (mostly British) were sunk, killing 697 passengers and crew [2, s. 87]. Now the German submarines attacked, first of all, the transport ships. However, the level of losses from underwater attacks was decreasing. If at the beginning of the “unlimited” submarine war (February-April 1917), the tonnage of sunk ships of the Entente countries reached 700 gross tons per day, then in May-June 1918. This figure decreased to 275 gross tons, although the number of German submarines involved in operations has not changed [2, s. 87]. The summer months of 1918 became quite “hot” in the ending submarine war. The most striking episode of these events was the death of the British liner *Dzhustish*. Despite the activity of the enemy's anti-submarine defense and their own losses, in August 1918, German submariners sank 41 British ships. Their displacement was 145.7 thousand gross tons [7, p. 72]. In September 1918 again there was an increase in the number of enemy ships sunk but the amount of tonnage destroyed decreased. In total, 48 Allied ships with a displacement of 136.8 thousand gross tons were sunk during the first month of autumn. More than 500 passengers and crew members became victims of German submariners' attacks [6, p. 667]. The German command welcomed the submarines actions but expressed concern about the decrease in the tonnage of enemy ships sunk and the increased losses of submariners. This was due to the enemy's anti-submarine actions, which became much more effective than before [8, p. 667].

In 1918, the transfer of American troops to Europe significantly accelerated. For this reason, the topic of security of transatlantic communications has become a constant and was actively discussed at special meetings of the allied Powers. As a result, the British Admiralty began to transfer transport ships to the United States. Within a short time, 188 British transports made one or more voyages from Great Britain to New York and back (calling in France) with American soldiers on board [1, p. 246]. Convoy vessels of the British Navy accompanied them, ensuring their safety. 393 destroyer squadrons and 51 convoy ocean vessels took part in escorting the transport ships [13, p. 229].

The preparation of the “American rush” to Europe, of course, attracted the attention of the political and military leadership of Germany. However, this process could not be stopped by them. The forces of the Kaiser's surface fleet have long been shackled by the Grand Fleet of the United Kingdom. Its most active part, the submarine flotilla (27 – as part of the North Sea flotilla; 16 – in the Mediterranean Sea; 4 – in the Atlantic) [2, s. 89], continued to wage an “unlimited” war on the trade communications of the North Atlantic and the Mediterranean Sea. For the most part, submarines do not have the technical capabilities to attack enemy transatlantic military transports. In addition, these facilities were provided with reliable protection by the US and British Navies. For this reason, German submarines did not conduct major operations against American convoys [12, p. 199]. Individual episodes of confrontation, often tragic for submariners of the German Navy, did not change the situation. In addition, the US Navy formed its own special units of “submarine chasers”, which were based in Plymouth (Great Britain) and Cork (Southern Ireland) [4, p. 216]. The victory in the “Battle of the Atlantic” allowed the Allies, represented by Great Britain and the United States, to deliver over 247 thousand American soldiers to Europe in May 1918 [13, p. 201]. As already noted, despite the constant presence of German submarines on the way to the western ports of Great Britain and France, the movement of military transports from overseas, thanks to the convoy system, was successful [13, p. 201]. During the spring and summer months of 1918, the transfer of American troops to Europe was the most intense. About 300 thousand troops were transported monthly [13, p. 201].

In this situation, realizing the inevitability of defeat, on October 5, 1918, the new Imperial Chancellor of Germany, Maximilian of Baden, officially appealed to the President of the United States with a request to begin negotiations on an armistice [9, p. 231]. On October 14, 1918, as part of the continuation of the exchange of diplomatic notes in which the parties discussed issues of a wide range [5, p. 399], Wilson demanded that Germany stop the submarine war while maintaining the blockade by the Allied fleet. October 21, 1918 all German submarines were ordered to immediately stop attacking enemy passenger and merchant vessels [9, p. 89]. The final order of the German Navy command was announced in a situation of catastrophic balance of forces, ensured by the participation of the United States in the anti-submarine war. To counter German submarines, the US Navy concentrated in Europe: in Scapa Flow – 5 dreadnoughts; in Queenstown – 24 destroyers and 5 auxiliary ships; in Brest – 16 yachts, 33 destroyers, 4 floating

workshops, 14 tugs; in Plymouth – 41 motor boats and 2 destroyers; in Birhoven – 6 submarines of different classes; in Cork – 36 motor boats; in the Azores – 4 submarines, 1 gunboat and 2 yachts; in Gibraltar – 2 patrol ships, 5 destroyers, 5 gunboats and 10 yachts [13, p. 199]. In addition, auxiliary vessels were involved – 73 coal miners and 4 military transports, as well as 30 air stations with 435 hydroplanes, 4 airships and 46 tethered balloons, 10 minelayers. Many ships were also intended for the installation of anti-submarine barriers [13, p. 199]. In the anti-submarine warfare in November 1918 374 American ships were to take part. Among them: 9 battleships, 3 cruisers, 70 destroyers and numerous motor boats (submarine fighters), on which 75 thousand served, which exceeded the number of personnel of the American Navy of the pre-war period. All these forces were located at 45 military bases dispersed on all fronts of the naval war [9, p. 89].

After Berlin's decision to end the submarine war, on October 23, 1918, the US government demanded the complete surrender of Germany [5, p. 399]. Emperor William did not want to stop hostilities, believing that Washington's demands were humiliating, and even dismissed General Ludendorff [4, p. 190]. However, the internal political crisis in Germany (the November Revolution), which led to the resignation of M. Baden and to the abdication of William himself, opened a new page in the history of the negotiation process [10, p.166]. On November 11, 1918, in the staff carriage of Marshal F. Foch at the Retond station (near Compiègne), the armistice signing ceremony took place. Military operations on all fronts of the Great War have stopped. According to the armistice agreement, all German submarines, without exception, were transferred to the Allies in the port of Harwich (Essex, England). 14 days were allotted for this, from the moment of signing the truce [9, p. 89]. On November 20, 1918, the Allies accepted the first batch of German submarines – 20 units. In total, 184 submarines were transferred to representatives of the victorious powers [9, p. 89]. With this, the more than four-year history of the German Empire's submarine warfare, which accompanied the land battles of the First World War, finally ended.

References

1. Crowell, B., & Wilson, R.F. (1921). *The Road to France II. Transportation of troops and military supplies. 1917–1918.* New Haven. Yale University Press.
2. Geyer, A. (1930). “German soldiers in the war of 1914–1918”. Berlin. Publishing house E. S. Mittler & Sohn.
3. Gibson, R., & Prendergast, M. (2002). *The German Submarine War of 1914–1918.* (in Russ.).
4. Gibson, R.H., & Prendergast, M. (1931). *The German Submarine War, 1914–1918.* London. Constable.
5. *History of diplomacy.* (1945). Vol. 1-3. State Publishing House of Political Literature, 1945; vol. 2. (in Russ.).
6. Joll, J. (1988). *The origins of the First World War.* (in Russ.).
7. Lovell, T. (1940). *Corsairs of the depths.* (in Russ.).

8. McKellar, N.L. (1963). Steel shipbuilding at the United States Shipping Administration, 1917-1921: Part V. Tamworth. BNRA.
9. Mikhelsen, A. (1940). The Submarine War of 1914–1918. (in Russ.).
10. Morrow, J.H. (2005). The Great War: An Imperial History. London: Routledge.; N.Y.: Routledge.
11. Ritschl, A. (2005). The pity of peace: Germany's economy at war, 1914–1918 and beyond. In: Broadberry, Stephen and Harrison, Mark. The Economics of World War I. Cambridge: Cambridge University Press.
12. Salter, A. (1921). Allied shipping control: an experiment in international administration. Oxford: Clarendon Press.
13. Stahl, A.V. (1936). The development of methods of submarine operations in the war of 1914-1918 at the main naval theaters. (in Russ.).

Литература

1. Crowell B., Wilson R.F. The Road to France II. The Transportation of Troops and Military Supplies. 1917–1918. New Haven: Yale University press, 1921. 246 p.
2. Gayer A. Die deutschen u-boote in ihrer kriegfuhrung 1914–18. Berlin: Verlag von E. S. Mittler & Sohn, 1930. 111 s.
3. Гибсон Р., Прендергаст М. Германская подводная война 1914–1918 гг. / Пер. с англ. Мн.: Харвест, 2002. 464 с.
4. Gibson R.H., Prendergast M. The German Submarine War, 1914–1918. London: Constable, 1931. 460 p.
5. История дипломатии. Т. 1-3. М.-Л.: Государственное издательство политической литературы, 1945; Т. 2. 423 с.
6. Джолл Дж. Истоки первой мировой войны. / Пер. с англ. Ростов-на-Дону: Феникс, 1988. 263 с.
7. Ловелль Т. Корсары глубин / Пер. с англ. М.-Л.: Военмориздат НКВМФ СССР, 1940. 148 с.
8. McKellar N.L. Steel Shipbuilding under the U. S. Shipping Board, 1917–1921: Part V. Tamworth: BNRA, 1963. p. 320-322.
9. Михельсен А. Подводная война 1914–1918 гг. / Пер. с нем. М.-Л.: Военмориздат НКВМФ СССР, 1940. 136 с.
10. Morrow J.H. The Great War: An Imperial History. London: Routledge.; N.Y.: Routledge, 2005. 352 p.
11. Ritschl A. The pity of peace: Germany's economy at war, 1914–1918 and beyond. In: Broadberry, Stephen and Harrison, Mark. The Economics of World War I. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P. 41-76.

12. Salter A. Allied shipping control: an experiment in international administration. Oxford: Clarendon Press. 1921. 396 p.

13. Шталь А.В. Развитие методов операций подводных лодок в войну 1914–1918 гг. на основных морских театрах. М.: Воениздат НКО СССР, 1936. 214 с.

дата поступления: 29.09.2024

дата принятия: 22.10.2024

© А.А. Soikin, 2024

СОЦИОГРАФИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ «СОЮЗА 17 ОКТЯБРЯ» В РОССИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

N.I. Pjanykh

SOCIAL PORTRAIT OF THE LOCAL ELITE OF THE UNION OF OCTOBER 17 IN EARLY 20TH CENTURY RUSSIA

Аннотация. Целью исследования являлось формирование социографического облика октябристской региональной политической элиты на общероссийском уровне в сравнении с социальным составом Центрального комитета и партии в целом. Критериями элитарности были приняты участие в руководстве региональных отделов «Союза 17 октября», представительство и участие в выборах в Государственной Думе разных созывов и в Государственном Совете за исключением принадлежности к столичным деятелям-участникам ЦК. В качестве источника была использована просопографическая электронная база данных «Партийно-политическая элита провинциальной России (1890–1920-е гг.)», содержащая характеристики участника элиты: социальное происхождение и т. д. Анализ накопленной информации позволил составить общий портрет региональной политической элиты «Союза 17 октября», выделить преференциальные параметры (дворянство, государственная служба, зрелый возраст, высшее образование, принадлежность к великороссам). Автор пришел к выводу о том, что октябристская региональная элита имела срединные (между общепартийными и центральными) показатели указанных параметров, объяснив ее промежуточным положением в партийной иерархии. Новизна исследования заключается в том, что впервые на основе просопографической базы данных был создан социографический портрет провинциальной элиты «Союза 17 октября» на общероссийском уровне в сравнении с социальным составом Центрального комитета и партии в целом.

Ключевые слова: партия октябристов, региональные политики, политическая элита, Российская империя, начало XX века, социокультурный состав, политическая история, демография.

Сведения об авторе: Пьяных Никита Иванович, ORCID: 0009-0003-7416-6919, SPIN-код: 2350-5808, канд. ист. наук, средняя общеобразовательная школа № 3, г. Рассказово, Россия, nikita-p-2016@mail.ru

Abstract. The paper aims to form the social image of the Octobrist local political elite at the all-Russian level comparing it with the social composition of the Central Committee and the party as a whole. The criteria of elitism were participation in the Union regional department leadership, representation and participation in the State Duma elections of various convocations as well as in the State Council except metropolitan figures participating in the Central Committee. The prosopographic electronic database *Party and Political Elite of Provincial Russia (1890s–1920s)* was used as a source providing the data on characteristics of the elite, their social origin etc. The analysis of the accumulated information allowed drawing up a general portrait of the Union local political elite, to identify its preferential parameters (nobility, civil service, mature age, higher education, belonging to the Great Russians). The originality of the research lies in the first attempt to create a social portrait of the provincial elite of the Union of October 17 at the all-Russian level in comparison with the social composition of the Central Committee and the party as a whole, using a prosopographic database as a source.

Keywords: the Octobrist Party, regional politicians, political elite, the Russian Empire, the beginning of the 20th century, social and cultural composition, political history, demography.

About the author: Nikita I. Pjanykh, ORCID: 0009-0003-7416-6919, SPIN-code: 2350-5808, Candidate of Historical Sciences, Secondary Comprehensive School No. 3, Rasskazovo, Russia, nikita-p-2016@mail.ru

Пьяных Н.И. Социографический портрет региональной элиты «Союза 17 октября» в России в начале XX века // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2024. №4(68). С. 19-29. <https://doi.org/10.36906/2311-4444/24-4/03>

Pjanykh, N.I. (2024). Social Portrait of the Local Elite of the Union of October 17 in Early 20th Century Russia. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*, (4(68)), 19-29. (in Russ.). <https://doi.org/10.36906/2311-4444/24-4/03>

Нормальное существование и развитие общества возможно только с учетом опыта предшествующих поколений. В начале XX в., как и в настоящее время, только в совершенно иных политических, социально-экономических и других реалиях, в России происходило становление правового государства. За это выступал «Союз 17 октября». При наличии определенного количества исторических исследований [19; 34] облик его региональной элиты на общероссийском уровне отсутствует. Восполнение данного пробела определило наш выбор темы.

Наше исследование проблемы социального состава октябристской региональной политической элиты базируется на просопографической базе данных «Партийно-политическая элита провинциальной России (1890–1920-е гг.)», составленной коллективом под руководством доктора исторических наук, профессора ТГУ им. Г.Р. Державина Л.Г. Протасова, участником которого был автор настоящей работы. База данных содержит биографические сведения о представителях октябристской региональной элиты. В нее входил ряд руководителей и видных деятелей региональных отделов партии, депутатов и выборщиков Государственной Думы I–IV созывов, членов Государственного Совета, исключая столичных деятелей-участников ЦК «Союза 17 октября» – их принадлежность к провинциальной элите несомненна, так как они сформировались как политики на локальном уровне и являлись выдающимися представителями регионов Российской империи. О каждом элитарном октябристе имеются данные, такие как фамилия, имя, отчество, сословная принадлежность, пол, возраст, народность, образование, род занятий.

По социальному происхождению большинство представителей октябристской провинциальной элиты принадлежали к дворянскому сословию. Подавляющая их часть (95,77%) являлись потомственными дворянами, помещиками, собственниками от 50 до 40 000 десятин земли. Большой диапазон площади имений элитарных октябристов свидетельствует об их имущественном расслоении.

Второе место по социальному генезису в количественном отношении занимали представители крестьянского сословия. Одним из факторов их политической инициации был, вероятно, возраст. Как правило, крестьянам-октябристам было от 40 до 50 лет. Историки отмечают, что в силу стойкости монархических традиций они сохраняли веру в самодержавие. [1, с. 46].

Численность купцов и связанных с ними по роду занятий потомственных почетных граждан, была примерно одинаковой с численностью представителей крестьянского сословия (совокупно 12,45%). Они входили в региональную элиту «Союза 17 октября»,

потому, что союз выступал за обеспечение свободы торговли и промышленности, организацию банковских кредитов [24, с. 61, 65], способствовавших развитию частного бизнеса.

Доля духовенства, как и дворянства, не превышала 1/10 (см. табл. 1). Второе сословие традиционно являлось одной из идеологических основ монархической власти, трансформированной в ходе и под непосредственным влиянием революционных событий 1905 г. Партия октябристов в целом поддерживала власть в годы председательства в Совете Министров П.А. Столыпина [29, с. 278].

На уровне статистической погрешности находились казаки, мещане и колонисты. Низкая доля участия представителей непривилегированных слоев в «Союзе 17 октября» свидетельствует об его элитарности.

Октябристская провинциальная элита принадлежала в основном к высшему слою российского социума – помещичьему дворянству, его либерально-консервативной части, считавшей государственное устройство Российской империи, преобразованное Манифестом 17 октября 1905 г., оптимальным.

Таблица 1

Сословный облик провинциальной элиты «Союза 17 октября»
[Составлено по: 2–6, 11, 13, 14, 16, 17, 20, 22, 23, 25-28, 30, 31, 35]

Социальное происхождение	Кол-во	%
Дворянство	142	58,92
Духовенство	18	7,5
Купечество	20	8,30
Из почетных	10	4,15
Казачество	5	2,07
Мещанство	8	3,32
Крестьянство	35	14,52
Из колонистов	3	1,24
Всего	241	100,00

Социальное происхождение региональных политиков обуславливало их уровень образования. Дворяне чаще всего имели высшее образование (77,46%) и среднее, преимущественно военное, образование, с помощью которого могли поступить на требовавшую грамотности государственную службу, стать чиновниками и офицерами.

Духовные семинарии и академии закончили абсолютное большинство (72%) представителей второго сословия. Однако почти треть детей служителей культа не желали продолжать семейную традицию и становиться священниками, поэтому поступали в светские учебные заведения. Распространявшиеся материалистические идеи воздействовали на сознание подданных Российской империи.

Составлявшие согласно Своду законов Российской империи «городское сословие» мещане, купцы и почетные граждане получили разное образование, что определялось их промежуточным положением в отечественном социуме на рубеже XIX–XX вв.

Находившиеся внизу социальной структуры российского общества крестьяне имели в основном низшее, реже – домашнее образование. Происходивший и принадлежавший к купцам председатель Томского отдела «Союза 17 октября», спонсор местной партийной организации А.Е. Кухтерин был единственным, не стремившимся совсем получить систематическое образование, как и его братья [8, с. 196]. Оно было лишним в их жизни.

Относительное большинство представителей провинциальной элиты «Союза 17 октября» получили высшее образование. Второе место занимали лица со средним образованием. Различные его уровни у региональных политиков отражали иерархию еще существовавшего сословного общества, трансформировавшегося на рубеже XIX–XX вв.

Таблица 2

Образовательный уровень региональной элиты «Союза 17 октября»

[Составлено по: 2-6, 11, 13, 14, 16, 17, 20, 22, 23, 25-28, 30, 31, 35]

Образование	Кол-во	%
Высшее	126	52,28
Среднее	59	24,48
Низшее	39	16,18
Частное	1	0,41
Домашнее	15	6,22
Без образования	1	0,41
Всего	241	100,00

Социальное происхождение определяло занятия региональных элитарных октябристов. Наибольшей категорией по рассматриваемому показателю было пополнявшееся дворянами чиновничество (см. табл. 3). Среди него доминировали табельные служащие среднего класса – V–VIII чинов (43,10%) и действительные статские советники – (31,03%). Государственная служба являлась традиционным занятием дворян.

Предприниматели составляли почти пятую часть провинциальной элиты «Союза 17 октября». К ним относились банкиры, фабриканты, лесопромышленники, хлеботорговцы, мелкие коммерсанты. Представителями делового мира являлись в основном купцы и потомственные почетные граждане. Также к ним относилась часть включившихся в капиталистические отношения дворян и крестьян.

Равным и небольшим был удельный вес агрономов и священнослужителей, принадлежавших соответственно к дворянству и духовенству. Священники Русской православной церкви, бывшей еще со времен Петра I частью государственного аппарата, освящали власть в глазах народа и, будучи в рядах октябристской элиты, не выходили за рамки правительственных позиций. Только видный деятель Казанского отдела октябристов священник А.В. Смирнов был уволен фактически за свои либеральные взгляды, а формально – по состоянию здоровья [36, с. 390]. Агрономов-дворян, не имевших других занятий, нами выявлено незначительное количество (см. табл. 3). Эти помещики смогли приспособиться к рыночным отношениям и содержать «образцовые хозяйства».

Таблица 3

Род занятий региональной элиты «Союза 17 октября»
 [Составлено по: 2-6, 11, 13, 14, 16, 17, 20, 22, 23, 25-28, 30, 31, 35]

Род занятий	Кол-во	%
Государственные служащие	116	48,13
Священники	13	5,39
Земские служащие	4	1,66
Железнодорожные служащие	1	0,41
Предприниматели	44	18,26
Частные управленцы, приказчики	3	1,24
Ученые	2	0,83
Педагоги	3	1,24
Юристы	9	3,73
Врачи	4	1,66
Инженеры	1	0,41
Журналисты, публицисты	2	0,83
Землемеры	1	0,41
Агрономы	13	5,39
Земледельцы	25	10,37
Всего	241	100,00

Каждый десятый участник региональной элиты «Союза 17 октября» был земледельцем. Это подтверждает вовлечение представителей крестьянского сословия в политическую деятельность в Российской империи в начале XX в.

По роду занятий октябристская провинциальная элита состояла преимущественно из государственных служащих с небольшим присутствием представителей предпринимательства. Чиновники были заинтересованы в сохранении своего социального статуса в революционный период и поэтому вступали в партию, поддерживавшую власть, борющуюся с антиправительственным движением. Предприниматели желали политических реформ, а также улучшения своего положения в трансформировавшейся социальной структуре российского общества.

Возраст является одной из основных характеристик политика. Относительное большинство членов октябристской провинциальной партийной элиты находилось в возрасте 41–50 лет. Родившиеся в 1860-е гг., они начали заниматься общественной деятельностью в органах земского и городского самоуправления в последнее десятилетие XIX в., время сохранения самодержавия Николаем II. Четверть региональных политиков составляли уроженцы 1850-х, чье становление пришлось на курс «контрреформ» Александра III. Доля поколения 1870-х гг. составляла более 1/5. Эти люди стали политиками в начале XX в. под влиянием распространявшегося либерального движения и Первой российской революции. Небольшим был удельный вес поколений 1840-х и 1880-х. Представители первой начали служить в земствах и городских думах еще в период продолжавшихся «Великих реформ», второй – в основном являлись крестьянами –

депутатами Государственной Думы разных созывов, не имевшими общественно-политического опыта и вовлеченными в политику революционной стихией.

Особо отметим восходящую линию поколений политиков до 1860-х гг. включительно, сменившуюся затем строго нисходящей (см. табл. 4, графа «Годы рождений»). Этот процесс коррелирует с тенденцией снижения рождаемости у ряда привилегированных сословий, отмеченной выдающимся историком [15, с. 578]. Реформы Александра II подорвали положение элитарных социальных групп и способствовали переходу российского общества от традиционного типа к индустриальному.

Региональную элиту «Союза 17 октября» составляли люди старше 40 лет. Имевшие определенный жизненный опыт, они стремились сохранить основные сложившиеся устои и были склонны к реформистским методам решения проблем в обществе.

Таблица 4

Возрастная структура элитарных политиков «Союза 17 октября»
[Составлено по: 2-6, 11, 13, 14, 16, 17, 20, 22, 23, 25-28, 30, 31, 35]

Возраст	Кол-во	%	Годы рождения	Кол-во	%	Годы вступления в общественную или политическую деятельность	Кол-во	%
71–80	4	1,66	1830-е	5	2,07	1860-е	3	1,24
61–70	31	12,86	1840-е	30	12,49	1870-е	9	3,73
51–60	60	24,89	1850-е	68	28,22	1880-е	61	25,31
41–50	97	40,25	1860-е	82	34,02	1890-е	91	37,76
31–40	48	19,92	1870-е	52	21,58	1900-е	63	26,14
21–30	1	0,41	1880-е	3	1,24	1910-е	14	5,81
Всего	241	100,00	Всего	241	100,00	Всего	241	100,00

По этническому составу абсолютное большинство провинциальных политиков-октябристов были великороссами. Каждый десятый член региональной элиты «Союза 17 октября» определял себя как малоросс. Непропорционально высоким в изучаемой элитарной группе был процент немцев. Это интерпретируется тем, что с XVIII в. правящие элиты Российской империи и германских государств были связаны друг с другом, российские императоры приглашали в страну немцев-аристократов, которых считали не склонными к взяточничеству, а также немцев-колонистов для заселения Новороссии. К нерусским элитариям относились единичные представители татар, итальянцев и греков. В российскую элиту издавна входили представители знати присоединенных или освобожденных от гнета других государств народов. Этнический облик провинциальной элиты «Союза 17 октября» соответствовал преобладающему народностному составу населения губерний Российской империи.

Таблица 5

Этнический состав региональной элиты октябристов
[Составлено по: 2-6, 11, 13, 14, 16, 17, 20, 22, 23, 25-28, 30, 31, 35]

Народность	Кол-во	%
Великороссы	191	79,25
Малороссы	28	11,62
Немцы	17	7,05
Татары	1	0,41
Итальянцы	2	0,83
Греки	2	0,83
Всего	241	100,00

Все представители октябристской провинциальной политической элиты были мужчинами. Отсутствие в ней женщин отражало патриархальный тип российского общества рубежа XIX–XX вв.

На фоне партии в целом [21, с. 167-191; 29, с. 101-102] доля дворян и духовенства в региональной элите «Союза 17 октября» находилась на более высоком уровне, а купцов – низком. В ее составе находилось больше людей со средним образованием, земледельцев и меньше предпринимателей. Данные о количестве госслужащих в элитарной группе октябристов коррелируют с общепартийными. В сравнении с обликом Центрального комитета [33, с. 217] и фракции в Государственной Думе [7, с. 578-581; 12, с. 214-215] провинциальная партийно-политическая элита октябристов была менее дворянской, но более чиновничьей, предпринимательской и великоросской. Все это объясняется промежуточным положением региональной элиты в партийной иерархии «Союза 17 октября». В целом октябристская провинциальная партийно-политическая элита была неотъемлемой частью партии «Союз 17 октября», которую выдающийся исследователь Д.Б. Павлов уже давно охарактеризовал как партию «служилого дворянства (еще не порвавшего, однако, полностью с традиционными дворянскими занятиями) и купцов, частично «одворяненной» торгово-промышленной и финансовой буржуазии» [18, с. 185].

Литература

1. Булдаков В.П. Красная смута. Природа последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 2010. 965 с.
2. Воронежская энциклопедия: в 2 т. Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2008. Т. 1-2.
3. Всероссийское учредительное собрание: Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2014. 556 с.
4. Галий И.П. Партия «Союз 17 октября» в Донской области: 1905–1912 гг. Дис. ... кандидата исторических наук: Ростов-на-Дону: Рост. гос. ун-т, 2005. 267 с.
5. Государственная дума Российской империи: 1906–1917. М.: РОССПЭН, 2008. 735 с.

6. Государственный совет Российской империи: 1906–1917. М.: РОССПЭН, 2008. 343 с.
7. Демин В.А. «Союз 17 октября» фракция // Государственная Дума Российской империи, 1906–1917: энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2008. 735 с.
8. Дмитриенко Н.М., Зиновьев В.П. Купеческая семья Кухтериных // Предприниматели и предпринимательство в Сибири (XVIII – начало XX вв.): Межвузовский сборник научных статей. Барнаул: Изд-во АГУ, 1995. С. 191-203.
9. Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 27. Члены и делопроизводители Собора: биобиблиографический словарь / отв. ред. С. В. Чертков. М.: Изд-во Новоспасского монастыря, 2020. 664 с.
10. Императорский Александровский лицей. Воспитанники, педагоги и служащие: биографический словарь. М.: Старая Басманная, 2019. 550 с.
11. Императорский Московский университет: 1755–1917: энциклопедический словарь / сост. А.Ю. Андреев, Д.А. Цыганков. М.: РОССПЭН, 2010. 894 с.
12. Кирьянов И.К. Российские парламентарии начала XX века: новые политики в новом политическом пространстве. Дис. ... доктора исторических наук. Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2009. 595 с.
13. Кузнецов В.Н. Политические партии в Среднем и Нижнем Поволжье в 1907 – начале 1917 гг. Дис. ... доктора исторических наук. Саратов: Сарат. гос. соц.-эконом. ун-т, 2010. 365 с.
14. Матвиевский И.Н. Образование и деятельность «Союза 17 октября» в Костромской губернии в период Первой русской революции // Вестник КГУ Н.А. им. Некрасова. 2011. № 2. С. 107-110.
15. Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. В 3-х тт. Т. 1. Спб.: Дмитрий Буланов (ДБ), 2018. 896 с.
16. Незабываемые могилы: российское зарубежье: некрологи 1917–1997: в 6 т. / сост. В.Н. Чуваков. М.: Пашков дом, 1999-2007. Т. 1-6.
17. Немцы России = Die Deutschen Russlands: Энциклопедия. М.: ЭРН, 1999-2006. Т. 1-3.
18. Павлов Д.Б. «Союз 17 октября» в 1905–1907 годах: численность и социальный состав // Отечественная история. М., 1993. № 6. С. 181-185.
19. Парахин А.С. Октябристы в Первой Государственной Думе // Платоновские чтения: XXVI Всерос. конф. молодых историков (Самара, 11–12 дек. 2020 г.): материалы и докл. Самара: Самар. гуманитар. акад., 2021. С. 93-95.
20. Партия «Союз 17 октября»: Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК, 1905-1915 гг.: В 2 т. М.: РОССПЭН, 1996-2000. Т. 1-2.
21. Политические партии России, конец XIX – начало XX в: коллективная монография: в 3 т. Ред. колл: В.В. Журавлев и др. М.: РОССПЭН, 2022. Т. 2: Либеральные партии. 566 с.

22. Полосина Н.О. Конституционно-демократическая партия и «Союз 17 октября» в политической жизни великорусской провинции 1905–1917 гг.: по материалам Тульской губернии. Орел: Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, 2010. 305 с.
23. Псковский биографический словарь. Под общ. ред. В.Н. Лещикова. Псков: ПГПИ им. С.М. Кирова, 2002. 529 с.
24. Российские либералы: кадеты и октябристы. / Сост. Д. Б. Павлов, В. В. Шелохаев. М.: РОССПЭН, 1996. 303 с.
25. Русские писатели эмиграции: Биографические сведения и библиография их книг по богословию, религиозной философии, церковной истории и православной культуре: 1921–1972 / Сост. Н.М. Зернов. Boston: G. K. Hall&Co., 1973. 182 с.
26. Рязанская энциклопедия. Рязань, 1999-2004. Т. 1-4.
27. Славу Пензы умножившие: [биографический словарь: в 3 т.] / А.В. Тюстин, И.С. Шишкин. Пенза: Айсберг, 2012. Т. 1. 208 с.
28. Смоленская область: Энциклопедия. Т. 1. Смоленск: СГПУ, 2001. 303 с.
29. Соловьев К.А. Союз 17 октября. Политический класс России: взлет и падение. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 344 с.
30. Тактический центр: документы и материалы. Москва: РОССПЭН, 2012. 757 с.
31. Тамбовская энциклопедия. Тамбов: Изд-во Юлис, 2004. 708 с.
32. Усманова Д.М. Депутаты от Казанской губернии в Государственной думе России. 1906–1917. Казань: Татарское книжное издательство, 2006. 495 с.
33. Шелохаев В.В. Либерализм в России в начале XX века М.: РОССПЭН, 2019. 502 с.
34. Шелохаев В.В. Партия октябристов в период первой российской революции. М.: Наука, 1987. 157 с.
35. Энциклопедия Томской области. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2008-2009. Т. 1.

References

1. Buldakov, V.P. (2010). Krasnaya smuta. Priroda posledstviya revolyucionnogo nasiliya. M.: ROSSPE`N, 965 s. (in Russ.).
2. Voronezhskaya e`nciklopediya: v 2 t.. Voronezh: Centr duxovnogo vozrozhdeniya Chernozemnogo kraja, 2008. T. 1-2. (in Russ.).
3. Vserossijskoe uchreditel`noe sobranie: E`nciklopediya. M.: ROSSPE`N, 2014. 556 с. (in Russ.).
4. Galij, I.P. (2005). Partiya «Soyuz 17 oktyabrya» v Donskoj oblasti: 1905–1912 gg. Dis. ... kandidata istoricheskix nauk: Rostov-na-Donu: Rost. gos. un-t, 267 s. (in Russ.).

5. Gosudarstvennaya дума Rossijskoj imperii: 1906–1917. M.: ROSSPE`N, 2008. 735 s. (in Russ.).
6. Gosudarstvenny`j sovet Rossijskoj imperii: 1906–1917. M.: ROSSPE`N, 2008. 343 s. (in Russ.).
7. Demin, V.A. (2008). «Soyuz 17 oktyabrya» frakciya. *Gosudarstvennaya Duma Rossijskoj imperii, 1906–1917: e`nciklopediya*. M.: ROSSPE`N, 735 s. (in Russ.).
8. Dmitrienko, N.M., & Zinov`ev V.P. (1995). Kupecheskaya sem`ya Kuxteriny`x. *Predprinimateli i predprinimatel`stvo v Sibiri (XVIII – nachalo XX vv.)*: Mezhvuzovskij sbornik nauchny`x statej. Barnaul: Izd-vo AGU, S. 191-203. (in Russ.).
9. Dokumenty` Svyashhennogo Sobora Pravoslavnoj Rossijskoj Cerkvi 1917–1918 godov. T. 27. Chleny` i deloproizvoditeli Sobora: biobibliograficheskij slovar` / otv. red. S. V. Chertkov. M.: Izd-vo Novospasskogo monasty`rya, 2020. 664 s. (in Russ.).
10. Imperatorskij Aleksandrovskij licej. Vospitanniki, pedagogi i sluzhashhie: biograficheskij slovar`. M.: Staraya Basmannaya, 2019. 550 s. (in Russ.).
11. Imperatorskij Moskovskij universitet: 1755–1917: e`nciklopedicheskij slovar` / sost. A.Yu. Andreev, D.A. Cygankov. M.: ROSSPE`N, 2010. 894 s. (in Russ.).
12. Kir`yanov, I.K. (2009). Rossijskie parlamentarii nachala XX veka: novy`e politiki v novom politicheskom prostranstve. Dis. ... doktora istoricheskix nauk. Izhevsk: Udmurtskij gosudarstvenny`j universitet, 595 s. (in Russ.).
13. Kuznecov, V.N. (2010). Politicheskie partii v Srednem i Nizhnem Povolzh`e v 1907 – nachale 1917 gg. Dis. ... doktora istoricheskix nauk. Saratov: Sarat. gos. socz.-e`konom. un-t, 365 s. (in Russ.).
14. Matvievskij, I.N. (2011). Obrazovanie i deyatel`nost` «Soyuza 17 oktyabrya» v Kostromskoj gubernii v period Pervoj russkoj revolyucii. *Vestnik KGU N.A. im. Nekrasova*. № 2. S. 107-110. (in Russ.).
15. Mironov, B.N. (2018). Rossijskaya imperiya: ot tradicii k modernu. V 3-x tt. T. 1. Spb.: Dmitrij Bulanov (DB), 896 s. (in Russ.).
16. Nezaby`ty`e mogily`: rossijskoe zarubezh`e: nekrologi 1917–1997: v 6 t. / sost. V.N. Chuvakov. M.: Pashkov dom, 1999-2007. T. 1-6. (in Russ.).
17. Nemcy Rossii = DieDeutschenRusslands: E`nciklopediya. M.: E`RN, 1999-2006. T. 1-3. (in Russ.).
18. Pavlov, D.B. (1993). «Soyuz 17 oktyabrya» v 1905–1907 godax: chislennost` i social`ny`j sostav. *Otechestvennaya istoriya*. M., № 6. S. 181-185. (in Russ.).
19. Paraxin, A.S. (2021). Oktyabristy` v Pervoj Gosudarstvennoj Dume // Platonovskie chteniya: XXVI Vseros. konf. molody`x istorikov (Samara, 11–12 dek. 2020 g.): materialy` i dokl. Samara: Samar. gumanitar. akad., S. 93-95. (in Russ.).
20. Partiya «Soyuz 17 oktyabrya»: Protokoly` s`ezdov, konferencij i zasedanij CzK, 1905-1915 gg.: V 2 t. M.: ROSSPE`N, 1996-2000. T. 1-2. (in Russ.).

21. Politicheskie partii Rossii, konec XIX – nachalo XX v: kollektivnaya monografiya: v 3 t. Red. koll: V.V. Zhuravlev i dr. M.: ROSSPE`N, 2022. T. 2: Liberal`ny`e partii. 566 s. (in Russ.).
22. Polosina, N.O. (2010). Konstitucionno-demokraticeskaya partiya i «Soyuz 17 oktyabrya» v politicheskoy zhizni velikorussoj provincii 1905–1917 gg.: po materialam Tul`skoj gubernii. Orel: Tul`skij gosudarstvenny`j pedagogicheskij universitet im. L.N. Tolstogo, 305 s. (in Russ.).
23. Pskovskij biograficheskij slovar`. Pod obshh. red. V.N. Leshhikova. Pskov: PGPI im. S.M. Kirova, 2002. 529 s. (in Russ.).
24. Rossijskie liberaly`: kadety` i oktyabristy`. / Sost. D. B. Pavlov, V. V. Sheloxaev. M.: ROSSPE`N, 1996. 303 s. (in Russ.).
25. Russkie pisateli e`migracii: Biograficheskie svedeniya i bibliografiya ix knig po bogosloviyu, religioznoj filosofii, cerkovnoj istorii i pravoslavnoj kul`ture: 1921–1972 / Sost. N.M. Zernov. Boston: G. K. Hall&Co., 1973. 182 s. (in Russ.).
26. Ryazanskaya e`nciklopediya. Ryazan`, 1999-2004. T. 1-4. (in Russ.).
27. Slavu Penzy` umnozhevshie: [biograficheskij slovar`: v 3 t.] / A.V. Tyustin, I.S. Shishkin. (2012). Penza: Ajsberg, T. 1. 208 s. (in Russ.).
28. Smolenskaya oblast`: E`nciklopediya. T. 1. Smolensk: SGPU, 2001. 303 s. (in Russ.).
29. Solov`ev, K.A. (2023). Soyuz 17 oktyabrya. Politicheskij klass Rossii: vzlet i padenie. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 344 s. (in Russ.).
30. Takticheskij centr: dokumenty` i materialy`. Moskva: ROSSPE`N, 2012. 757 s. (in Russ.).
31. Tambovskaya e`nciklopediya. Tambov: Izd-vo Yulis, 2004. 708 s. (in Russ.).
32. Usmanova, D.M. (2006). Deputaty` ot Kazanskoj gubernii v Gosudarstvennoj dume Rossii. 1906–1917. Kazan`: Tatarskoe knizhnoe izdatel`stvo, 495 s. (in Russ.).
33. Sheloxaev, V.V. (2019). Liberalizm v Rossii v nachale XX veka M.: ROSSPE`N, 502 s. (in Russ.).
34. Sheloxaev, V.V. (1987). Partiya oktyabristov v period pervoj rossijskoj revolyucii. M.: Nauka, 157 s. (in Russ.).
35. E`nciklopediya Tomskoj oblasti. Tomsk: Izd-vo Tomskogo gos. un-ta, 2008-2009. T. 1. (in Russ.).

дата поступления: 28.04.2024

дата принятия: 17.05.2024

© Пьяных Н.И., 2024

УДК 93/94

<https://doi.org/10.36906/2311-4444/24-4/04>

Кругликов А.С.

**РОЛЬ ТОБОЛЬСКОГО ЕПАРХИАЛЬНОГО ЖЕНСКОГО УЧИЛИЩА
В ОБЕСПЕЧЕНИИ СИРОТ И БЕДНЫХ ДЕВИЦ ДУХОВНОГО ЗВАНИЯ**

A.S. Kruglikov

**THE ROLE OF TOBOLSK DIOCESAN WOMEN'S SCHOOL
IN MAINTENANCE ORPHANS AND POOR MAIDENS OF CLERICAL RANK**

Аннотация. В статье рассмотрена деятельность Тобольского епархиального женского училища, которая была организована с учетом его социальных функций, игравших при его учреждении главную роль. Материалом для анализа послужили отчеты Общества вспомоществования нуждающимся воспитанницам Тобольского епархиального женского училища, размещенные в фондах научной библиотеки Тобольского историко-культурного музея-заповедника и «Тобольских епархиальных ведомостей», данные которых впервые вводятся в научный оборот. Показана положительная динамика деятельности училища, прекращение функционирования которого связано только с насильственной сменой государственной формы управления в революционные годы. Сообщается, что увеличение общего числа воспитанниц с каждым годом, в том числе за счет дочерей беднейшего духовенства, поставило перед руководством училища вопрос организации Общества вспомоществования нуждающимся воспитанницам, которое за счет привлеченных пожертвований сумело бы обеспечить свою деятельность путем аккумуляции средств и приобретения процентных бумаг государственного банка. Подчеркивается, что деятельность Общества за небольшой срок его существования принесла определенные плоды, частично удовлетворив финансовые потребности сирот и дочерей беднейшего духовенства за счет приобретения необходимых для обучения книг, покупку верхней летней и зимней одежды и обуви, выдачи ежегодных пособий и возвратных ссуд на неотложные нужды. Предлагается подробная классификация структуры доходов и расходов. Автор приходит к выводу, что деятельность Тобольского епархиального женского училища в деле социального обеспечения сирот и бедных девиц духовного звания можно охарактеризовать положительно.

Ключевые слова: Епархиальное женское училище, Тобольская епархия, общество вспомоществования, социальное обеспечение, духовенство.

Abstract. The article considers the activity of Tobolsk Diocesan Women School, organized regarding its social functions, which prevailed at its establishment. The reports of the Society of Assistance to Needy Pupils of Tobolsk Diocesan Women School from the funds of Tobolsk Historical and Cultural Museum's scientific library and Tobolsk Diocesan Bulletin provided the author with the materials for the analysis. The proposed data is firstly introduced into the scientific literature. The positive dynamics in the school's activity is shown, the termination of which occurred due to the violent change of the state form of government in the revolutionary years. The article reports that the total number of pupils yearly increased, due to the expense of the poorest clergy children as well, raised the issue of organizing a society supporting needy pupils, which, at the expense of attracted donations, would be able to ensure its activities accumulating funds and acquiring the State bank securities. It is emphasised that the society brought certain fruits within a short period of its activity, partially satisfying financial needs of orphans and the poorest clergy daughters by purchasing schoolbooks, buying summer and winter clothes and shoes, issuing annual allowances and repayable loans for urgent needs. A detailed classification of the structure of income and expenditures is proposed. The author concludes that the activity of Tobolsk Diocesan Women School on thier orphans and poor clergy daughters' social welfare, though not changing the overall picture of poverty among the clergy, still can be positively characterized.

Keywords: Diocesan women's school, Tobolsk diocese, welfare society, social welfare, clergy.

Сведения об авторе: Кругликов Александр Сергеевич, ORCID 0000-0002-3661-3402, Ханты-Мансийская епархия Русской православной церкви; Нижневартровский государственный университет, г. Нижневартовск, Россия, e-mail: al.kruglickow1983@yandex.ru

About the author: Alexander S. Kruglikov, ORCID 0000-0002-3661-3402, Khanty-Mansiysk Eparchy of the Russian Orthodox Church; Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russia, al.kruglickow1983@yandex.ru

Кругликов А.С. Роль Тобольского Епархиального женского училища в обеспечении сирот и бедных девиц Духовного звания // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2024. №4(68). С. 30-46. <https://doi.org/10.36906/2311-4444/24-4/04>

Kruglikov, A.S. (2024). The Role of Tobolsk Diocesan Women's School in Maintenance Orphans and Poor Maidens of Clerical Rank. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*, (4(68)), 30-46. (in Russ.). <https://doi.org/10.36906/2311-4444/24-4/04>

Модернизационные процессы второй половины XIX – начала XX вв., изменение социальной структуры Российской империи и церковно-государственных отношений, и, как следствие, возвращение внутрицерковного дискурса к соборным началам, сделали необходимым поиск современного вариативного решения роли общественных функций, что коренным образом изменило и феминистические настроения в модификации социального статуса женщин. Русская церковь, являясь непосредственным участником нового политического курса, оказалась на границе между государственными преобразованиями и огромными социальными массами подданных империи, оказывая влияние как на общественную, так и на государственную конъюнктуру. Эти процессы коснулись не только социально-политической мысли, они повлияли на образовательные модели как государственных, так и церковных учебных заведений всех уровней. К началу «Великих реформ» образовательная политика церкви, реализуемая через систему как внутрисословных, так и сословных учебных заведений, подчиненных Святейшему Синоду (далее – Св. Синод), представляла собой макросегмент образовательной структуры империи, поддерживающий образовательную и социальную инициативы женщин. Для указанных хронологических рамок является характерным быстрый рост количества женских учебных заведений.

Деятельность церковных образовательных организаций затрагивает время реформ и контрреформ. Существование церкви в условиях меняющихся общественно-государственных парадигм, с одной стороны, предполагало возвращение соборного начала и обновление социальных институтов, с другой стороны, требовало сохранять традиционные христианские ценности (последнее остается актуальным и в наши дни).

Обращение исследователей к данной теме берет свое начало в дореволюционных публикациях, посвященных либо женскому духовному образованию в целом, начиная с открытия в 1843 г. первого в Российской империи училища для дочерей священно-церковнослужителей в Царском Селе, либо отдельным образовательным епархиальным учреждениям. Среди публикаций, размещенных в епархиальной прессе, можно выделить работы по истории Ярославского [15, с. 258-269], Астраханского [17], Тамбовского [20, с.

40-45], Смоленского [13, с. 432-442] епархиальных женских училищ. Для них характерен официально-идеалистический характер изложения с обозначением заслуг царской власти и епархиального руководства [15, с. 258], их авторы не проводят критический анализ допускаясь в этих учреждениях ошибок педагогического или воспитательного характера. Эти публикации представляют интерес с точки зрения аккумуляции информации по истории создания и функционирования первых в России епархиальных училищ для девиц духовного звания.

На общем фоне дореволюционных публикаций выделяется статья А. Кузнецова, напечатанная в журнале «Церковные ведомости», издаваемом Св. Синодом, где автор подробно рассматривает законодательные инициативы в отношении женского духовного образования, что дает возможность выявить общие тенденции церковно-государственной политики в этом вопросе. Кроме того, статья интересна историческим обзором всех существовавших к 1909 г. женских епархиальных училищ. Так, в отношении Тобольского училища автор ошибочно указывает, что оно располагалось при Иоанно-Введенском женском монастыре в 10 верстах от Тобольска, однако причины его открытия указаны верно: «дать приют и содержание беспомощным сиротам-девицам местного духовенства, не имеющим ни крова, ни пропитания, а также дать им приличное образование и соответственное их будущему назначению воспитание и образование, чтобы они со временем могли быть достойными супругами служителей алтаря Господня» [16, с. 120-124].

Историографию дореволюционного периода можно назвать позитивистской. При наличии огромного фактического материала в работах, как правило, отсутствовал научный аппарат, а реальная картина деятельности епархиальных училищ для девиц духовного звания приукрашивалась.

Таким же тенденциозным оказался советский период, для которого характерно либо полное игнорирование данной темы, либо шаблонные установки в духе стереотипной советской модальности. В публикациях этого периода можно выделить лишь заметки, свидетельствующие только о фактическом существовании женских епархиальных училищ [32, с. 828-829].

За последние двадцать лет исследователями темы женского духовного образования в целом и функционирования епархиальных училищ для девиц духовного звания в частности, в условиях наличия широкого круга как опубликованных материалов, так и документов архивных фондов, не введенных в научный оборот, созданы публикации, использующие современные подходы в освещении данной темы.

Появились работы, касающиеся непосредственно истории создания и деятельности училищ: открытию и функционированию Омского епархиального женского училища посвящена статья Г.С. Епериной [7, с. 35-41], Ставропольского – О.И. Шафрановой. [40, с. 203-207], Московского Филаретовского – Н.П. Хлопковой [38, с. 58-63], Таврического – М.А. Агатовой [1, с. 138-145], Нижегородского – Д.В. Салаевой [35, с. 140-143], Вятского –

В.Н. Тимшиной [37, с. 56-58]. Особенности организации учебного и воспитательного процесса в Омском епархиальном женском училище представлены в исследовании Н.В. Воробьевой [4, с. 1-15], Уфимском – О.С. Павловой [31, с. 57-61], Белевском – Г.С. Вельчева [3, с. 37-46], Таврическом – Л.П. Шкарлат [40, с. 67-73], Астраханском – Е.Г. Тимофеевой [36, с. 9-14]. О роли женских епархиальных училищ в системе среднего образования говорится в работах С.В. Заозерской [9, с. 115-120], И.Е. Крапоткиной [12, с. 83-87], Е.А. Андреевой [2], А.А. Чаплыгиной [39, с. 32-33], И.Е. Воронковой [5, с. 226-229].

В изучении истории женских епархиальных училищ появилась и новая, опирающаяся на междисциплинарный подход тема, посвященная психологическим аспектам их внутреннего устройства и быта [33, с. 62-67; 8, с. 334-337]. Учеными осваиваются новые методологические подходы в исследовании темы, что позволяет иначе смотреть на динамику церковно-государственных отношений, деятельность образовательных структур и гендерные проблемы в синодальный период.

Тобольское епархиальное женское училище было организовано при епископстве Варлаама (Успенского), который, прибыв на кафедру в конце 1862 г., сразу же поставил вопрос об учреждении училища. За отсутствием помещения в городе Тобольске, местом его размещения был выбран Иоанно-Введенский монастырь, впоследствии в декабре 1864 г. преобразованный из мужского в женский. Представление об открытии училища было послано в Св. Синод в декабре 1863 г., разрешение получено 17 февраля 1866 г., и 21 ноября того же года женское училище на 30 человек начало свою работу. Кроме назначенных целей в вопросах образования и воспитания девиц духовного звания, оно исполняло социальную функцию, давая приют и пропитание беспомощным сиротам – дочерям местного духовенства [10, с. 414].

Поскольку число желающих поступить в женское училище с каждым годом росло, а здания монастыря не имели достаточных помещений, на окружных съездах духовенства в 1877–1878 гг. было решено переместить училище в город Тобольск, о чем было подано ходатайство в Св. Синод. Для этих целей был приобретен дом купца Пелишева, где одновременно могли размещаться 40 воспитанниц: 30 проживали на полном казенном содержании и 10 пансионерок – с оплатой 65 руб. в год. Деньги на покупку дома большей частью были взяты из предполагавшейся к открытию пенсионной кассы духовенства Тобольской епархии [18, с. 21-22].

Вопросы содержания епархиального училища легли на Попечительство о бедных духовного звания, членами которого была составлена смета расходов на 1880–1881 учебный год в размере 4278 руб. 47 коп. Однако в январе 1881 г. обнаружилось, что целевых запланированных пожертвований в епархиальное попечительство не поступает, кроме того, в смету не вошли расходы по страхованию приобретенного для воспитанниц дома, лечению больных, вознаграждению доктору, приобретению верхней зимней и летней одежды и т. д.,

в общей сложности на сумму более 1000 руб., а с недоимкой по целевым взносам – более 2500 руб. Поиском недостающих средств занялся епархиальный съезд духовенства, собранный для этих целей на внеочередное заседание 11 февраля 1881 г. Он постановил: «просить епархиальное попечительство оказать духовенству помощь – покрыть дополнительную смету и недостаток по прежней, всего 2656 руб. 38 коп., из свободных сумм, духовенство же со своей стороны усугубит деятельность по сбору пожертвований в пользу сирот духовенства епархии». Однако своей резолюцией епископ Василий (Левитов) отклонил постановление съезда, предложив депутатам найти иной источник финансирования, а средства попечительства «сберегать про черный день, – особенно при нынешних неустойчивых, колеблющихся мирян к духовенству». Большинством голосов было принято решение собрать с духовенства Тобольской епархии 2000 руб., по 4 руб. со штата, а оставшиеся 656 руб. 38 коп. за счет свободных сумм епархиального попечительства; воспитанницам, окончившим курс в 1881 г., съезд единогласно решил оставить пользовавшиеся ими платья и выплатить по 10 руб. в виде единовременного пособия для каждой [18, с. 25-26].

Итогом работы епархиального съезда духовенства стало преобразование за счет местных средств Тобольского женского духовного училища в епархиальное трехклассное училище с двухгодичным обучением в каждом классе, на что указом Св. Синода № 2301 от 5 июня 1881 г. было получено разрешение [19, с. 36]. Однако такие сроки обучения имели свои неудобства. Прием воспитанниц осуществлялся не каждый, а через год, поэтому достигшие школьного возраста воспитанницы должны были ждать своей очереди целый год, а дождавшись, могли быть не приняты за неимением вакансий, так как, во-первых, количество желающих поступить росло, а, во-вторых, ученицы, не успевавшие по какому-нибудь предмету в течении двухгодичного курса, должны были оставаться в том же классе еще на два года.

Подобная ситуация побудила совет училища поставить перед преосвященным Авраамием (Летницким) вопрос о преобразовании училища из трехклассного в шестиклассное, на что 15 декабря 1886 г. была получена положительная резолюция епископа, утвержденная Св. Синодом указом № 689 от 3 марта 1887 г. Таким образом, ученицы третьего класса, проучившиеся к этому времени два года, были выпущены из училища с правами на звание домашней учительницы, а из учениц первого и второго годов обучения образовали классы со второго по четвертый: воспитанницы, получившие вполне удовлетворительные отметки, были переведены в следующие классы, а девочки со слабыми способностями оставались в прежнем классе на следующий учебный год; набор в первый класс училища предполагалось осуществить в августе [10, с. 416].

Деятельность епархиального женского училища была весьма успешной, статус училища на законодательном уровне был приравнен к женским гимназиям министерства народного просвещения. Однако первостепенная задача учреждения епархиального училища была продиктована заботой о сиротах духовного звания, которые на протяжении

всего срока обучения, не имея средств к существованию, жили при училище, а окончив курс могли обеспечить себе верный заработок посредством преподавания в церковно-приходских и министерских школах [11, с. 442-443].

Заслуги Тобольских преосвященных состояли не столько в открытии епархиального женского училища, сколько в постоянном изыскании средств для его существования. Так, основатель училища преосвященный Варлаам (Успенский) ставил перед его руководством и епархиальными съездами духовенства задачу образования основного капитала, на проценты с которого деятельность училища могла осуществляться беспрепятственно, а воспитанницы, особенно сироты и дочери бедного духовенства – жить безбедно в стенах училища. Преосвященный с этой целью настойчиво приглашал церкви и причты к пожертвованиям. Кроме того, что своим распоряжением Варлаам (Успенский) все штрафные деньги, получаемые со священно-церковнослужителей, обращал в пользу училища, он сам был первым жертвователем на уставную деятельность, передав в общей сложности более 2000 руб. с целью образования именных стипендий, получатели которых назывались «пансионерками архиепископа Варлаама». 19 августа 1876 г. указом Св. Синода № 2827 данное начинание было утверждено [10, с. 417].

Основной же капитал был составлен за счет средств епархиального попечительства о бедных духовного звания в 1881 г. облигациями государственного банка и другими процентными бумагами в сумме 28206 руб. и наличными – 937 руб. 76,5 коп. Однако этих средств оказалось недостаточно, и вопрос об образовании неприкосновенного капитала, за счет которого содержались бы духовно-учебные заведения Тобольской епархии, еще неоднократно поднимался на съездах духовенства [34, с. 36-45].

Чтобы как-то облегчить участь сирот и бедных воспитанниц, по инициативе архиепископа Антония (Каржавина) 16 ноября 1908 г. по аналогии с семинарским обществом было открыто Общество вспомоществования нуждающимся воспитанницам Тобольского епархиального женского училища. Семинарский опыт работы позволил определить цели и задачи Общества, выработать устав, избежав прежних ошибок. Деятельность комитета Общества направлялась на привлечение новых членов и увеличение его денежных средств. С этой целью через благочинных рассылались подписные и пригласительные листы, как частным, так и официальным лицам, сочувствующим задачам общества, с предложением вступить в число членов или внести посильные пожертвования на уставную деятельность [22, с. 1-2].

Социальный состав членов Общества за все время его существования оставался стабильным и, несмотря на все усилия, практически не пополнялся новыми участниками. Во внимание к заслугам архиепископа Антония (Каржавина) в деле открытия Общества, а также оказания ему материальной поддержки, членами Общества на собрании 9 февраля 1910 г. было единогласно принято решение «избрать Его Высокопреосвященство почетным членом Общества с поднесением установленного диплома» [22, с. 2].

Динамика изменения численности и состава Общества вспомоществования нуждающимся воспитанницам Тобольского епархиального женского училища представлена в таблице 1.

Таблица 1

Динамика изменения численности и состава Общества вспомоществования нуждающимся воспитанницам Тобольского епархиального женского училища в 1910–1918 гг., чел.

[Составлено по: 22-30]

Учебный год	Члены				Итого
	Почетные	Пожизненные	Действительные	Соревнователи	
1909/10	1	–	48	22	71
1910/11	1	–	45	14	60
1911/12	1	1	35	10	47
1913/14	–	1	39	21	61
1914/15	–	1	40	21	62
1915/16		1	37	9	47
1916/17		1	25	10	36
1917/18		2	25	7	34

Данные, представленные в таблице, показывают, что к революционным годам численность членов Общества имеет тенденцию к уменьшению. Тем не менее, Общество женского училища оказалось более жизнеспособным по сравнению с подобным Обществом в семинарии, которое к 1 января 1916 г. уже фактически прекратило свою деятельность, а общая сумма долгов семинаристов перед Обществом составляла более 2000 руб. [6, с. 337-341].

Важно отметить, что более заметное снижение показателей (в три раза в указанных временных рамках) наблюдается в численности членов-соревнователей, – показатель привлечения в Общество новых участников, благодаря которым пополнялся состав действительных членов, – которая сократилась почти в два раза к 1918 г., что не могло не сказаться на поступлении средств и пожертвований на уставную деятельность (см.: табл. 2).

Таблица 2

Структура поступления денежных средств на уставную деятельность

Общества вспомоществования нуждающимся воспитанницам

Тобольского епархиального женского училища в 1910–1918 гг. (руб.) [Составлено по: 22-30]

Учебный год	Наличные					Возврат долга	Билеты	Итого
	Членские взносы	Пожертвования	Случайные поступления	% на расходный капитал	% на запасный капитал			
1909/10	122	469,16	5,80	6	9,96	–	200	812,92
1910/11	131	531,66	5	9,35	21,27	–	200	898,28
1911/12	135	278,38	2,64	8,29	30,32	–	100	558,63
1913/14	139	369,21	5,40	0,07	33,19	–	100	646,87
1914/15	94	311,19	–	0,07	39,49	–	–	444,75
1915/16	83	268,12	13,55	0,10	41,26	–	150	556,03
1916/17	76	395,98	7,57	4,75	2,50	–	100	586,80
1917/18	102	1493,91	11,84	66,89		449	1050	3173,64

Представленные данные подтверждают общую тенденцию. Сокращение численности членов Общества всех категорий отразилось и на поступлении членских взносов, которые, хотя и сокращались непропорционально уменьшению количества членов, но в абсолютном выражении упали на 37%. Кроме того, изменения в составе всех категорий Общества объясняется ежегодной недоимкой членских взносов и, соответственно, сменой категории членства или исключением из Общества участников, не оплативших полностью или вовсе не вносивших взносы в назначенное время.

Численный состав всех категорий менялся из года в год, показатели варьируются в пределах 30–80%. Для исключения из членов Общества требовалось от шести месяцев до одного года, таким образом, количество официально зарегистрированных членов не соотносится с реальным поступлением членских взносов. Например, в 1910/11 учебном году в Обществе числилось 59 членов, ежегодно уплачивающих взносы, в том числе 45 действительных и 14 членов-соревнователей. Соответственно, минимальное поступление членских взносов должно было составлять 149 руб., в том числе 135 руб. от действительных членов (минимальный взнос – 3 руб.) и 14 руб. от членов-соревнователей (минимальный взнос – 1 руб.). Однако членских взносов в этом году поступило всего 131 руб. Такая ситуация характерна для всего периода деятельности Общества. Поступление от пожертвований соответствует общей динамике и сокращается к 1918 г., достигнув минимальных значений в 268,12 руб., что на 43% меньше максимальной суммы, пожертвованной в 1910/11 учебном году.

Показатели 1917/18 учебного года, несмотря на значительное увеличение пожертвований, соответствуют общей динамике, так как сумма в 1493,91 руб. включает в себя: 1000 руб. от лотерейного выигрыша, 100 руб. от комитета епархиальных съездов и только 393,91 поступления по подписным листам, реализуемым через отцов благочинных. Лотерейный выигрыш в 1000 руб., как и пожертвованные 1050 руб. в виде облигаций государственного банка, являются единоразовыми поступлениями, и рассматриваются как исключение, не соответствующее общей динамике, и не могут учитываться при анализе поступлений в бюджет Общества.

Отдельно стоит отметить появившуюся в 1918 г. дополнительную статью дохода «Возврат долга» (характерную для подобных обществ) в пополнение доходной части путем выдачи возвратных средств воспитанницам епархиального училища. Однако, как и в случае с Обществом вспомоществования воспитанникам семинарии [14, с. 27-35], должного эффекта это не оказало, и к 1 декабря 1918 г. задолженность перед Обществом составляла более 500 руб. [30, с. 15].

Несмотря на отрицательную динамику поступления средств на уставную деятельность, нестабильный состав членов Общества и неэффективные инициативы руководства, желавшего пополнить доходную часть за счет выдачи возвратных средств воспитанницам, Обществу вспомоществования нуждающимся воспитанницам Тобольского

епархиального женского училища удалось частично изменить плачевную участь сирот и бедных воспитанниц духовного звания. В таблице 3 представлена структура расходов денежных средств на уставную деятельность.

Таблица 3

**Структура расходов денежных средств на уставную деятельность
Общества вспомоществования нуждающимся воспитанницам
Тобольского епархиального женского училища в 1910–1918 гг. (руб.) [22-30]**

Учебный год	Наличные								Итого
	Обучение	Содержание	Книги	Одежда	Типография	Покупка ценных бумаг	Пособие	Ссуды	
1909/10	170	248,75	1,58	–	13,60	181,95	–		615,88
1910/11	140	423,75	1.60	23,40	17,06	211,87	–		817,78
1911/12	120	205	–	–	17,42	91,73	37		471,15
1913/14	180	197	–	25	12,50	93,04	37		544,54
1914/15	180	134,25	–	10	7,85	–	30		362,10
1915/16	155	153,50	–	–	–	144	–		452,50
1916/17	260	170	–	–	–	48,13	–		478,13
1917/18	659		–	–	35,50	–	300	994	1988,50

Расходы соответствуют общей динамике на их сокращение. Нами не берется во внимание возникшая в 1917/18 учебном году ситуация, так как поступление таких больших сумм, как уже отмечалось выше, является случайным и не вписывается в общую картину, тогда как именно сокращение членских взносов и пожертвований наглядно показывает динамику. Из структуры расходов первых лет видно, что некоторые воспитанницы не могли себе позволить даже приобретение книг и необходимой верхней одежды, однако в последующие годы данная статья расходов исчезает из номенклатуры, что, однако, не говорит о том, что бедные ученицы перестали нуждаться. Необходимые для этих целей средства были перенаправлены на выдачу пособий, а в дальнейшем и возвратных ссуд. Расходы на содержание и обучение оставались стабильными, происходившие незначительные изменения колеблются в диапазоне 20–40%, что говорит о редких колебаниях общей численности опекаемых просительниц.

Хотя у Общества и появляется больше средств, одновременно возрастают и расходы на содержание, обучение, выдачу пособий, поэтому удовлетворить все прошения об оплате обучения оно оказалось не в состоянии.

Дополнительной статьей расходов в последний год существования стала выдача возвратных ссуд, на которые было потрачено 994 руб., что составляет практически 50% от общей суммы расходов. Очевидно, руководство Общества, понимая, что училище будет закрыто, пыталось облегчить будущую участь беднейших воспитанниц и сирот, оказавшихся в тяжелые революционные годы на грани голодной смерти. Подобные ситуации случались повсеместно во всех епархиях «уходившей в безвестие» церкви [21, с. 108-118].

В дореволюционные годы руководством Общества стабильно тратились деньги на приобретение ценных бумаг, доходы с которых смогли бы, при условии ежегодного роста процентной ставки, расширить благотворительные возможности. В указанных хронологических рамках запасный капитал из взносов пожизненных членов и 20% ежегодных членских взносов, обращенный в процентные бумаги, был увеличен с 300 руб. до 1050 руб.; рост составил 350%. Смена государственного строя в 1917 г. внесла коррективы в работу не только церковных благотворительных структур, но и церкви в целом, поэтому, объем такого капитала оставался на прежнем уровне и финансовые средства больше не вкладывались в ценные бумаги.

Деятельность Тобольского епархиального женского училища была организована с учетом социальных функций, которые при его учреждении играли главную роль: обеспечить беспомощных сирот и бедных девиц местного духовенства, дать им «приличное» образование и соответственное их будущему назначению воспитание. История училища насчитывает не одно десятилетие, и его закрытие связано только с гонениями большевиков на церковь.

Увеличивая с каждым годом число воспитанниц, в том числе, за счет дочерей беднейшего духовенства, руководство училища организовало Общество вспомоществования нуждающимся воспитанницам, которое за счет привлеченных пожертвований сумело обеспечить решение уставных задач путем аккумуляции средств и приобретения ценных процентных бумаг государственного банка. Деятельность общества принесла определенные плоды, частично удовлетворив финансовые потребности сирот и дочерей беднейшего духовенства за счет приобретения необходимых для обучения книг, покупки верхней летней и зимней одежды и обуви, выдачи ежегодных пособий и возвратных ссуд на неотложные нужды. Ее в целом можно охарактеризовать как удовлетворительную.

Литература

1. Агатова М.А. Из истории женского духовного образования в Тавриде: к 150-летию создания Таврического епархиального женского училища // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Исторические науки. 2016. Т. 2 (68). № 3. С. 138-145.

2. Андреева Е.А. Возникновение и развитие епархиальных женских училищ в России, середина XIX – начало XX века: специальность 13.00.01 «Общая педагогика, история педагогики и образования»: диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. М., 2000. 202 с.

3. Вельчев Г.С. Учебно-воспитательный процесс в Белёвском епархиальном женском училище // Духовный арсенал. 2021. № 4(6). С. 37-46.

4. Воробьева Н.В. Специфика учебно-воспитательного процесса в Омском женском епархиальном училище в начале XX века // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2020. № 12. С. 1-15. <https://doi.org/10.24411/2304-120X-2020-11084>

5. Воронкова И.Е. Русская православная церковь и женское образование в Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. (по материалам Орловского епархиального женского училища) // Образование и наука без границ: фундаментальные и прикладные исследования. 2019. № 9. С. 226-229.

6. Годичный отчет о деятельности Общества вспомоществования нуждающимся учащимся Тобольской духовной семинарии за 1916 год // Тобольские епархиальные ведомости. Отдел офиц. 1917. № 23-24. С. 337-341.

7. Еперина Г.С. Из истории Омского епархиального женского училища // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 1997. № 5. С. 35-41.

8. Заозерская С.В. Принцип ненасилия как основа воспитания в епархиальных женских училищах России второй половины XIX – начала XX вв. // Ненасилие как образ жизни: Сборник научных статей и материалов XXV Международной научно-практической конференции по проблемам педагогики ненасилия, Санкт-Петербург, 15 апреля 2004 года. 2004. С. 334-337.

9. Заозерская С.В. Роль епархиального женского училища в развитии женского образования на Архангельском Севере // Наука XXI века: Проблемы академической мобильности исследователя и методологии исследования: Материалы III Международной научно-практической конференции, Архангельск, 16–18 мая 2013 года; Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова. Том Вып. 3. Архангельск: Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова. 2014. С. 115-120.

10. К истории Тобольского епархиального женского училища // Тобольские епархиальные ведомости. Отдел неофиц. 1899. № 21. С. 414-418.

11. К истории Тобольского епархиального женского училища // Тобольские епархиальные ведомости. Отдел неофиц. 1899. № 22. С. 437-443.

12. Крапоткина И.Е. Стахеевское Епархиальное женское училище в системе среднего образования Российской империи в конце XIX – начале XX века // Малые и средние города России: прошлое, настоящее и будущее: Материалы VI Международных Стахеевских чтений (Елабуга, 22–23 ноября 2013 г.). Елабуга: Елабужский институт (филиал) федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет». 2013. С. 83-87.

13. Краткий очерк истории смоленского училища девиц духовного звания. Желание преосвященного Тимофея устроить в смоленской епархии женское духовное училище, определение места для училища и отыскание средств для содержания его // Смоленские епархиальные ведомости. Отдел неофиц. 1874. № 12. С. 432-442.

14. Кругликов А.С. Деятельность общества вспомоществования нуждающимся учащимся Тобольской духовной семинарии в 1883–1916 гг. // Макарьевские чтения: материалы XVIII Международной научно-практической конференции (Горно-Алтайск, 21–22 сентября 2023 г.). Республика Алтай, Горно-Алтайск: БИЦ ГАГУ, 2023. С. 27-35.

15. Крылов А. Ярославское училище девиц духовного звания // Ярославские епархиальные ведомости. Часть неофиц. 1860. № 28. С. 258-269.

16. Кузнецов А. Епархиальные училища (по поводу исполнившегося сорокалетия устава этих училищ) // Церковные ведомости. Прибавления к церковным ведомостям, издаваемым при Святейшем Правительствующем Синоде. 1909. № 3. С. 120-124.

17. Леонтьев Н.Ф. Об образовании женщин. Второй выпуск воспитанниц Астраханского епархиального женского училища. СПб.: тип. дух. жур. «Странник». 1872. 20 с.

18. Обще-епархиальный съезд духовенства, Тобольской епархии в 1881 г. и главный предмет его занятий – женское духовное училище // Тобольские епархиальные ведомости. Отдел неофиц. 1882. № 2. С. 17-33.

19. Обще-епархиальный съезд духовенства, Тобольской епархии в 1881 г. и главный предмет его занятий – женское духовное училище // Тобольские епархиальные ведомости. Отдел неофиц. 1882. № 3. С. 35-43.

20. Остроумов П. Открытие в городе Тамбове училища для девиц духовного звания // Тамбовские епархиальные ведомости за 1864 год. Прибавление к Тамбовским епархиальным ведомостям. 1865. №1. С. 40-45.

21. Орлова В.Д. Отражение репрессивной политики советского государства в судьбах семей последних выпускниц Тамбовского епархиального женского училища // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2017. № 5. С. 108-118.

22. Отчет общества вспомоществования нуждающимся воспитанницам Тобольского епархиального женского училища за 1909/10 год. Тобольск: Типография Епархиального Братства, 1911.

23. Отчет общества вспомоществования нуждающимся воспитанницам Тобольского епархиального женского училища за 1910/11 год. Тобольск: Типография Епархиального Братства, 1912.

24. Отчет общества вспомоществования нуждающимся воспитанницам Тобольского епархиального женского училища за 1911/12 год. Тобольск: Типография Епархиального Братства, 1913.

25. Отчет общества вспомоществования нуждающимся воспитанницам Тобольского епархиального женского училища за 1913/14 год // Тобольские епархиальные ведомости. Отдел офиц. 1915. № 1. С. 9-13.

26. Отчет общества вспомоществования нуждающимся воспитанницам Тобольского епархиального женского училища за 1913/14 год // Тобольские епархиальные ведомости. Отдел офиц. 1915. № 3. С. 45-47.

27. Отчет общества вспомоществования нуждающимся воспитанницам Тобольского епархиального женского училища за 1914/15 год // Тобольские епархиальные ведомости. Отдел офиц. 1917. № 11/12. С. 127-131.

28. Отчет общества вспомоществования нуждающимся воспитанницам Тобольского епархиального женского училища за 1915/16 год // Тобольские епархиальные ведомости. Отдел офиц. 1917. № 11/12. С. 131-135.

29. Отчет общества вспомоществования нуждающимся воспитанницам Тобольского епархиального женского училища за 1916/17 год // Тобольские епархиальные ведомости. Отдел офиц. 1918. № 11/12. С. 177-182.

30. Отчет общества вспомоществования нуждающимся воспитанницам Тобольского епархиального женского училища за 1917/18 год // Тобольские епархиальные ведомости. Отдел официальный. 1919. № 1/2. С. 14-16.

31. Павлова О.С. Уфимское епархиальное женское училище во второй половине XIX – начале XX века: организация учебного процесса // Современная научная мысль. 2019. № 6. С. 57–61.

32. Педагогическая энциклопедия. В 4 т. Т. 1. А–Е. М.: Советская энциклопедия. 1964. 832 стб.

33. Попова О.Д. Психологический климат в женских епархиальных училищах середины XIX – начала XX вв. // Педагогика. 2005. № 2. С. 62-67.

34. Порядок преобразования училища // Тобольские епархиальные ведомости. Отдел неофициальный. 1882. № 3. С. 36-45.

35. Салаева Д.В. К вопросу об особенностях деятельности Нижегородского епархиального женского училища // Vita memoriae: Теория и практики исторических исследований: сборник статей по материалам VIII Всероссийской научной конференции молодых ученых, студентов и учащихся МБОУ СОШ, Нижний Новгород, 10 декабря 2020 года. Нижний Новгород: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина», 2021. С. 140-143.

36. Тимофеева Е.Г. Организация духовного образования и воспитания в женском епархиальном училище г. Астрахани // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2020. № 1(62). С. 9-14.

37. Тимшина В.Н. Открытие Вятского епархиального женского училища: как это было // Наука третьего тысячелетия: Сборник статей Международной научно-практической конференции, Уфа, 05 сентября 2014 года. Уфа: Общество с ограниченной ответственностью «Аэтерна». 2014. С. 56-58.

38. Хлопкова Н.П. Московское Филаретовское епархиальное женское училище (1865–1918) // Российский исторический процесс: сборник научных трудов студентов, магистров и аспирантов кафедры истории России средних веков и нового времени. М.: Московский государственный областной университет. 2016. С. 58-63.

39. Чаплыгина А.А. Роль епархиальных училищ в развитии женского образования в русской провинции девятнадцатого и начала двадцатого столетия // Культура и молодежь: от идеи к результату: Материалы LI научно-творческой конференции студентов СГИК (Самара, 18–22 апреля 2023 г.). Самара: Самарский государственный институт культуры. 2023. С. 32-33.

40. Шафранова О.И. Ставропольское епархиальное женское училище (1875–1919) // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2014. № 3(42). С. 203-207.

41. Шкарлат Л.П. Организация учебно-воспитательного процесса в таврическом женском епархиальном училище (1871–1872 г.) // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии. 2014. № 46. С. 67–73.

References

1. Agatova, M.A. (2016). Iz istorii zhenskogo duxovnogo obrazovaniya v Tavride: k 150-letiyu sozdaniya Tavricheskogo eparxial'nogo zhenskogo uchilishha. *Ucheny`e zapiski Kry`mskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki*. №3. 138-145. (in Russ.).

2. Andreeva, E.A. (2000). *Vozniknovenie i razvitie eparxial'ny`x zhenskix uchilishh v Rossii, seredina XIX - nachalo XX veka*. PhD Dissertation. Moscow. (in Russ.).

3. Vel`chev, G.S. (2021). Uchebno-vospitatel'ny`j process v Belyovskom eparxial'nom zhenskom uchilishhe. *Duxovny`j arsenal*. №4(6). 37-46. (in Russ.).

4. Vorob`eva, N.V. (2020). Specifika uchebno-vospitatel'nogo processa v Omskom zhenskom eparxial'nom uchilishhe v nachale XX veka. *Nauchno-metodicheskij e`lektronny`j zhurnal «Koncept»*. №12. 1-15. (in Russ.). <https://doi.org/10.24411/2304-120X-2020-11084>

5. Voronkova, I.E. (2019). Russkaya pravoslavnyaya cerkov` i zhenskoe obrazovanie v Rossijskoj imperii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. (po materialam Orlovskogo eparxial'nogo zhenskogo uchilishha). *Obrazovanie i nauka bez granicz: fundamental'ny`e i prikladny`e issledovaniya*. №9. 226-229. (in Russ.).

6. Godichny`j otchet o deyatel`nosti Obshhestva vspomoshhestvovaniya nuzhdayushhimsya uchashhimsya Tobol'skoj duxovnoj seminarii za 1916 god // Tobol'skie eparxial'ny`e vedomosti. 1917. №23-24. Otdel ofic. 337-341. (in Russ.).

7. Eperina, G.S. (1997). Iz istorii Omskogo eparxial'nogo zhenskogo uchilishha. *Izvestiya Omskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya*. №5. 35-41. (in Russ.).

8. Zaozerskaya, S.V. (2004). Princip nenasiliya kak osnova vospitaniya v eparxial'ny`x zhenskix uchilishhax Rossii vtoroj poloviny` XIX – nachala XX vv. Nenasilie kak obraz zhizni: sb. nauchny`x statej i materialov XXV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii po problemam pedagogiki nenasiliya (Sankt-Peterburg, 15 aprelya 2004 goda). 334-337. (in Russ.).

9. Zaozerskaya, S.V. (2014). Rol` eparxial'nogo zhenskogo uchilishha v razvitii zhenskogo obrazovaniya na Arxangel'skom Severe. *Nauka XXI veka: Problemy` akademicheskoy mobil`nosti issledovatelya i metodologii issledovaniya*: sb. Materialov III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (Arxangel'sk, 16-18 maya 2013 goda). 115-120. (in Russ.).

10. K istorii Tobol'skogo eparxial'nogo zhenskogo uchilishha // Tobol'skie eparxial'ny`e vedomosti. 1899. № 21. Otdel neofic. 414-418. (in Russ.).

11. K istorii Tobol'skogo eparxial'nogo zhenskogo uchilishha. *Tobol'skie eparxial'ny`e vedomosti*. 1899. № 22. Otdel neofic. 437-443. (in Russ.).

12. Krapotkina, I.E. (2013). Staxeevskoe Eparxial'noe zhenskoe uchilishhe v sisteme srednego obrazovaniya Rossijskoj imperii v konce XIX – nachale XX veka. *Maly`e i srednie goroda Rossii: proshloe, nastoyashhee i budushhee*: sb. Materialov VI Mezhdunarodny`x Staxeevskix chtenij (Elabuga, 22-23 noyabrya 2013 goda). 83-87. (in Russ.).

13. Kratkij ocherk istorii smolenskogo uchilishha devicz duxovnogo zvaniya. Zhelanie preosvyashhennogo Timofeya ustroit` v smolenskoj eparxii zhenskoe duxovnoe uchilishhe, opredelenie mesta dlya uchilishha i oty`skanie sredstv dlya sodержaniya ego. *Smolenskie eparxial'ny`e vedomosti*. 1874. №12. Otdel neofic. 432-442. (in Russ.).

14. Kruglikov, A.S. (2023). Deyatel`nost` obshhestva vspomoshhestvovaniya nuzhdayushhimsya uchashhimsya Tobol'skoj duxovnoj seminarii v 1883-1916 gg. *Makar`evskie chteniya: sb. materialov XVIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii* (Respublika Altaj, Gorno-Altajsk, 21-22 sentyabrya 2023 goda). 27-35. (in Russ.).

15. Kry`lov, A. (1860). Yaroslavskoe uchilishhe devicz duxovnogo zvaniya. *Yaroslavskie eparxial'ny`e vedomosti*. № 28. Chast` neofic. 258-269. (in Russ.).

16. Kuznecov, A. (1909). Eparxial'ny`e uchilishha (po povodu ispolnivshegosya sorokaletiya ustava e`tix uchilishh). *Cerkovny`e vedomosti. Pribavleniya k cerkovny`m vedomostyam, izdavaemy`m pri Svyatejshem Pravitel'stvuyushhem Sinode*. № 3. 120-124. (in Russ.).

17. Leont`ev, N.F. (1872). Ob obrazovanii zhenshin. Vtoroj vy`pusk vospitannicz Astraxanskogo eparxial'nogo zhenskogo uchilishha. SPb.: tip. dux. zhur. «Strannik». (in Russ.).

18. Obshhe-eparxial'ny`j s`ezd duxovenstva, Tobol'skoj eparxii v 1881 g. i glavny`j predmet ego zanyatij – zhenskoe duxovnoe uchilishhe. *Tobol'skie eparxial'ny`e vedomosti*. 1882. № 2. Otdel neoficial'ny`j. 17-33. (in Russ.).

19. Obshhe-eparxial'ny`j s`ezd duxovenstva, Tobol'skoj eparxii v 1881 g. i glavny`j predmet ego zanyatij – zhenskoe duxovnoe uchilishhe. *Tobol'skie eparxial'ny`e vedomosti*. 1882. № 3. Otdel neofic. 35-43. (in Russ.).

20. Ostroumov, P. (1865). Otkry`tie v gorode Tambove uchilishha dlya devicz duxovnogo zvaniya. *Tambovskie eparxial`ny`e vedomosti za 1864 god.* №1. Pribavlenie k Tambovskim eparxial`ny`m vedomostyam. 40-45. (in Russ.).

21. Orlova, V.D. (2017). Otrazhenie repressivnoj politiki sovetskogo gosudarstva v sud`bax semej poslednix vy`pusknicz Tambovskogo eparxial`nogo zhenskogo uchilishha. *Bogoslovskij sbornik Tambovskoj duxovnoj seminarii.* № 5. 108-118. (in Russ.).

22. *Otchet obshhestva vspomoshhestvovaniya nuzhdayushhimsya vospitanniczam Tobol`skogo eparxial`nogo zhenskogo uchilishha za 1909/10 god.* (1911). Tobol`sk: Tipografiya Eparxial`nogo Bratstva. (in Russ.).

23. *Otchet obshhestva vspomoshhestvovaniya nuzhdayushhimsya vospitanniczam Tobol`skogo eparxial`nogo zhenskogo uchilishha za 1910/11 god.* (1912). Tobol`sk: Tipografiya Eparxial`nogo Bratstva. (in Russ.).

24. *Otchet obshhestva vspomoshhestvovaniya nuzhdayushhimsya vospitanniczam Tobol`skogo eparxial`nogo zhenskogo uchilishha za 1911/12 god.* (1913). Tobol`sk: Tipografiya Eparxial`nogo Bratstva. (in Russ.).

25. *Otchet obshhestva vspomoshhestvovaniya nuzhdayushhimsya vospitanniczam Tobol`skogo eparxial`nogo zhenskogo uchilishha za 1913/14 god.* Tobol`skie eparxial`ny`e vedomosti. 1915. № 1. Otdel ofic. 9-13. (in Russ.).

26. *Otchet obshhestva vspomoshhestvovaniya nuzhdayushhimsya vospitanniczam Tobol`skogo eparxial`nogo zhenskogo uchilishha za 1913/14 god.* Tobol`skie eparxial`ny`e vedomosti. 1915. № 3. Otdel ofic. 45-47. (in Russ.).

27. *Otchet obshhestva vspomoshhestvovaniya nuzhdayushhimsya vospitanniczam Tobol`skogo eparxial`nogo zhenskogo uchilishha za 1914/15 god.* Tobol`skie eparxial`ny`e vedomosti. 1917. № 11/12. Otdel ofic. 127-131. (in Russ.).

28. *Otchet obshhestva vspomoshhestvovaniya nuzhdayushhimsya vospitanniczam Tobol`skogo eparxial`nogo zhenskogo uchilishha za 1915/16 god.* Tobol`skie eparxial`ny`e vedomosti. 1917. № 11/12. Otdel ofic. 131-135. (in Russ.).

29. *Otchet obshhestva vspomoshhestvovaniya nuzhdayushhimsya vospitanniczam Tobol`skogo eparxial`nogo zhenskogo uchilishha za 1916/17 god.* Tobol`skie eparxial`ny`e vedomosti. 1918. № 11/12. Otdel ofic. 177-182. (in Russ.).

30. *Otchet obshhestva vspomoshhestvovaniya nuzhdayushhimsya vospitanniczam Tobol`skogo eparxial`nogo zhenskogo uchilishha za 1917/18 god.* Tobol`skie eparxial`ny`e vedomosti. 1919. № 1/2. Otdel ofic. 14-16. (in Russ.).

31. Pavlova, O.S. (2019). Ufimskoe eparxial`noe zhenskoe uchilishhe vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka: organizaciya uchebnogo processa. *Sovremennaya nauchnaya my`sl`.* № 6. 57-61. (in Russ.).

32. *Pedagogicheskaya e`nciklopediya.* (1964). Vol. 1. A-E. Moscow: Sovetskaya e`nciklopediya. (in Russ.).

33. Popova, O.D. (2005). Psixologicheskij klimat v zhenskix eparxial'ny`x uchilishhax serediny` XIX – nachala XX vv. *Pedagogika*. № 2. 62-67. (in Russ.).

34. Poryadok preobrazovaniya uchilishha. *Tobol'skie eparxial'ny'e vedomosti*. 1882. № 3. Otdel neofic. 36-45. (in Russ.).

35. Salaeva, D.V. (2021). K voprosu ob osobennostyax deyatel`nosti Nizhegorodskogo eparxial'nogo zhenskogo uchilishha. *Vita memoriae: Teoriya i praktiki istoricheskix issledovaniy: sb. statej po materialam VIII Vserossijskoj nauchnoj konferencii molody`x ucheny`x* (Novgorod, 10 dekabrya 2020 goda). 140-143. (in Russ.).

36. Timofeeva, E.G. (2020). Organizaciya duxovnogo obrazovaniya i vospitaniya v zhenskom eparxial`nom uchilishhe g. Astraxani. *Kaspijskij region: politika, e`konomika, kul`tura*. № 1(62). 9-14. (in Russ.).

37. Timshina, V.N. (2014). Otkry`tie Vyatskogo eparxial'nogo zhenskogo uchilishha: kak e`to by`lo. *Nauka tret`ego ty`syacheletiya: sb. statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (Ufa, 05 sentyabrya 2014 goda). 56-58. (in Russ.).

38. Xlopkova, N.P. (2016). Moskovskoe Filaretovskoe eparxial`noe zhenskoe uchilishhe (1865-1918). *Rossijskij istoricheskij process: sb. nauchny`x trudov studentov, magistrrov i aspirantov kafedry` istorii Rossii srednix vekov i novogo vremeni*. 58-63. (in Russ.).

39. Chaply`gina, A.A. (2023). Rol` eparxial'ny`x uchilishh v razvitii zhenskogo obrazovaniya v russkoj provincii devyatnadczatogo i nachala dvadczatogo stoletiya. *Kul`tura i molodezh` : ot idei k rezul`tatu: sb. nauchno-tvorcheskoj konferencii studentov SGIK* (Samara, 18-22 aprelya 2023 goda). 32-33. (in Russ.).

40. Shafranova, O.I. (2014). Stavropol`skoe eparxial`noe zhenskoe uchilishhe (1875-1919). *Vestnik Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta*. № 3(42). 203-207. (in Russ.).

41. Shkarlat, L.P. (2014). Organizaciya uchebno-vospitatel'nogo processa v tavricheskom zhenskom eparxial`nom uchilishhe (1871-1872 g.). *Lichnost`, sem`ya i obshhestvo: voprosy` pedagogiki i psixologii*. № 46. 67-73. (in Russ.).

дата поступления: 05.08.2024

дата принятия: 21.10.2024

© Кругликов А.С., 2024

УДК 94(47)(571.64)

<https://doi.org/10.36906/2311-4444/24-4/05>*Лисицына Е.Н.***ПРОБЛЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ САХАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ
РУКОВОДЯЩИМИ КАДРАМИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ***E.N. Lisitsina***THE SAKHALIN INDUSTRY MANAGEMENT PERSONNEL PROVIDING DURING THE
GREAT PATRIOTIC WAR**

Аннотация. Предметом исследования явилась практически не изученная в дальневосточной историографии проблема обеспечения промышленных отраслей и предприятий Сахалинской области руководящими кадрами в годы Великой Отечественной войны. Автором впервые был введен в научный оборот целый ряд новых, ранее не использованных документов, извлеченных из фондов государственного исторического архива Сахалинской области и государственного архива Хабаровского края, а также материалов, опубликованных в сборниках документов и периодической печати. Проведенный анализ полученных данных позволил представить более объективную картину обеспечения руководящими кадрами ведущих отраслей промышленности и предприятий Северного Сахалина в годы Великой Отечественной войны, а также установить, что проблема нехватки руководящих кадров в отраслях промышленности усугублялась проблемой их высокой сменяемости, за которыми не стояло острой необходимости. В работе определены конкретные результаты деятельности партийных и советских органов по ликвидации нехватки управленческих кадров в промышленных отраслях Сахалинской области. В частности, было установлено, что сложившаяся в этом направлении ситуация с 1943 года стала претерпевать изменения. Это нашло выражение в отказе государства от мобилизации кадров из нефтяной промышленности, проведении на местах политики направленной не только на закрепление кадров, но и организацию системы повышения их квалификации, а также приглашении кадров из других регионов страны. Как свидетельствуют собранные в ходе исследования статистические данные, в результате принятых мер к концу войны ситуация с обеспечением ведущих отраслей экономики Сахалинской области и предприятий руководящими кадрами в целом была решена. Вполне очевидно, что изучение опыта обеспечения промышленности отдельного региона руководящими кадрами в условиях военного времени может найти продолжение в последующих

Abstract. The research is scant in Far Eastern historiography on the problem of providing the Sakhalin industrial sectors and enterprises with managerial personnel during the Great Patriotic War. The author introduced into scientific circulation a number of documents extracted from the funds of the State Historical Archive of the Sakhalin Region and the State Archive of the Khabarovsk Territory, as well as materials published in documents collections and periodicals. The data analysis allowed us to present a more detailed picture of senior personnel provision to leading industries and enterprises of Northern Sakhalin during the Great Patriotic War and to obtain that the problem of a senior personnel shortage in industries remained aggravated by their turnover, high though not of an urgent need. The paper identifies the specific results the activities of the party and Soviet bodies led to in eliminating the shortage of management personnel in the Sakhalin industrial sectors. In particular, it was found that the situation has been changing since 1943. It revealed in the state's refusal to requite personnel from the oil industry, conducting a policy on the ground aimed not only to consolidate personnel but also to organise a system for improving their skills, as well as inviting personnel from other regions of the country. According to the statistical data collected during the study, the measures taken by the end of the war resulted in resolving the shortage of management personnel for the leading Sakhalin sectors of the economy and enterprises. It is obvious, that the investigation of the experience of providing a particular region's industry with senior personnel in wartime conditions can find its further development in subsequent research, and might be useful for educational activities as well as the implementation of modern regional personnel policy.

научных исследованиях, а также будет полезно в образовательной деятельности и для реализации современной кадровой политики регионов.

Ключевые слова: Сахалинская область, промышленность Сахалинской области, руководящие кадры, Великая Отечественная война.

Сведения об авторе: Лисицына Елена Николаевна, ORCID: 0009-0007-2468-1698, канд. истор. наук, доцент, Сахалинский государственный университет, г. Южно-Сахалинск, Россия, Lisitsina1997@yandex.ru

Keywords: Sakhalin region, industry of the Sakhalin region, senior personnel, The Great Patriotic War.

Information about the author: Elena N. Lisitsyna, ORCID: 0009-0007-2468-1698, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Sakhalin State University, Yuzhno-Sakhalinsk, Russia, Lisitsina1997@yandex.ru

Лисицына Е.Н. Проблема обеспечения промышленности Сахалинской области руководящими кадрами в годы Великой Отечественной войны // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2024. №4(68). С. 47-56. <https://doi.org/10.36906/2311-4444/24-4/05>

Lisitsina, E.N. (2024). The Sakhalin Industry Management Personnel Providing During the Great Patriotic War. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*, (4(68)), 47-56. (in Russ.). <https://doi.org/10.36906/2311-4444/24-4/05>

Несмотря на то, что нападение в июне 1941 г. Германии на Советский Союз превратило Дальний Восток в район глубокого тыла, потенциально существовавшая угроза войны с Японией вынуждала советское правительство держать на территории региона большой контингент вооруженных сил. Близость возможного фронта военных действий привела к тому, что все свои нужды территория должна была обеспечивать за счет собственных возможностей. В этой связи успех развития Сахалинской области, основу экономики которого составляли нефтяная, угольная и рыбная промышленность, во многом определялся уровнем квалификации людей, стоявших во главе предприятий и отраслей в целом. Развернувшиеся на острове мобилизации и связанные с ними масштабные перемещения людей вывели кадровую проблему (включая руководящее звено) в экономической деятельности Сахалинской области на первый план.

Имеющаяся на сегодняшний день историография проблемы кадрового обеспечения промышленных отраслей и предприятий Сахалинской области в годы Великой Отечественной войны носит разноплановый характер. С одной стороны, благодаря усилиям профессиональных историков и краеведов, отдельные аспекты указанной проблемы имеют достаточно высокую степень проработки. К ним относятся использование женского и детского труда в годы войны, усилия коллективов по оптимизации работы предприятий в условиях нехватки кадров. С другой стороны, в разработке указанной проблемы имеется ряд тематических «лакун», одной из которых является практически неизученная проблема обеспечения в годы Великой Отечественной войны промышленных отраслей и предприятий Сахалинской области руководящими кадрами.

Основу исследования составили впервые введенные в научный оборот документы, извлеченные автором из фондов Государственного исторического архива Сахалинской области и Государственного архива Хабаровского края, а также материалы опубликованных сборников документов и периодической печати.

Анализ и синтез собранных данных позволили представить более объективную картину обеспечения ведущих отраслей промышленности и предприятий Северного Сахалина в годы Великой Отечественной войны руководящими кадрами и определить последствия влияния сложившегося положения на экономику области.

Добровольный уход значительной части сахалинцев на фронт [9], мобилизация военнообязанных 1922 г. рождения в сентябре 1941 г. [21, с. 132] привели к тому, что промышленные предприятия Сахалинской области столкнулись с острейшим дефицитом кадров. В тресте «Сахалиннефть» вместо необходимых 3569 рабочих на производстве осталось 2502 человека [11, с. 224]. Штат грузчиков в угольном портопункте Александровского порта составил всего 66% [13]. Однако наиболее острый дефицит кадров возник в руководящем звене, по существу, обезглавив целые подразделения промышленных предприятий. Так, на ведущем промысле треста «Сахалиннефть» – Эхабинском – осенью 1941 г. из руководства осталось всего два человека – директор конторы бурения и техник [6, л. 24].

Нехватку руководителей производственного звена усилило сокращение штатов управленческого аппарата ряда хозяйственных органов государственного и краевого подчинения, проведенное Сахалинским облисполкомом в декабре 1941 года [14, с. 103]. В частности, в тресте «Сахалинуголь» было сокращено 37, а в «Сахгосрыбтресте» 240 штатных единиц [7, л. 16].

На освободившиеся должности пришла молодежь, получившая в рамках ФЗО специальности в крайне сжатые сроки (на подготовку нефтяников отводилось всего 156 дней [4, с. 41]). Часть вчерашних выпускников весьма быстро продвинулась по карьерной лестнице. Однако отсутствие у молодых руководителей достаточного профессионального опыта и знаний порой имело для производства серьезные негативные последствия. Практически во всех отраслях Сахалинской области в первый год войны стала расти аварийность. Только за июль-август 1941 г. на нефтяных промыслах Эхаби произошло 17 серьезных аварий [6, л. 35]. В угольной промышленности в 1941 г. на шахтах треста «Сахалинуголь» произошло 532 несчастных случая [13].

При этом возможности административного перемещения управленческих кадров были весьма ограничены. Во-первых, на фоне общего сокращения численности населения области на 18–19% [22, с. 8], возникла серьезная диспропорция в ее половозрастном составе. Наиболее подготовленных руководителей – мужчин почти не осталось. Во-вторых, часть управленческих кадров была отозвана с Сахалина для выполнения государственных задач в другие регионы страны. Так, в 1942 г. в связи с необходимостью поиска и освоения новых месторождений нефти на Урале на работу в Волго-Уральский район был срочно переведен главный геолог треста «Сахалиннефть» Т.М. Золоев [10].

Ситуацию в нефтяной отрасли должно было облегчить прибытие на Сахалин осенью 1942 г. 150 буровиков, эвакуированных из Краснодарского края [11, с. 234], однако, вопреки

постановлениям ГКО № 675 от 15 сентября 1941 г. [15], ГКО № 1485 от 24 марта 1942 г. [16] и № 2327 от 22 сентября 1942 г. [17], осенью 1943 г. Охинский горвоенкомат незаконно произвел призыв в РККА 516 рабочих, ИТР и служащих предприятий системы «Дальнефтекомбината» [8, л. 215 об.]. В результате кадровая проблема в нефтегазовой отрасли, включая руководящий состав, вновь стала одной из первоочередных. В условиях, когда любым способом было необходимо обеспечить работу предприятий, власти вынуждено шли на нетрадиционные меры. Например, руководящие должности сохранялись за лицами, привлеченными к различным видам ответственности, включая уголовную. Так, старшим инженером и заместителем начальника Армуданской нефтеразведки был назначен снятый в 1942 г. с должности мастера по бурению [6, л. 49] и исключенный из партии за аварию на Эхабинском промысле В.И. Муравленко [6, л. 33].

На ситуацию с острой нехваткой руководящих кадров накладывалась проблема их высокой сменяемости. За первые три года войны на промысле Эхаби и в конторе бурения сменилось по четыре директора и по три главных инженера, а в строительно-монтажной и нефтетоварной конторе треста «Сахалиннефть» — пять директоров и пять главных инженеров [19, с. 370]. На пяти шахтах треста «Сахалинуголь» за этот же период сменилось 14 начальников шахт, в рыбной промышленности – 37 директоров рыбозаводов [19, с. 370].

Безусловно, часть работников была освобождена от занимаемых должностей совершенно обоснованно. Например, в 1943 г. 16 человек было снято с работы за неумение обеспечить должный уровень руководства предприятием, а также различные служебные преступления [19, с. 370]. Но, в то же время, большое количество перестановок было вызвано необъективным отношением к кадрам со стороны вышестоящих хозяйственных и местных партийных органов. Это выражалось в том, что причиной отстранения руководителя от должности мог послужить малейший промах [19, с. 370]. Учитывать тот факт, что при нарастании объемов работ сроки, отводимые для решения текущих проблем предприятия, не соответствовали реалиям, как правило, никто не хотел. Как отмечалось в докладной записке секретаря Сахалинского обкома ВКП(б) по кадрам Жильцова, направленной в управление кадрами ЦК ВКП(б) Шаталину и секретарю Хабаровского крайкома ВКП(б) Гаврилову, «...С людьми не поработали, не помогли вовремя, а встали на неправильный путь снятия и перемещения работников... но многих перемещений можно было и не делать» [4, л. 8]. Аналогичную мысль высказал директор Эхабинской конторы бурения В.И. Муравленко, подавший заявление об освобождении от должности: «Я ждал от руководства действенной помощи, а меня только часто и нелюбезно ругали» [6, л. 24].

В результате в 1943 г. положение дел в промышленных отраслях Сахалинской области приобрело напряженный характер. В лесной промышленности в рабочем состоянии находился лишь один Северо-Сахалинский леспромхоз [1, с. 71]. В нефтяной отрасли объемы добычи сырья не достигали плановых показателей, поэтому из-за недопоставок

нефти не выполнил план Хабаровский НПЗ [2, л. 16], а угольщики почти полностью остановили добычу угля из-за невозможности его вывоза с острова [13].

Однако, как свидетельствуют документы, начиная с 1943 г., отношение к кадрам начинает меняться. Ведущей становится линия на их закрепление. В этой связи в 1943 г. на пленуме Сахалинского ОК ВКП(б) обсуждался вопрос о ходе выполнения решений IX Пленума Хабаровского крайкома ВКП(б) «О выращивании кадров и выдвижении их на руководящую партийную, советскую, хозяйственную работу». Пленум со всей резкостью осудил порочную практику в работе Охинского горкома, а также руководителей треста «Сахалиннефть», допуская массовое перемещение и снятие людей с работы. В итоге от горрайкомов ВКП(б) и руководителей трестов потребовали прекратить практику необоснованного перемещения руководителей среднего звена. Также было запрещено снимать и перемещать руководящих работников, относящихся к номенклатуре обкома ВКП(б), без одобрения руководящего органа [4, л. 12]. В результате текучесть и сменяемость кадров в промышленных отраслях Сахалинской области стала снижаться. Как свидетельствуют документы, в 1943 г. из 164 руководящих работников промышленности номенклатуры обкома ВКП(б) сменилось 44 человека, при этом у 25 чел. основной причиной стало выдвижение на более высокую должность [19, с. 370].

Несмотря на сокращение перемещения кадров, в работе с ними существовал еще один серьезный недостаток – их слабая экономическая и финансовая подготовка. Как правило, новыми руководителями становились практики, которые хорошо знали производство и добросовестно трудились на нем, но плохо представляли себе экономику предприятия, практически совсем не разбирались в балансе, планировании, организации труда и были крайне слабо знакомы с теоретическими основами промышленного производства. Если же руководителем становился человек из другой отрасли хозяйства, то проблемы, как правило, удваивались. Проведенная отделом кадров Сахалинского ОК ВКП(б) проверка работы с руководящими кадрами рыбной, нефтяной и угольной промышленности показала, что в течение ряда лет никакой серьезной учебы по повышению деловой квалификации организовано не было [19, с. 370]. При этом каждая отрасль выставляла свои причины отказа от такой работы. Например, руководство Сахалинского госрыбтреста и Рыбколхозсоюза объясняло это тем, что рыбаков нельзя на длительный срок отзывать с предприятий, так как летом они заняты на путине, а зимой – на подледном лове и подготовке к путине [19, с. 370]. Руководители других отраслей ссылались на то, что их отсутствие на производстве может сказаться на достижении плановых показателей, так как даже на короткий срок оставить предприятие некому [4, с. 8]. Проведенная по следам таких заявлений отделом кадров ВКП(б) проверка выявила, что действительно у целого ряда руководителей предприятий и председателей рыболовецких колхозов нет постоянных заместителей, на которых можно было бы временно возложить ответственность за предприятие. По результатам проверки отдел кадров обязал руководителей трестов и

«Рыбакколхозсоюза» иметь на каждом предприятии не освобожденного заместителя, а также организовать работу с этими людьми, готовя их как резерв для руководящей работы [4, с. 8].

С 1943 г. работа в Сахалинской области по повышению квалификации руководящих кадров была налажена. Летом и осенью в областном центре были организованы полуторамесячные курсы председателей рыболовецких колхозов и курсы директоров рыбозаводов. К чтению лекций и проведению занятий со слушателями были привлечены лучшие специалисты рыбной промышленности, руководящие работники треста и «Рыбакколхозсоюза», а также секретари обкома ВКП(б) и другие руководители областных организаций, председатель облисполкома, директор областной конторы госбанка, прокурор и т. д. Весь лекторский и преподавательский состав был подобран обкомом ВКП(б) и утвержден на бюро. В 1943 г. такое обучение прошли 17 директоров заводов и 24 председателя колхозов [19, с. 371]. В результате командные кадры рыбной промышленности острова получили хорошую «зарядку» для дальнейшей работы и обменялись накопленным опытом, что до этого времени не практиковалось [4, с. 9].

Формы учебы руководящих кадров и руководителей среднего звена в разных отраслях производства были разными. Например, на шахтах в системе треста «Сахалинуголь» были созданы постоянно действующие семинары руководителей среднего звена – начальников участков и бригадиров. Также были организованы занятия с мастерами. В программу семинаров, наряду с техническими дисциплинами, были включены вопросы экономики производства, планирования, организации стахановских методов труда и т. д. Помимо этого, при тресте периодически стали собирать производственно-технические конференции, на которых обсуждались вопросы работы производства и шел обмен опытом [19, с. 371].

На Охинском и Эхабинском нефтепромыслах в 1943 г. в целях повышения технической грамотности руководителей среднего звена – мастеров были созданы постоянно действующие курсы без отрыва от производства. Кроме этого, Охинский горком ВКП(б) стал периодически собирать мастеров и начальников цехов на общегородские совещания по обмену опытом [19, с. 371].

А вот повышение квалификации инженерно-технических работников было организовано слабо. Несмотря на ряд принятых решений, Дом техники в Охе был не достроен, техническая библиотека отсутствовала, поэтому никакой новой технической литературы ни трест «Сахалиннефть», ни промыслы не получали [19, с. 371].

Тем не менее, при всех недостатках в 1943 г. техническую учебу прошли 4790 руководящих работника. Из них в рыбной промышленности – 2661, в нефтяной – 1127, в угольной – 692, в транспорте и связи – 310 человек [4, л. 10 об.].

В феврале 1944 г. в Охе состоялась II-я городская партийная конференция, на которой обсуждался вопрос о соответствии стиля работы руководителей некоторых организаций требованиям военного времени. Обсуждение данной проблемы было вызвано глубоким

кризисом, в котором находился трест «Сахалиннефть». Его управляющим с июня 1942 г. был С.М. Иванов [1, с. 43]. По мнению участников форума, руководитель не видел перспектив развития предприятия, не умел выделить главные цели и задачи и организовать коллектив на их выполнение. Его работа отличалась авральностью, невниманием к бытовым нуждам людей и формализмом [8, л. 4].

На причину слабого подбора кадров обратил внимание и состоявшийся в марте 1944 г. XIII Пленум Сахалинского ОК ВКП(б), констатировавший, что одной из основных причин слабой работы некоторых предприятий являлось «непродуманное, а подчас поспешное выдвижение людей на руководящую работу без предварительной проверки их деловых качеств. В результате ряд работников с возложенной на них работой не справлялись...» [5, с. 82], что вызвало большую текучесть кадров. За год в области сменилось 28 партийных, 7 советских и 73 хозяйственных кадров [5, с. 83].

Исходя из необходимости срочных перемен в деятельности нефтяной отрасли, сахалинские власти вынуждены были обратить пристальное внимание на опытные кадры как за пределами области, так и внутри ее. На должность управляющего треста «Сахалиннефть» в начале 1944 г. был приглашен управляющий трестом «Краснокамскнефть» Е.И. Швецов, которому дали шесть месяцев для наполнения построенного трубопровода нефтью. С поставленной задачей он блестяще справился [12]. Добыча нефти трестом в 1944 г. превзошла показатели предыдущих лет [11, с. 249].

Также получил повышение отбывший год исправительно-трудовых работ по месту нахождения предприятия – Армуданской нефтеразведки – В.И. Муравленко. В 1944 г. он занял должность главного инженера государственной геологоразведочной конторы «Дальнефтеразведка» [3, с. 87]. Под его руководством предприятие впервые выполнило план разведочного бурения и установило промышленную нефтеносность двух пластов Эхабинского месторождения [20]. В 1945 г. В.И. Муравленко занял должность начальника отдела добычи и бурения объединения «Дальнефть» (г. Хабаровск) [3, с. 89].

Результатом проделанного партийными, советскими и хозяйственными органами комплекса мероприятий стало обеспечение с 1944 г. промышленности Сахалинской области хозяйственными руководящими кадрами, которые в подавляющем большинстве справлялись с поставленными перед ними задачами. Несмотря на целый ряд трудностей, большинство промышленных предприятий области удержали довоенные темпы производства, а более 60 предприятий [4, л. 1] досрочно выполнили и перевыполнили производственные планы 1944 года. К концу войны ситуация с обеспечением ведущих отраслей экономики Сахалинской области и предприятий руководящими кадрами в целом была решена.

Литература

1. Вишневецкий Н.В. Сахалин и Курильские острова в годы Второй мировой войны. Краткий энциклопедический справочник. Южно-Сахалинск, 2000. 168 с.
2. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. 1064. Оп. 1. Д. 47.
3. Геллер А.И. Нефть Северного Сахалина в исторических фактах. 1928–2018: сборник. Южно-Сахалинск: Сахалин – Приамурские ведомости, 2018. 159 с.
4. Государственный исторический архив Сахалинской области (ГИАСО). Ф. П-4. Оп. 1. Д. 191.
5. ГИА СО Ф. П-4. Оп.1. Д. 200.
6. ГИАСО. Ф. П-4. Оп. 10. Д. 2713.
7. ГИАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 175.
8. ГИАСО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 80.
9. Гольцев П. За свободу, за честь, за великого Сталина! // Советский Сахалин. 1941. 1 июля. № 152.
10. Келоев Т. Первый осетин инженер-нефтяник // Пульс Осетии. 2011. 26 января.
11. Лисицына Е.Н. Нефть и газ Сахалина: монография: в 2-х частях. Ч. 1: (конец XIX в. – 1945 г.). Южно-Сахалинск: Сахалинская областная типография, 2020. 280 с.
12. Молочкова Д. Родовые корни династии Швецовых // Тюменские известия. 2014. 17 января.
13. Осташев А.Е. В годы суровых испытаний. URL: http://samlib.ru/o/ostashew_a_e/vov.shtml (дата обращения: 29.09.2024).
14. Пономарев С. Сахалинский областной Совет депутатов трудящихся Хабаровского края РСФСР в 1939–1946 годах: монография. Южно-Сахалинск: Сахалинская областная типография, 2018. 256 с.
15. Постановление ГКО СССР от 15 сентября 1941 г. № 675 с о призыве военнообязанных, пользующихся отсрочками по мобилизации, и граждан 1922 года рождения // Президентская библиотека: сайт. URL: <https://www.prlib.ru/item/1339213> (дата обращения 30.09.2024).
16. Постановление ГКО от 24 марта 1942 г. № 1485 СС «О мероприятиях по выработке авиационных бензинов Б-78 и авиамасел в 1942 г.» // Президентская библиотека: сайт. URL: <https://www.prlib.ru/item/1346113> (дата обращения 24.09.2024).
17. Постановление ГКО от 22 сентября 1942 г. №2327 «О переводе на время войны рабочих, служащих и инженерно-технических работников предприятий нефтяной промышленности на положение мобилизованных... // Президентская библиотека: сайт. URL: <https://www.prlib.ru/item/1350264> (дата обращения 24.09.2024)
18. Ремизовский В.И., Кандиусова З.Р. Хроника сахалинской нефти. 1941–1990. Ч. 2. Хабаровск, 2004. 86 с.

19. Сахалинская область в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: сборник документов и материалов/ сост.: В.В. Гридяева [и др.]. Владивосток: Дальпресс, 2020. 528 с.

20. Социалистическое строительство на Сахалине (1925–1945): сб. док. и материалов. Южно-Сахалинск, 1967. 652 с.

21. Ткачева Г.А. Мобилизационные процессы на Дальнем Востоке СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Материалы 53-й Всероссийской научной конференции. Т. V: Проблемы тактики Военно-морского флота, военной истории, геополитики и военно-морской географии. Владивосток: ТОВМИ, 2010. С. 129-143.

22. Ткачева Г.А. Дальний Восток СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Россия и АТР. 2020. № 2. С. 5-22.

References

1. Vishnevskij, N.V. (2000). *Saxalin i Kuril'skie ostrova v gody` Vtoroj mirovoj vojny`*. *Kratkij e`nciklopedicheskij spravocnik*, 168 s. (in Russ.).

2. Gosudarstvenny`j arxiv Xabarovskogo kraja (GAXK). F. 1064. Op. 1. D. 47. (in Russ.).

3. Geller, A.I. (2018). *Neft` Severnogo Saxalina v istoricheskix faktax. 1928–2018: sbornik*. Yuzhno-Saxalinsk: *Saxalin – Priamurskie vedomosti*, 159 s. (in Russ.).

4. Gosudarstvenny`j istoricheskij arxiv Saxalinskoj oblasti (GIASO). F. P-4. Op. 1. D. 191. (in Russ.).

5. GIASO F.P-4. Op.1. D. 200. (in Russ.).

6. GIASO. F. P-4. Op. 10. D. 2713. (in Russ.).

7. GIASO. F. 53. Op. 1. D. 175. (in Russ.).

8. GIASO. F. 217. Op. 1. D. 80. (in Russ.).

9. Gol`cev, P. (1941). *Za svobodu, za chest`, za velikogo Stalina! Sovetskij Saxalin*. № 152. 01.07.1941. (in Russ.).

10. Keloev, T. (2011). *Pervy`j osetin inzhener-neftyani*. *Pul`s Osetii*. 26 yanvarya 2011. (in Russ.).

11. Lisicyna, E.N. (2020). *Neft` i gaz Saxalina: monografiya: v 2-x chastyax. Ch.1: (konecz XIX v. – 1945 g. Yuzhno-Saxalinsk: Saxalinskaya oblastnaya tipografiya*, 280 s. (in Russ.).

12. Molochkova, D. (2014). *Rodovy`e korni dinastii Shveczovy`x. Tyumenskie izvestiya*. 17 yanvarya. (in Russ.).

13. Ostashev, A.E. (2024). *V gody` surovy`x ispy`tanij*. URL: http://samlib.ru/o/ostashew_a_e/vov.shtml (data obrashheniya: 29.09.2024). (in Russ.).

14. Ponomarev, S. (2018). *Saxalinskij oblastnoj Sovet deputatov trudyashixsya Xabarovskogo kraja RSFSR v 1939–1946 godax: monografiya*. Yuzhno-Saxalinsk: *Saxalinskaya oblastnaya tipografiya*, 256 s. (in Russ.).

15. Postanovlenie GKO SSSR ot 15 sentyabrya 1941 g. № 675 s o prizy`ve voennoobyazanny`x, pol`zuyushhixsya otsrochkami po mobilizacii, i grazhdan 1922 goda rozhdeniya // Prezidentskaya biblioteka: sajt. URL: <https://www.prilib.ru/item/1339213> (data obrashheniya 30.09.2024). (in Russ.).

16. Postanovlenie GKO ot 24 marta 1942 g. №1485 SS «O meropriyatiyax po vy`rabortke aviacionny`x benzinov B-78 i aviamasel v 1942 g.» ... *Prezidentskaya biblioteka: sajt*. URL: <https://www.prilib.ru/item/1346113> (data obrashheniya 24.09.2024). (in Russ.).

17. Postanovlenie GKO ot 22sentyabrya 1942 g. №2327 «O perevode na vremya vojny` rabochix, sluzhashhix i inzhenerno-texnicheskix rabotnikov predpriyatij neftyanoj promy`shlennosti na polozhenie mobilizovanny`x... *Prezidentskaya biblioteka: sajt*. URL: <https://www.prilib.ru/item/1350264> (data obrashheniya 24.09.2024). (in Russ.).

18. Remizovskij, V.I., & Kandiusova, Z.R. (2004). Xronika saxalinskoj nefti. 1941–1990. Ch. 2. Xabarovsk, 86 s. (in Russ.).

19. Saxalinskaya oblast` v gody` Velikoj Otechestvennoj vojny`. 1941-1945: sbornik dokumentov i materialov / sost.: V.V. Gridyaeva [i dr.]. Vladivostok: Dal`press, 2020. 528 s. (in Russ.).

20. Socialisticheskoe stroitel`stvo na Saxaline (1925–1945): sb. dok. i materialov. Yuzhno-Saxalinsk, 1967. 652 s. (in Russ.).

21. Tkacheva, G.A. (2010). Mobilizacionny`e processy` na Dal`nem Vostoke SSSR v gody` Velikoj Otechestvennoj vojny` (1941–1945). *Materialy` 53-j Vserossijskoj nauchnoj konferencii*. T. V: Problemy` taktiki Voенно-morskogo flota, voенной istorii, geopolitiki i voенно-morskoj geografii. Vladivostok: TOVMI, S. 129-143. (in Russ.).

22. Tkacheva, G.A. (2020). Dal`nij Vostok SSSR v gody` Velikoj Otechestvennoj vojny` (1941–1945). *Rossiya i ATR*. № 2. S. 5-22. (in Russ.).

дата поступления: 01.10.2024

дата принятия: 21.10.2024

© Лисицына Е.Н., 2024

УДК 371.1(091)(571.122) + 331.56(091)(571.122)

<https://doi.org/10.36906/2311-4444/24-4/06>

Кирилюк Д.В.

«ЭХО ВОЙНЫ» В ЮГРЕ:
ПРОБЛЕМА УЧИТЕЛЬСКОЙ БЕЗРАБОТИЦЫ В 1945–1955 гг.

D.V. Kirilyuk

«ECHO OF THE WAR» IN UGRA:
THE PROBLEM OF TEACHER UNEMPLOYMENT IN 1945–1955

Аннотация. Исследование посвящено изучению одной из самых актуальных в отечественной исторической науке тем – влиянию последствий Великой Отечественной войны на послевоенное развитие советского общества. Автор на основе методов анализа и синтеза, историко-генетического и статистического методов, а также метода интервью предпринимает попытку выявить проявления и последствия «эха войны» применительно к системе школьного образования Ханты-Мансийского национального округа. Главная цель исследования состоит в поиске ответа на вопрос, существовала ли в регионе, также, как и в других областях СССР, в первое послевоенное десятилетие проблема трудоустройства учителей, вызванная сокращением количества детей школьного возраста. В статье последовательно проанализированы основные показатели развития школьного образования Югры в 1945–1955 гг., такие как изменение общей численности школ, соотношения различных типов школ и количества учащихся в них. В результате этого в исследовании выявлено существенное несоответствие между уменьшением в 1950–1955 гг. общего числа школ в регионе и заметным ростом количества учителей, что по мнению автора, доказывает наличие в первой половине 1950-х гг. учительской безработицы в регионе. Местные власти пытались исправить данную ситуацию, но не имели для этого достаточных полномочий. Вместе с тем, делается вывод о том, что степень влияния безработицы в Ханты-Мансийском национальном округе на разные категории учителей не была одинаковой. Наиболее сильно безработица затронула в 1952–1955 гг. условия работы учителей начальных школ, а наименее заметной она была среди учителей национальных школ.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Югра, учитель, школа, трудоустройство, безработица, демографическая яма, «эхо войны».

Abstract. The research is devoted to the study of one of the most relevant topics in Russian historical science – the impact of the Great Patriotic War consequences on the Soviet society post-war development. Based on the methods of analysis and synthesis, historical and genetic and statistical methods, as well as the interview method, the author attempts to identify the signs and consequences of the “echo of the war” in relation to the Khanty-Mansiysk National okrug school system. The main purpose of the research is to find an answer to the question whether the teacher employment problem existed in the region, as well as in other USSR regions, in the first post-war decade caused by a decrease in the number of school-age children. The article consistently analyses the main indicators of the development of school education in Ugra in 1945–1955, such as the change in the total number of schools, the ratio of different types of schools and the number of students in them. As a result, the research revealed a significant discrepancy between the decrease in the total number of schools in the region in 1950–1955 and a noticeable increase in the number of teachers, which, according to the author, proves the presence of teacher unemployment in the region in the first half of the 1950s. The regional authorities tried to remedy this situation, but did not have sufficient rights to do this. By the way, the author concludes that the influence level of unemployment in the Khanty-Mansiysk National okrug on different categories of teachers was not the same. In 1952–1955, unemployment affected the working conditions of primary school teachers the most, and it was least noticeable among teachers of national schools.

Keywords: The Great Patriotic War, Ugra, teacher, school, employment, unemployment, demographic pit, «echo of the war».

Сведения об авторе: Кирилюк Денис Валериевич, ORCID: 0000-0003-3898-2786, канд. ист. наук, бюджетное учреждение высшего образования ХМАО-Югры «Сургутский государственный университет», г. Сургут, Россия, DenKirilyuk@yandex.ru

About the author: Denis V. Kirilyuk, ORCID: 0000-0003-3898-2786, Candidate of Historical Sciences, Surgut State University, Surgut, Russia, DenKirilyuk@yandex.ru

Кирилюк Д.В. «Эхо войны» в Югре: проблема учительской безработицы в 1945–1955 гг. // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2024. №4(68). С. 57-70. <https://doi.org/10.36906/2311-4444/24-4/06>

Kirilyuk, D.V. (2024). «Echo of the War» in Ugra: the Problem of Teacher Unemployment in 1945–1955. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*, (4(68)), 57-70. (in Russ.). <https://doi.org/10.36906/2311-4444/24-4/06>

В современной отечественной историографии истории советского школьного образования все чаще появляются исследования, посвященные изучению проблем, которые ранее, в силу ряда причин идеологического характера либо специфики источниковой базы, не находились в центре внимания ученых-историков. В числе малоизученных вопросов по-прежнему можно назвать учительскую безработицу в Советском Союзе, достигшую своего апогея в середине 1950-х годов. Она стала одним из наиболее болезненных последствий Великой Отечественной войны, признаком так называемого «эха войны», отразившегося в системе народного образования страны проблемой не родившихся в 1941–1945 гг. детей.

Общие контуры масштабов трудностей, с которыми столкнулись школы страны в связи со снижением рождаемости представлены в исследовании Г.М. Ивановой. Согласно ее сведениям, в 1955 г. количество детей в возрасте 7–13 лет столь существенно сократилось, что составляло всего 60% от уровня 1940 г. Даже в группе детей от 0 до 6 лет (то есть рожденных в 1949–1955 гг.) наблюдалось некоторое уменьшение – в сравнении с последним довоенным годом количество таких детей составляло 98%. Рост же количества учащихся в 1955 г., по сравнению с 1940 г., наблюдался только в старшей возрастной группе (14–17 лет) – 116%, что было связано не только с тем, что они были рождены до войны, но и с присоединением к СССР новых территорий накануне 1941 года.

В целом, общее количество детей в стране в возрасте 0–17 лет сократилось на данном хронологическом отрезке с 79,2 млн. до 67,8 млн. чел (86%). Вследствие этого в середине 1950-х годов свыше 150 тыс. учителей начальных классов работали не по специальности, из них не менее 50 тыс. человек активно добивались возвращения на педагогическую работу [6, с. 115, 217].

Изучение влияния данных изменений на повседневную работу системы школьного образования советских регионов в настоящее время представлено лишь отдельными публикациями. Например, историки Г.В. Кретинин и Л.М. Фуксон признают, что в середине 1950-х гг. школы стали испытывать на практике последствия Великой Отечественной войны, а именно сокращение количества учащихся 5–7 классов [27, с. 120].

Однако и они не показывают примеры данных изменений на конкретной территории – Калининградской области.

Вместе с тем, представляется чрезвычайно важным проследить влияние «демографической ямы», вызванной последствиями трагических событий 1941–1945 гг., в удаленной советской провинции, регионах, подобных Ханты-Мансийскому национальному округу, поскольку они, находясь в это время на периферии демографической и социально-экономической истории Советского Союза, позволяют выявить наиболее характерные черты данных процессов.

Доказательная база исследования основана на комплексе делопроизводственных и статистических материалов Ханты-Мансийского окружного отдела народного образования за 1945–1955 гг., хранящихся в Государственном архиве Югры. Источниками работы послужили также свидетельства учителей региона, опубликованные в сборниках воспоминаний жителей края, дополненные интервью Д.В. Кирилюка с бывшими педагогами 1950-х годов – Л.Е. Пачгановой и М.К. Волдиной. Ведущими методами в работе выступили историко-генетический и статистический методы, метод интервью, а также общенаучные методы анализа и синтеза, позволившие всесторонне изучить проблему учительской безработицы в округе и систематизировать полученные данные.

Статистические сведения об основных показателях развития школьного образования на территории Югры в рассматриваемый период времени, на первый взгляд, не позволяют увидеть прямые последствия пережитой советским обществом войны (см.: табл. 1).

Таблица 1

Численность школ и учащихся в Ханты-Мансийском национальном округе в 1945–1955 гг.

[Составлено по: 11, л. 1; 13, л. 6; 14, л. 2-5; 23, л. 15-16, 24, 26; 25, л. 1]

	1945 г.	1950 г.	1953 г.	1955 г.	Процент изменения
Общее количество школ в крае, в т.ч.:	257 (100%)	264 (100%)	250 (100%)	232 (100%)	- 9,7%
Начальных школ	204 (79,4%)	198 (75%)	178 (71,2%)	161 (69,4%)	- 21,1%
Семилетних школ	47 (18,3%)	59 (22,3%)	64 (25,6%)	59 (25,4%)	+ 25,5%
Средних школ	6 (2,3%)	7 (2,7%)	8 (3,2%)	12 (5,2%)	+ 100%
Городских школ	5	14	10	12	+ 120%
Сельских школ	252	250	240	220	- 12,7%
Общее количество учащихся в школах	18013 чел.	19175 чел.	17013 чел.	15790 чел.	- 12,3%
Среднее количество учащихся в школе	70 чел.	73 чел.	68 чел.	68 чел.	- 2,9%

Как видно из данных таблицы 1, период 1945–1950 годов был временем поступательного совершенствования всех сторон системы школьного образования Ханты-

Мансийского национального округа. В первую очередь, это выразалось в росте общего числа школ, увеличении в их структуре количества семилетних, средних и городских общеобразовательных учреждений за счет снижения числа начальных сельских школ. Наряду с этим, возрасало количество учащихся в учебных заведениях общего образования региона. Очевидно, что данные успехи достигались за счет возвращения страны к мирной жизни и повышения внимания государства к проблемам образования населения.

Увеличение числа школ и количества учащихся тем более показательны, учитывая тот факт, что уже в первые послевоенные месяцы территорию Югры стали покидать дети, эвакуированные сюда в годы Великой Отечественной войны. Наиболее значительным явлением в данном смысле было возвращение домой детей блокадного Ленинграда. По данным К.Г. Букрениной, в 1944 году в Ханты-Мансийском национальном округе проживало не менее 1220 ленинградских детей, которые в июне 1945 г. стали возвращаться домой [3, с. 71-72].

Поэтому можно утверждать, что реальный рост количества учащихся из числа местного населения был существенно большим. Он достигался прежде всего за счет ужесточения позиции государственно-партийных органов в отношении детей и подростков, которые не ходили в школу. Например, в 1951/52 уч.г. школы и партийно-хозяйственные работники Ларьякского района были жестко раскритикованы за невыполнение плана по всеобщему охвату обучением детей, а именно, за то, что два ученика из 1036 школьников этой территории решением Нижневартовского сельсовета вместо школы были направлены на лесозаготовки. Более того, в выводах Ларьякского районного отдела образования стало звучать требование не допускать отсева из школ без уважительной причины ни одного учащегося [21, л. 36-37, 48].

Второй не менее важной причиной роста количества обучающихся в югорских школах и увеличения с связи с этим в 1945–1950 гг. среднего числа учащихся в отдельной школе было то, что в местные учебные заведения во второй половине 1940-х годов продолжали поступать учащиеся, рожденные в довоенное время, отличавшееся высокой рождаемостью в стране. Но к концу десятилетия в школы Советского Союза в целом и Ханты-Мансийского национального округа в частности, стали приходить дети, родившиеся уже в годы войны. Это привело к серьезным проблемам в деятельности начальных школ, которые являлись самым массовым типом учебных заведений в Югре. Не случайно их число уже к концу 1940-х годов сократилось на 6 единиц.

Однако настоящие трудности, как следует из данных таблицы 1, начались в системе школьного образования Ханты-Мансийского национального округа в первой половине 1950-х годов. Школьная сеть в крае стала стремительно сокращаться, в итоге за 10 лет уменьшившись на 9,7%. На первый взгляд, можно предположить, что речь идет о продолжении объективного процесса уменьшения числа начальных школ под воздействием возрастания количества неполных средних и средних общеобразовательных учреждений. Их число действительно сократилось более чем на 21%. Однако эти же данные указывают

и на то, что в 1950–1955 гг. прекратился также рост семилетних школ и только количество средних школ выросло почти в два раза – с 7 до 12 учебных заведений. То есть очевидно, что данные изменения не были связаны с реализацией государственной политики по переходу ко всеобщему семилетнему обучению, начатой в конце 1940-х годов, так как число этих школ также перестало расти.

Не может быть в полной мере это снижение объяснено и государственной политикой по укрупнению колхозов, проводившейся в период позднего сталинизма. Несмотря на то, что часть школ в Ханты-Мансийском национальном округе действительно была закрыта на рубеже 1940-х – 1950-х годов по данной причине [21, л. 57], она не объясняет тот факт, что в эти же самые годы произошло наиболее серьезное снижение общей численности учащихся местных школ. В первой половине 1950-х годов она уменьшилась на 17,7%, полностью нивелировав рост второй половины 1940-х годов. Общее снижение количества обучающихся по итогам десятилетия составило 12,3%. Среднее же число учащихся в одной школе в 1955 г. оказалось даже меньшим, чем в 1945 г.!

Возможно также предположить, что столь значительные изменения были вызваны особым, ссыльным статусом территории Ханты-Мансийского национального округа в данные годы. Исследования Н.И. Загороднюк, А.С. Иванова и Л.В. Алексеевой [1; 2; 4; 5; 7; 8] показывают, что край в 1930-е годы стал местом ссылки большого числа раскулаченных крестьян из разных областей страны, а в 1940-е годы в регион также были высланы представители многих депортированных народов – финны, молдаване, немцы, калмыки и др. Тем не менее, по сведениям А.С. Иванова, реальный процесс возвращения на малую родину бывших спецпереселенцев был значительно растянут во времени, вплоть до конца 1950-х годов [8, с. 121-123]. Поэтому сам по себе он не может объяснить существенного сокращения количества югорских учащихся уже в 1950–1953 гг. на 2 тыс. человек. Все вместе взятое заставляет говорить о том, что единственным возможным объяснением данным изменениям была «демографическая яма» и уменьшение на 3,5 тысячи человек (17,7%) количества учащихся в Югре – это реальные последствия войны для народонаселения отдельно взятого, удаленного советского региона.

Данная точка зрения находит многочисленные подтверждения в документах рассматриваемого времени. В отдельных справках Ханты-Мансийского окружного отдела народного образования уже в 1951 г. говорилось о том, что в некоторых населенных пунктах контингент детей школьного возраста составлял всего 5–8 человек, что и вызывало необходимость «эти карликовые школы закрыть» [15, л. 51]. Не случайно, в списке закрытых начальных школ только в 1955/1956 уч. г. окружным отделом народного образования перечислялись 11 подобных учебных заведений, еще ряд начальных школ были объединены. Во всех случаях главной причиной этих преобразований вновь называлась малочисленность учащихся [24, л. 71].

Остановимся теперь на вопросе о том, как изменилась численность педагогических работников в Ханты-Мансийском национальном округе в первое послевоенное десятилетие.

Представленные в таблице 2 сведения однозначно указывают на то, что в 1945–1955 гг. на территории Ханты-Мансийского национального округа произошел существенный рост не только общей численности учителей (+37,3%), но также не менее заметное повышение уровня их квалификации. Наиболее значительным было увеличение количества педагогов с высшим образованием (+134,1%), а также со средним и средним специальным образованием (+66,5%). На этом фоне серьезно сократилось число учителей, не имевших законченного среднего образования. К середине 1950-х годов такие педагогические работники составляли уже несущественную величину – 1,4%.

Таблица 2

Педагогические кадры Югры в 1946–1955 гг.
[Составлено по: 12, л. 17; 16, л. 228; 22, л. 1; 26, л. 110]

	1946 г.	1950 г.	1952 г.	1955 г.	Процент изменения
Всего учителей	837 чел. (100%)	1024 чел. (100%)	1089 чел. (100%)	1149 чел. (100%)	+37,3%
Из них женщин	698 чел. (83,4%)	817 чел. (79,8%)	860 чел. (79%)	865 чел. (75,3%)	+23,9%
С высшим образованием	44 чел. (5,3%)	65 чел. (6,3%)	83 чел. (7,6%)	147 чел. (12,8%)	+134,1%
Со средним и средним специальным образованием	592 чел. (70,7%)	908 чел. (88,7%)	975 чел. (89,5%)	986 чел. (85,8%)	+66,5%
С неполным средним образованием	101 чел. (12,1%)	51 чел. (5%)	31 чел. (2,8%)	16 чел. (1,4%)	-84,2%

Данные успехи были, конечно же, связаны с деятельностью советских университетов, педагогических институтов и педагогических училищ, которые в эти годы существенно увеличили выпуск студентов. Например, как утверждает Г.М. Иванова, только в 1946–1950 гг. сеть учительских институтов возросла в Советском Союзе со 107 до 140 учреждений, а количество студентов в них – с 26 до 49 тысяч. В 1953 г. в РСФСР насчитывалось также 86 пединститутов с общим числом студентов 94 тыс. человек [6, с. 210]. Благодаря существовавшей в СССР системе распределения на работу молодых специалистов, часть выпускников педагогических учебных заведений страны оказывалась и на территории Югры. Кроме того, свою важную роль продолжало играть Ханты-Мансийское педагогическое училище, осуществлявшее подготовку учителей для начальных классов, в том числе и национальных школ.

Вместе с тем, сравнение материалов таблиц 1 и 2 показывает, что имелось заметное несоответствие между уменьшением на 9,7% общего количества школ в крае и увеличением на 37,3% числа местных педагогов. Даже с учетом начала в конце 1940-х гг. государственной политики по переходу ко всеобщему семилетнему обучению столь

существенная разница в цифрах ставит вопрос о наличии в Югре в первой половине 1950-х гг. серьезных проблем с трудоустройством учителей. Об этом же свидетельствует и прекращение в округе в данные годы роста числа семилетних школ, которые могли бы быть местом работы для молодых педагогов. Появление же в регионе шести новых средних школ не могло автоматически способствовать устройству на работу более чем 300 новых учителей.

В связи с этим актуальным является вопрос о том, насколько власти Ханты-Мансийского национального округа осознавали данную проблему в первое послевоенное десятилетие и пытались ли каким-то образом ее решить. К сожалению, документы, посвященные обсуждению этой темы, хранящиеся в материалах окружного отдела народного образования, носят единичный характер. Судя по имеющимся у нас материалам, о влиянии Великой Отечественной войны на изменение количества учащихся в Югре руководство региона всерьез задумалось на рубеже 1940-х – 1950-х годов. В начале 1951 г. окроно подготовил специальную справку о количестве детей, родившихся в округе в 1944–1948 годах. Формат справки указывал на то, что местные власти интересовало именно число будущих первоклассников в школах Среднего Приобья в первой половине 1950-х гг.

Данные таблицы 3 свидетельствуют, что школьное руководство Ханты-Мансийского национального округа ожидало значительного увеличения числа первоклассников в регионе только к середине 1950-х гг. Общий рост количества учащихся и числа классов-комплектов в первых классах в системе образования края должен был составить за 5 лет 81,3%. До этого времени основные трудности в связи с нехваткой детей, рожденных в первой половине 1940-х годов, несли учителя начальных школ, которые, как показано в таблице 1, составляли в 1945–1953 гг. свыше 70% всех учебных заведений региона.

Таблица 3

Количество югорских детей, рожденных в 1944–1948 гг.

[Составлено по: 15, л. 81]

	1944 год рождения 1951/52 уч.г.	1945 год рождения 1952/53 уч.г.	1946 год рождения 1953/54 уч.г.	1947 год рождения 1954/55 уч.г.	1948 год рождения 1955/56 уч.г.
Общее количество детей (чел.)	1182	1303	1759	2102	2143
Число классов	59	65	88	105	107

Не случайно, в начале 1950-х годов в информационных отчетах районных отделов народного образования впервые стали возникать сюжеты о проблемах занятости югорских педагогов. Так, в отчете Березовского района за 1952/1953 уч.г. даже появился специальный пункт «трудоустройство освобожденных учителей». Его информация дает представление о том, как решался вопрос с «лишними» педагогами в системе народного образования края, и каких основных принципов придерживалось в решении этой проблемы школьное руководство округа. В связи с сокращением трех начальных школ и классов-комплектов в

Березовском районе были освобождены от работы учителя, не имевшие законченного педагогического образования. Уволенные педагоги работали продавцами, в лесной промышленности, одна из бывших учительниц устроилась на работу методистом в райпедкабинете [21, л. 208-209].

Схожая информация была представлена в отчете Ханты-Мансийского окрисполкома о ходе учебных занятий в школах округа в 1952/1953 уч.г., в котором отмечалась существовавшая в регионе практика комплектования семилетних школ Югры учителями, «выдвинутыми из начальных классов». Окружные власти подчеркивали, что не все из этих педагогов соответствовали по своему образованию и опыту работы новым задачам [19, л. 138]. То есть государственно-партийное руководство на местах допускало увольнение в первую очередь низкоквалифицированных учителей, стараясь сохранить в школе педагогов со средним или высшим образованием. Часть школьных работников правильно восприняла данную политику и стала охотнее поступать в близлежащие педагогические учебные заведения [21, л. 208].

Тем не менее, проблемы с трудоустройством на работу в школы округа учителей продолжали нарастать. В одной из справок о состоянии учительских кадров Югры, относящейся к 1955 г., было отмечено, что выпускников Ханты-Мансийского педагогического училища округ не может устроить на работу, так как вакантных мест в школах региона не имелось, а педучилище ежегодно выпускало более 70 чел. [24, л. 2].

Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что власти округа к середине 1950-х гг. были хорошо осведомлены о существовании трудностей с поиском работы у выпускников главного педагогического учебного заведения региона. Более того, они пытались как-то справиться с этой проблемой. С данной целью, как отмечалось в справке, они неоднократно обращались в вышестоящие инстанции с просьбой «об уменьшении приема на 1-ые курсы», но вопрос оставался неразрешенным [24, л. 2-3].

В результате этого, часть выпускников педучилища трудоустроивались в детские сады, культурно-просветительские учреждения, в школы с недельной нагрузкой 4–6 часов, учителями пения, рисования, уезжали на учебу и т. д. Поэтому вторым способом решения проблемы, по мнению окружного отдела народного образования, было открытие при Ханты-Мансийском педучилище других отделений: библиотечного, пионервожатых, учителей рисования, пения, физкультуры. Работников данных специальностей Тюменский областной отдел народного образования присылал из других районов области, хотя острого недостатка в них в Югре не наблюдалось [24, л. 3], тем самым еще больше сокращая возможности для трудоустройства местных кадров.

Обобщая озвученные идеи, можно сказать, что местные государственно-партийные органы предлагали одновременно использовать два способа решения вопроса: первый, самый простой и дешевый, заключался в сокращении числа будущих педагогов. Второй предполагал открытие при педучилище отделений по другим учительским специальностям. Однако, осуществить обе идеи на практике в условиях централизованной государственной

системы подготовки кадров в СССР оказалось непростой задачей, что только усугубляло проблему учительской безработицы в Югре.

Еще одной важной стороной изучаемой темы является восприятие данной ситуации самими учителями региона. К сожалению, нужно признать, что опубликованные сборники воспоминаний педагогов Тюменского Севера разных лет обходят стороной сам факт существования этого вопроса [10; 28; 29]. Многочисленные социально-экономические трудности, которые переживали в Ханты-Мансийском национальном округе педагоги в данные годы, не оставили места в их памяти проблеме безработицы как сколько-нибудь существенной. Вместе с тем, документы середины 1950-х годов указывают, что студенты педучилища были недовольны сложившейся ситуацией [24, л. 3].

Для прояснения позиции югорских учителей середины прошлого столетия нами были взяты два интервью у ветеранов педагогического труда региона – Л.Е. Пачгановой, работавшей в 1955–1991 гг. в целом ряде школ Сургутского и Ханты-Мансийского районов, а также с М.К. Волдиной, чей профессиональный путь также начался в середине 1950-х гг. в системе образования Тюменского Севера. Несмотря на различия в полученных ответах, они дают хорошую возможность сформулировать правильную оценку степени распространения учительской безработицы в округе.

По воспоминаниям Л.Е. Пачгановой, закончившей в 1955 г. Ханты-Мансийское педагогическое училище, и долгие годы работавшей в системе образования региона, после окончания педучилища у их выпуска имелись большие проблемы с трудоустройством. Лишь те учителя, у которых мужья или родственники работали начальниками, например, в леспромхозах, могли устроиться на работу в нормальную школу. Остальных «отправляли в Тмутаракань». Нередки были случаи, когда учителя, чтобы не быть уволенными из школы, соглашались делить одну ставку со своими коллегами. Многие трудоустроивались в детские сады, заведующими клубами, лишь бы не сидеть без работы [31]. Благодаря этому немалая часть выпускников педагогических заведений сумела на длительную перспективу остаться в системе школьного образования края.

С другой стороны, М.К. Волдина, которая закончила в это же самое время Ханты-Мансийское педагогическое училище, не смогла вспомнить подобных фактов и сообщила, что проблем с трудоустройством у нее и ее подруг не было [30]. Возникает вопрос о том, как обобщить взаимоисключающие воспоминания одного хронологического периода. На самом деле, данное противоречие можно объяснить, если учитывать тот факт, что в системе школьного образования Югры имелся целый ряд национальных школ, для работы в которых требовались специально подготовленные учителя, знающие языки коренных народов Севера.

На протяжении всех первых послевоенных лет в отчетах окружного отдела народного образования неоднократно звучала мысль о том, что таких педагогов в регионе продолжало не хватать. К примеру, в 1956 г. во всех национальных и смешанных школах и интернатах

Березовского района Ханты-Мансийского национального округа работали 179 учителей и воспитателей, но лишь 48 педагогов (26,8%) владели родным языком учащихся. В Самаровском районе в это же самое время из 15 учителей и воспитателей национальных школ ни один не знал в совершенстве языка коренных народов [24, л. 30, 31].

Заметные проблемы в первой половине 1950-х гг. имелись и в Кондинском районе, где в 22-х национальных школах обучение на языке манси не проводилось, т.к. ни один из учителей его не знал, даже несмотря на то, что многие из них сами по национальности относились к этому народу [21, л. 6]. Окружной отдел народного образования ожидал, что Ханты-Мансийское педагогическое училище начнет выпускать учителей, владеющих языками коренных народов Севера, только с 1954 г. [21, л. 62]. В связи с этим, отсутствие в воспоминаниях М.К. Волдиной сюжетов об учительской безработице может объясняться тем, что у нее, как у педагога из числа ханты и знавшей язык этого народа, имелось больше возможностей для работы на территории округа.

Ко всему прочему, многие из национальных школ округа располагались в удаленной сельской местности и были хуже укомплектованы учительскими кадрами из-за отсутствия желания учителей ехать в эти школы, опасавшихся не только трудностей работы с детьми коренного населения, но также и менее благоприятных материальных и бытовых условий [21, л. 212]. Те же, кто соглашались на такую работу, могли в дальнейшем не переживать за свое рабочее место.

Наконец, важно понимать, что период учительской безработицы был в Югре довольно коротким, т.к. еще в начале 1950-х годов в округе отмечалась нехватка педагогов в ряде школ, и вновь прибывающие молодые специалисты быстро находили себе работу в местных учебных заведениях. Постоянно не хватало учителей-предметников, особенно учителей русского и иностранного языков, физики, биологии, химии, географии, математики. Всего только к началу 1953/54 уч.г. округу не хватало 21 педагога [18, л. 158; 19, л. 122, 138; 20, л. 99, 141-142; 21, л. 55, 109, 233-234, 266].

Эта нехватка в свою очередь лишь усугублялась высокой текучестью учительских кадров в регионе, вызванной неблагоприятными социально-бытовыми условиями их работы. Особенно острым на протяжении всего рассматриваемого периода был «квартирный вопрос». Заведующие ряда небольших начальных школ округа часто жили в зданиях вверенных им школ, а их жизненное пространство составляло 3–4 квадратных метра [15, л. 3]. Многим педагогам по несколько лет приходилось жить, не имея даже отдельной кровати! [9, с. 280]. Показательно, что и в окружной столице г. Ханты-Мансийске в начале 1950-х годов 17 учителей нуждались в квартирах [17, л. 113].

Комплекс вышеуказанных обстоятельств способствовал тому, что вакансии педагогов в школах Ханты-Мансийского национального округа в 1945–1955 годах время от времени появлялись, еще более усиливаясь фактами неявики в Югру педагогов, распределенных из других областей страны [17, л. 124]. А во второй половине 1950-х гг., в связи с началом

широких геологических изысканий в регионе и притоком нового населения, учителей в округе вновь стало не хватать.

Результаты проведенного исследования не оставляют сомнений в том, что на территории Ханты-Мансийского национального округа в первой половине 1950-х годов возникли заметные проблемы, связанные с трудоустройством на работу новых учителей. Так же, как и в других регионах страны, эти проблемы были вызваны сокращением количества детей школьного возраста в Югре на 12,3% в 1945–1955 гг., прежде всего, за счет уменьшения числа учащихся 1941–1945 годов рождения. Дополнительное давление на контингенты школьников края оказывали в данные годы отъезд из Ханты-Мансийского национального округа детей блокадного Ленинграда, и частично – спецпереселенцев.

Это в свою очередь привело к сокращению на 21,1% числа начальных школ и на 9,7% всей школьной сети. На данном фоне общее количество учителей в округе в рассматриваемое время увеличилось на 37,3%, что впервые привело к определенному переизбытку педагогических кадров в регионе, особенно учителей начальных классов, подготовка которых активно велась в Ханты-Мансийском педучилище. Органы власти Югры предпринимали безуспешные попытки повлиять на ситуацию, предлагая уменьшить прием в Ханты-Мансийское педучилище либо расширить перечень подготовки специалистов.

Вместе с тем, совокупность имеющихся материалов свидетельствует, что проблема учительской безработицы на территории Югры не была продолжительной во времени и не являлась повсеместной. Ее проявления были не столь острыми, как в других регионах СССР. Наиболее сильно она затронула учителей начальных школ в 1952–1955 годах, что привело к частичным увольнениям педагогов и их трудоустройству по смежным профессиям. Однако и у них в условиях перехода ко всеобщему семилетнему образованию имелась возможность повысить свою квалификацию и стать учителем-предметником. Еще меньше проблемы поиска работы затронули учителей удаленных национальных школ региона, от которых требовалось знание языков коренных народов. Поэтому во второй половине 1950-х годов в связи ростом численности населения Ханты-Мансийского национального округа вопрос об учительской безработице в крае был фактически исчерпан.

Литература

1. Алексеева Л.В. Репрессированные крестьяне на Севере Западной Сибири в пространстве формирования национальных округов: 1930–1933 гг. (Аспирантура, Бакалавриат, Магистратура). Монография. М.: Русайнс, 2022. 204 с.
2. Алексеева Л.В. Северо-Западная Сибирь в 1917–1941 гг.: политическая, экономическая и культурная трансформация: Монография. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та, 2006. 390 с.

3. Букренева К.Г. Эвакуированные ленинградские детские дома в Ханты-Мансийском национальном округе в годы Великой Отечественной войны: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Екатеринбург. 2015. 219 с.
4. Загороднюк Н. Опальная Югра // Родина. 2005. № 12. С. 22-26.
5. Загороднюк Н.И. Формирование спецпоселенческой сети в Северо-Западной Сибири (по материалам Тобольского окружного земельного управления) // Общество: философия, история, культура. 2023. № 1 (105). С. 100-106.
6. Иванова Г.М. Советская школа в 1950–1960-е годы. Москва: Фонд «Московское время», 2018. 432 с., ил.
7. Иванов А.С. «Изъять как антисоветский элемент...»: калмыки в государственной политике (1943–1959 гг.). М., 2014. 294 с.
8. Иванов А.С. Система спецпоселений Югры в послевоенные годы // Накануне "Большой нефти": Югра в послевоенные годы (1945–1950-е гг.). Сборник научных статей Всероссийской научной конференции. 2020. С. 113-126.
9. Из воспоминаний Трофимовой Марии Семеновны // История школы в истории судеб: сборник документов / составители: Е.М. Брагина, Л.В. Набокова. Екатеринбург: СОКРАТ, 2004. С. 279-281.
10. История школы в истории судеб: Сборник документов / Сост.: Е.М. Брагина, Л.В. Набокова. Екатеринбург: «ИД «СОКРАТ», 2004. 336 с.: ил.
11. Казенное учреждение «Государственный архив Югры» (ГАЮ). Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 213.
12. ГАЮ. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 247.
13. ГАЮ. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 306.
14. ГАЮ. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 318.
15. ГАЮ. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 320.
16. ГАЮ. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 322.
17. ГАЮ. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 323.
18. ГАЮ. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 325.
19. ГАЮ. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 343.
20. ГАЮ. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 344.
21. ГАЮ. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 346.
22. ГАЮ. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 362.
23. ГАЮ. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 368.
24. ГАЮ. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 376.
25. ГАЮ. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 384.
26. ГАЮ. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 417.
27. Кретинин Г.В., Фуксон Л.М. Повышение квалификации учителей в 1950-х гг. в Калининградской области // Вопросы истории. 2014. № 12. 120-125.

28. Моя судьба в истории Югры: Сборник документов / Сост.: Е.М. Брагина, Л.В. Набокова. Тюмень: Тюменский дом печати, 2005. 416 с.
29. Памяти магический кристалл: Воспоминания сургутских учителей / Редактор-составитель Ю.А. Дворяшин. Выпуск 1. Екатеринбург: ИД «Сократ», 2001. 136 с.
30. Полевой материал автора: Кирилюк Д.В.: интервью с М.К. Волдиной: записано 31.08. 2019 г.
31. Полевой материал автора: Кирилюк Д.В.: интервью с Л.Е. Пачгановой: записано 18.01. 2019 г.

References

1. Alekseeva, L.V. (2022). Repressirovannyye krest'yane na Severe Zapadnoj Sibiri v prostranstve formirovaniya nacional'nyh okrugov: 1930-1933 gg. (Aspirantura, Bakalavriat, Magistratura). Monografiya. M.: Rusajns, 204. (in Russ.).
2. Alekseeva, L.V. (2006). Severo-Zapadnaya Sibir' v 1917–1941 gg.: politicheskaya, ekonomicheskaya i kul'turnaya transformaciya: Monografiya. Nizhnevartovsk: Izd-vo Nizhnevart. gumanit. un-ta, 390. (in Russ.).
3. Bukreneva, K.G. (2015). Evakuirovannyye leningradskie detskie doma v Hanty-Mansijskom nacional'nom okruge v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: diss. ... kand. ist. nauk: 07.00.02. Ekaterinburg, 219. (in Russ.).
4. Zagorodnyuk, N. (2005). Opal'naya Yugra. *Rodina*. № 12, 22-26. (in Russ.).
5. Zagorodnyuk, N.I. (2023). Formirovanie specposelencheskoj seti v Severo-Zapadnoj Sibiri (po materialam Tobol'skogo okruzhnogo zemel'nogo upravleniya). *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*. № 1 (105), 100-106. (in Russ.).
6. Ivanova, G.M. (2018). Sovetskaya shkola v 1950-1960-e gody. Moskva: Fond «Moskovskoe vremya», 432. (in Russ.).
7. Ivanov, A.S. (2014). «Iz"yat' kak antisovetskij element...»: kalmyki v gosudarstvennoj politike (1943–1959 gg.). 2014, 294. (in Russ.).
8. Ivanov, A.S. (2020). Sistema specposelenij Yugry v poslevoennyye gody. *Nakanune "Bol'shoj nefti": Yugra v poslevoennyye gody (1945-1950-e gg.)*. Sbornik nauchnyh statej Vserossijskoj nauchnoj konferencii. 2020, 113-126. (in Russ.).
9. Iz vospominanij Trofimovoj Marii Semenovny. Tekst : neposredstvennyj. *Istoriya shkoly v istorii sudeb: sbornik dokumentov* (2004) / sostaviteli: E.M. Bragina, L.V. Nabokova. Ekaterinburg: SOKRAT, 279-281. (in Russ.).
10. Istoriya shkoly v istorii sudeb: Sbornik dokumentov (2004) /Sost.: E.M. Bragina, L.V. Nabokova. Ekaterinburg: «ID «SOKRAT», 336. (in Russ.).
11. Kazennoe uchrezhdenie Gosudarstvennyj arhiv Yugry (GAYu). F. R-5. Op. 1. D. 213. (in Russ.).

12. GAYu. F. R-5. Op. 1. D. 247. (in Russ.).
13. GAYu. F. R-5. Op. 1. D. 306. (in Russ.).
14. GAYu. F. R-5. Op. 1. D. 318. (in Russ.).
15. GAYu. F. R-5. Op. 1. D. 320. (in Russ.).
16. GAYu. F. R-5. Op. 1. D. 322. (in Russ.).
17. GAYu. F. R-5. Op. 1. D. 323. (in Russ.).
18. GAYu. F. R-5. Op. 1. D. 325. (in Russ.).
19. GAYu. F. R-5. Op. 1. D. 343. (in Russ.).
20. GAYu. F. R-5. Op. 1. D. 344. (in Russ.).
21. GAYu. F. R-5. Op. 1. D. 346. (in Russ.).
22. GAYu. F. R-5. Op. 1. D. 362. (in Russ.).
23. GAYu. F. R-5. Op. 1. D. 368. (in Russ.).
24. GAYu. F. R-5. Op. 1. D. 376. (in Russ.).
25. GAYu. F. R-5. Op. 1. D. 384. (in Russ.).
26. GAYu. F. R-5. Op. 1. D. 417. (in Russ.).
27. Kretinin, G.V., & Fukson, L.M. (2014). Povyslenie kvalifikacii uchitelej v 1950-h gg. v Kaliningradskoj oblasti. *Voprosy istorii*. № 12, 38-44. (in Russ.).
28. Moya sud'ba v istorii Yugry: Sbornik dokumentov (2005) / Sost.: E.M. Bragina, L.V. Nabokova. Tyumen': Tyumenskij dom pechati, 416. (in Russ.).
29. Pamyati magicheskij kristall: Vospominaniya surgutskih uchitelej (2001) /Redaktor-sostavitel' Yu.A. Dvoryashin. Vypusk 1. Ekaterinburg: ID «Sokrat», 136. (in Russ.).
30. Polevoj material avtora: Kirilyuk D.V.: interv'yu s M.K. Voldinoj: zapisano 31.08. 2019. (in Russ.).
31. Polevoj material avtora: Kirilyuk D.V.: interv'yu s L.E. Pachganovoj: zapisano 18.01. 2019. (in Russ.).

дата поступления: 12.08.2024

дата принятия: 22.10.2024

© Кирилюк Д.В., 2024

УДК 93/94

<https://doi.org/10.36906/2311-4444/24-4/07>

Бодрова Е.В., Калинов В.В.

О СУДЬБЕ ПРОИЗВОДСТВА ВЫЧИСЛИТЕЛЬНОЙ ТЕХНИКИ И СОЗДАНИЯ АВТОМАТИЗИРОВАННЫХ СИСТЕМ УПРАВЛЕНИЯ В СССР НА РУБЕЖЕ 1960–1970-х гг.

E.V. Bodrova, V.V. Kalinov

ON THE FATE OF COMPUTING EQUIPMENT PRODUCTION AND AUTOMATED CONTROL SYSTEMS CREATION IN THE USSR AT THE TURN OF 1960S–1970s.

Аннотация. Цель публикации – на основе рассекреченных архивных документов рассмотреть проблему, связанную с попытками реализации решений центральных партийно-государственных органов, предполагающих осуществление рывка в сфере разработки и внедрения вычислительной техники, создания АСУ и общегосударственной автоматизированной системы учёта и обработки информации. Методологической базой исследования является теория модернизации, одним из главных положений которой является взаимосвязь экономического развития и изменений политического характера. На основе документов из фондов Аппарата ЦК КПСС РГНИ доказано, что из предлагаемых специалистами вариантов дальнейшего развития вычислительной техники СССР советским руководством был выбран план, разработанный руководством Министерства радиопромышленности. Он не обеспечил быстрого преодоления технологического отставания СССР от ведущих капиталистических стран и оказался наименее перспективным. Отечественные разработки велись все менее интенсивно, достаточных средств не выделялось, советские вычислительные центры заполнили ЭВМ серии ЕС, которые оказались очень дорогими, громоздкими и энергозатратными. Формулируется вывод о том, что обеспечить рывок в этой сфере не удалось. Развитие собственной индустрии по производству вычислительной техники и ее масштабное внедрение не стали в СССР триггером для новой стадии столь необходимой стране очередной модернизации, в дальнейшем нарастало технологическое отставание. В ряду причин определены: просчеты в планировании и управлении, что ярко продемонстрировала судьба ОГАС; отсутствие единого координационного центра и должного взаимодействия оборонного и гражданского секторов; превалирование интересов ведомств, незаинтересованность предприятий в

Abstract. The the publication is focused on the problem associated with attempts to implement the central party and government's decisions that implied a breakthrough in the development and implementation of computing technology, the creation of an automated control system and a nationwide automated system for accounting and processing information. The investigation involved declassified archival documents. The methodological basis of the study is the theory of modernization, with its theses of the interrelationship between economic development and political changes. The documents from the Apparatus of the Central Committee of the CPSU RGANI's funds prove that of the options for further development of computing technology in the USSR proposed by specialists, the Soviet leadership chose the plan offered by the Ministry of Radio Industry. The plan did not ensure rapid overcoming of the USSR technological backwardness from the leading capitalist countries and turned out to be the least promising. Domestic developments were carried out less and less intensively, with no sufficient funds allocated. Soviet computing centers were filled with ES series computers, which turned out to be very expensive, cumbersome and energy consuming. The conclusion is formulated that a breakthrough in this area was not possible to ensure. The development of the USSR's own computer industry and its large-scale implementation did not trigger a new stage of the country's much-needed modernization. Technological backwardness remained increasing reasoned by miscalculations in planning and management, clearly demonstrated by OGAS project's fate; the lack of a coordination center and proper interaction between the defense and civilian sectors; the prevalence of departmental interests, enterprises with thier weak interest in

модернизации, и, наконец, игнорирование властью рекомендаций ведущих ученых. Материалы проведенного исследования могут представлять интерес для разработки оптимальной научно обоснованной стратегии социально-экономического развития страны, в процессе преподавания курса истории и дальнейшего исследования проблемы.

Ключевые слова: государственная научно-техническая политика, технологическое отставание, вычислительная техника, общегосударственная автоматизированная система учёта и обработки информации.

Сведения об авторах: Бодрова Елена Владимировна, ORCID: 0000-0001-7889-3054, доктор ист. наук, профессор, Институт технологий управления, МИРЭА – Российский технологический университет, г. Москва, Россия, evbodrova@mail.ru; Калинов Вячеслав Викторович, ORCID: 0000-0002-9709-7720, доктор ист. наук, доцент, Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) имени И.М. Губкина, г. Москва, Россия, kafedra-i@yandex.ru.

modernization, finally, the authorities ignoring leading scientists' recommendations. The materials of the study may be of interest for developing an optimal scientifically based country's socio-economic development strategy, teaching courses in history and further researches.

Key words: state scientific and technical policy, technological backwardness, computer technology, nationwide automated system of accounting and information processing.

About the authors: Elena V. Bodrova, ORCID: 0000-0001-7889-3054, Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of Management Technologies, MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russia, evbodrova@mail.ru; Vyacheslav V. Kalinov, ORCID: 0000-0002-9709-7720, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Gubkin Russian State University of Oil and Gas (National Research University), Moscow, Russia, kafedra-i@yandex.ru.

Бодрова Е.В., Калинов В.В. О судьбе производства вычислительной техники и создания автоматизированных систем управления в СССР на рубеже 1960–1970-х гг. // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2024. №4(68). С. 71-81. <https://doi.org/10.36906/2311-4444/24-4/07>

Bodrova, E.V., & Kalinov, V.V. (2024). On the Fate of Computing Equipment Production and Automated Control Systems Creation in the USSR at the Turn of 1960s–1970s. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*, (4(68)), 71-81. (in Russ.). <https://doi.org/10.36906/2311-4444/24-4/07>

Актуальность проблемы развития электронно-вычислительной техники (ЭВТ) в СССР определяется критически значимой необходимостью обретения современной Россией технологического суверенитета, изучения зарубежного и отечественного исторического опыта разработки и реализации государственной научно-технической политики. Достаточно много публикаций посвящено тем или иным аспектам становления индустрии ЭВТ в нашей стране [1; 5, с. 21-42; 6, с. 118-135; 7, с. 135-155; 23; 28; 29]. Значительный интерес представляют труды, посвященные деятельности отдельных разработчиков советских ЭВМ [11, с. 154-168; 22, с. 3-19; 23, с. 11-25]. В статье С.П. Прохорова оценивается вклад Академии наук СССР в развитие этого направления науки [12, с. 980–988]. В ряду наиболее значимых для нашего исследования публикаций – труды по экономической истории интересующего нас периода, в которых определяется эффективность государственной политики по модернизации отрасли [8; 10, с. 131-152; 27, с. 72-89; 28]. Достаточно много опубликовано мемуарной литературы [5, с. 21-42]. Так, например, А.И. Китов подробно описывает опыт работы в качестве Главного конструктора

Отраслевой автоматизированной системы управления Министерства радиопромышленности [9].

Отдельные сюжеты интересующей нас темы были рассмотрены и нами [2, с. 31-42; 3, с. 364-380].

К настоящему времени рассекреченные документов из фондов Российского архива новейшей истории (РГАНИ) позволяют согласиться с теми авторами, которые полагают неправомерным утверждать, что руководство страны не понимало значения ЭВМ, не предпринимало усилий для ликвидации технологического отставания от ведущих западных стран в 1950–1960-е гг. [24, с. 366-368; 25, с. 15-26]. Вместе с тем документы подтверждают, что зарубежные, и отечественные специалисты признавали, что, несмотря на все предпринимаемые меры, добиться мощного рывка и догнать лидеров по этому важнейшему направлению Советскому Союзу не удавалось

Так, ряд молодых разработчиков вынуждены были в 1967 г. направить письмо в ЦК КПСС, в котором оценивали создавшееся положение с внедрением ЭВМ в качестве крайне тревожного [15, л. 161-162]. В этом году в Советском Союзе эксплуатировалось 1470 ЭВМ, в США – более 40 000 [15, л. 167]. На серьезность ситуации обращали внимание центральной власти и академики: А.П. Александров, И.И. Артоболевский, Н.Н. Боголюбов, А.И. Берг и другие [15, л. 180]. Президент Академии наук М.В. Келдыш озвучил цифры, которые не могли не настораживать: объемы производства ЭВМ в СССР оказались в 22 раза меньше, чем в США, их вычислительная мощность – в 65 раз ниже [19, л. 23-25]. И академики, и министр приборостроения, автоматизированного оборудования и систем управления К.Н. Руднев в своих сообщениях в центральные партийно-государственные органы в ряду причин называли, в том числе, недостаточность ассигнований на эти цели [20, л. 3]. Анализ документов из фонда Аппарата ЦК КПСС позволяет говорить о весьма значительном количестве различного рода заключений, направляемых, прежде всего руководителями ведомств и научных организаций. Ими предлагалось либо все усилия сконцентрировать на создании собственных последнего поколения ЭВМ, либо приобретать и копировать лучшие образцы, либо покупать лицензии со всей документацией, математическим обеспечением для организации производства [16, л. 68]. В частности, Министерством радиоэлектронной промышленности СССР предлагалось использовать зарубежный опыт для выпуска программно-совместимых ЭВМ «третьего поколения», созданных на единой технологической базе [16, л. 68]. В итоге Совет Министров СССР 30 декабря 1967 г. принял Постановление [15, л. 183], в котором именно этому министерству и надлежало разработать комплекс программно-совместимых информационно-вычислительных машин «Ряд», организовав его серийное производство. Значительной частью экспертов это решение было оценено резко отрицательно из-за того, что оно предопределяло клонирование американской «IBM-360» и свертывание производства собственных машин из-за их низкой конкурентоспособности. В действительности ряд

перспективных разработок был продолжен [21, с. 242], но использование принципа копирования предопределило снижение их активности и внедрения, а отставание лишь нарастало.

Одним из важных направлений государственной политики в этой сфере явилось создание автоматизированных систем управления (АСУ), основой для которых послужили большие успехи в разработке математических методов решения экономических задач и создании современных приборов и средств автоматики и вычислительной техники. В мировой практике самой обширной областью применения ЭВМ в этот период стала экономика. Все страны с развитой промышленностью в течение предыдущих лет осуществляли крупные капиталовложения для создания автоматических систем обработки информации на ЭВМ, а также вели масштабные разработки математических методов решения экономических задач. АСУ давали возможность осуществлять всесторонний анализ экономических процессов, проводить объективную оценку результатов деятельности отраслей экономики и предприятий и находить оптимальные решения.

ЦК КПСС и Совет Министров СССР своим Постановлением от 6 марта 1966 г. № 187 возложили на соответствующие министерства и ведомства ответственность за создание, внедрение и эксплуатацию всех видов систем планирования, учета, управления и обработки информации, а также АСУ предприятиями на базе применения экономико-математических методов и современных средств вычислительной техники. В частности, Министерству приборостроения, автоматизации и систем управления было поручено совместно с другими министерствами и ведомствами выполнение работ по созданию и внедрению АСУ отраслями, предприятиями, а также обеспечение соответствия технического уровня указанных систем современным требованиям [17, с. 72].

На основании предложений Минприбора, Государственного комитета по науке и технике (ГКНТ) и Госплана СССР, разработанных с заинтересованными министерствами и ведомствами, Совет Министров СССР, согласно Постановлению от 27 сентября 1967 г. № 900, установил задания на 1968–1970 гг. в области создания АСУ [17, с. 72]. Это Постановление положило начало процессу организации планомерного внедрения АСУ и создания вычислительных центров в СССР. Было намечено в текущей пятилетке внедрить в народное хозяйство 574 АСУ, в том числе 28 отраслевых, 301 для предприятий промышленности, транспорта, связи, торговли и 245 систем управления технологическими процессами с применением вычислительной техники. Большая часть этого задания выполнялась силами организаций Минприбора. Ими осуществлялись работы по созданию и внедрению около 200 АСУ для различных отраслей народного хозяйства [17, л. 90].

21 апреля 1969 г. ЦК КПСС поручил всем ответственным ведомствам подготовить предложения по совершенствованию управления на основе использования ЭВМ. Для этого была создана специальная комиссия под председательством заместителя председателя Совета Министров СССР и председателя Государственного комитета СМ СССР по науке и технике В.А. Кириллина [17, л. 94]. Одним из факторов, ускоривших создание этой

комиссии, стало появление в США проекта сети ARPANET – предшественницы Интернета. В конце концов, Политбюро ЦК КПСС 30 сентября 1970 г., поддержав предложения комиссии, приняло решение о создании Главного Управления по вычислительной технике при ГКНТ и Всесоюзного научно-исследовательского института проблем организации и управления (ВНИИПОУ). 8 октября 1970 г. решение Политбюро было оформлено в качестве Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР [13].

Изученные нами архивные документы позволяют полнее представить характер и масштаб предпринимаемых мер, выявить факторы, определившие принятые решения и оценить их эффективность. В различного рода аналитических справках, поступавших в ЦК КПСС в конце 1960-х гг., акцентировалось внимание не только на быстром внедрении в США ЭВМ третьего поколения, интегральных схем, новых материалов, но и на создании крупных вычислительных центров [14, л. 27-33]. Это вполне коррелировалось с курсом, предложенным академиком В.А. Глушковым: проектом развертывания Общегосударственной автоматизированной системы учёта и обработки информации ОГАС. Еще к середине 1964 г. был разработан проект ЕГСВЦ (Единой государственной сети вычислительных центров), которую затем стали называть ОГАС, представляемую как трёхуровневую сеть с компьютерным центром в Москве, 200 центрами среднего уровня в других крупных городах и около 20 000 локальными терминалами в местах, экономически значимых. Они должны были обмениваться информацией в реальном времени, используя существовавшую телефонную сеть. Но руководство ряда ведомств выступило против этого проекта.

Сведения о мероприятиях в этой сфере впервые были опубликованы накануне XXIV съезда КПСС, в начале 1971 г. В это время советское руководство придавало созданию ОГАС политическое значение. Однако большое количество ведомственных барьеров, заключений аналитиков, по мнению В.М. Глушкова, контролируемых ЦРУ, затормозили эту работу. Согласно воспоминаниям академика, главными противниками были ЦСУ, Госплан и министр финансов В.Ф. Гарбузов [11, с. 154-168].

В ряду материалов, подготовленных для Комиссии под руководством В.А. Кириллина, наше внимание привлекла справка, которая была составлена 23 октября 1969 г. заместителем заведующего Отдела машиностроения ЦК КПСС М.В. Борисовым. В ней на многих страницах содержались данные о том, какие задания удалось выполнить, реализуя Постановление СМ СССР от 30 декабря 1967 г. в части новых образцов вычислительной техники. Так, например, проект по созданию комплекса типовых высоконадежных электронных цифровых вычислительных систем (машин) с диапазоном по производительности от 20 тыс. до 2 млн операций/сек., построенного на единой структурной и микроэлектронной технологической базе и совместимых системах программирования для вычислительных центров и автоматизированных систем обработки информации, находился в стадии разработки. Эти работы велись специалистами СССР,

НРБ, ВНР, ГДР, ПНР, СРР, ЧССР. Организациями Минрадиопрома был разработан технический проект создания ЕС ЭВМ «Ряд», который рассматривался комиссией, были утверждены планы и осуществлено распределение работ между предприятиями СССР и соцстран. Была разработана основная техническая документация. Однако в целом работы по созданию ЕС ЭВМ, должен был признать автор документа, были развернуты недостаточно, а по математическому обеспечению – очень слабо [17, л. 96-115].

Особый интерес для рассмотрения интересующей нас темы и выявления факторов, определивших торможение в развитии отечественной вычислительной техники и внедрении АСУ, стали материалы, подготовленные для указанной выше комиссии Министром приборостроения, средств автоматизации и систем управления СССР (Минприбор) К.Н. Рудневым, направленные 15 сентября 1969 г. Председателю Совета Министров СССР А.Н. Косыгину и названные автором «О внедрении в народное хозяйство автоматизированных систем управления». Автор писал о значительном объеме работ по автоматизации систем управления, а также о том, что Госпланом СССР велась подготовка к широкому применению экономико-математических методов для решения задач планирования народного хозяйства. Были начаты работы по применению экономико-математических методов в системе распределения материально-технических ресурсов, подготовке кадров и т. д. [17, л. 90]. По состоянию на 1 января 1969 г. было введено в эксплуатацию 143 автоматизированные системы, в том числе 72 – для управления технологическими процессами с использованием ЭВМ. Опыт внедрения первых АСУ показал их высокую эффективность, получаемую за счет лучшей организации управления, сокращения всех видов потерь, снижения запасов товарно-материальных ценностей, повышения производительности труда и лучшего использования основных фондов. Срок окупаемости затрат на внедрение систем составил 1,5–2 года.

Однако Министр вынужден был признать, что Постановление Совета министров СССР от 30 декабря 1967 г. в части создания мощностей по производству вычислительной техники выполнялось неудовлетворительно. Так, из предусмотренных для выделения Минприбору этим постановлением дополнительных ассигнований на капитальное строительство в 1969–1970 гг. 68 млн руб. Госпланом СССР по состоянию на сентябрь 1969 г. было выделено только 12 млн руб. Причем даже эти заниженные объемы капвложений не полностью обеспечивались подрядными работами. Ограничивалось начало строительства новых предприятий вычислительной техники, строительство и реконструкция предприятий велись медленно и недостаточно обеспечивались необходимым технологическим оборудованием. Не было организовано, констатировал министр, производство точного микропрофильного проката, стальной ленты и пружинной проволоки повышенного качества, автоматной стали с содержанием свинца; не обеспечивался выпуск в должном количестве и нужного качества магнитной ленты; не удовлетворялись потребности в бумаге для перфокарт, перфолент и выводных устройств [17, л. 90].

Масштабы и темпы внедрения АСУ и вычислительной техники, признавал министр, не соответствовали нуждам народного хозяйства и не могли быть признаны удовлетворительными. Согласно его заключениям, внедрение АСУ и вычислительной техники сдерживалось по следующим причинам: недостаточными были мощности специализированных НИИ, проектных, конструкторских и монтажно-наладочных организаций; малыми были объемы выпуска средств вычислительной техники в нужном комплекте и медленно наращивались производственные мощности для этих целей; оказались организационно и технически неподготовленными предприятия для перехода к управлению с применением вычислительной техники; не доставало специалистов по разработке, проектированию, внедрению и эксплуатации АСУ [17, л. 92]. В развитие постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 6 марта 1967 г. № 187 министр предлагал «для коренного повышения уровня управления в народном хозяйстве» на базе использования таких систем и вычислительной техники поручить ГКНТ СССР, Госплану СССР и Минприбору с привлечением министерств и ведомств подготовить проект специального решения ЦК КПСС и Совета Министров СССР. В нем, по его мнению, следовало предусмотреть проведение следующих основных мероприятий: ввести в план развития народного хозяйства специальный раздел, предусматривающий задания по внедрению АСУ и комплектного целевого обеспечения их всеми ресурсами; при разработке плана развития народного хозяйства на 1971–1975 гг. предусмотреть значительное повышение объемов их разработки и внедрения; разработать на 1971–1975 гг. мероприятия по укреплению существовавших и созданию новых проектных, монтажных и научно-исследовательских организаций, специализированных по разработке и внедрению систем управления, обеспечить рост численности специалистов по созданию и эксплуатации АСУ до 160 тыс. чел.; развивать мощности и значительно расширить производство материалов, необходимых для эксплуатации этих систем и т. д. [17, л. 93].

Таким образом, изученные документы позволяют утверждать, что из предлагаемых специалистами вариантов дальнейшего развития вычислительной техники СССР советским руководством был выбран план, разработанный руководством Министерства радиопромышленности. Казалось, он должен был обеспечить быстрое преодоление технологического отставания СССР от ведущих капиталистических стран. Но он оказался наименее перспективным. Отечественные разработки велись все менее интенсивно, достаточных средств не выделялось, советские вычислительные центры заполнили ЭВМ серии ЕС, которые оказались очень дорогими, громоздкими и энергозатратными. Обеспечить рывок в этой сфере не удалось. Особенно нарастающее отставание стало заметным в начале 1970-х гг. По количеству ЭВМ на 1 млн человек СССР занимал только 19 место в мире [18, л. 21]. Развитие собственной индустрии по производству ЭВМ не стало в СССР триггером для новой стадии столь необходимой стране очередной модернизации.

Технологическое отставание нарастало и в дальнейшем, вызванное, прежде всего, просчетами в планировании и управлении, что ярко продемонстрировала судьба Общегосударственной автоматизированной системы учёта и обработки информации (ОГАС), предложенной академиком В.М. Глушковым. Между тем, согласно заключениям экспертов, реализация этого проекта могла бы вывести страну на новый уровень развития, позволяя на ином научно-техническом уровне решать вопросы не только в сфере экономики, но и в области образования, здравоохранения, экологии, обеспечить интеграцию в международную информационную систему.

В числе блокирующих факторов назовем и отсутствие единого координационного центра, должного взаимодействия оборонного и гражданского секторов, превалирование интересов ведомств, незаинтересованность предприятий в модернизации, и, наконец, игнорирование властью рекомендаций ведущих ученых.

Литература

1. Бокарев Ю.П. СССР и становление постиндустриального общества на Западе. 1970–1980-е годы. М.: Наука, 2007. 380 с.
2. Бодрова Е.В., Калинов В.В. О достижениях и противоречиях в развитии вычислительной техники в СССР во второй половине 1950-х гг. // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11 (1). С. 31-42. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.1.3>
3. Бодрова Е.В. Изменение правительственного курса в отношении развития вычислительной техники в СССР во второй половине 1960-х годов / Е.В. Бодрова, В.В. Калинов // Научный диалог. 2024. Т. 13. № 2. С. 364-380. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-2-364-380>.
4. Галушка А.С., Ниязметов А.К., Окулов М.О. Кристалл роста к русскому экономическому чуду. Москва: Наше завтра, 2021. 360 с.
5. Герович В. Интер-Нет! Почему в Советском Союзе не была создана общенациональная компьютерная сеть // Неприкосновенный запас. 2011. № 1. С. 21–42.
6. Крайнева И.А., Пивоваров Н.Ю., Шилов В.В. Становление советской научно-технической политики в области вычислительной техники (конец 1940-х – середина 1950-х гг.) // Идеи и идеалы. 2016. Т. 1. № 3 (29). С. 118-135.
7. Крайнева И.А., Пивоваров Н.Ю., Шилов В.В. Советская вычислительная техника в контексте экономики, образования и идеологии (конец 1940-х – середина 1950-х гг.) // Идеи и идеалы. 2016. Т. 1. № 4 (30). С. 135-155
8. Кудров В.М. Россия и мир: экономика России в мировом контексте. Изд. 2-е. испр. и доп. Москва – Санкт-Петербург, 2010. 575 с.
9. Китов А.И. Программирование экономических и управленческих задач. М.: Издательство «Советское радио», 1971. 371 с.

10. Леонов С.В. Исторический путь России в XX веке: попытки концептуального осмысления. // Историческая наука и образование на рубеже веков. М.: Собрание, 2004. С. 131-152;
11. Малиновский Б.Н. История вычислительной техники в лицах. изд. «КИТ», ПТОО «А.С.К.», Киев, 1995. 384 с.
12. Прохоров С.П. Основополагающий вклад Академии наук в становление компьютерных наук и компьютерных технологий // Вестник РАН. 2023. Т. 93. № 10. С. 980-988. <https://doi.org/10.31857/S0869587323100092>.
13. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 8 октября 1970 г. «О мерах по совершенствованию управления в народном хозяйстве на основе широкого использования средств вычислительной техники». URL: <https://clck.ru/3Euj8u>.
14. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 54.
15. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 59. Д. 111.
16. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 59. Д. 131.
17. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 119.
18. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 66. Д. 25.
19. РГАЭ. Ф. 9480. Оп. 9. Д. 877.
20. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 66. Д. 1716.
21. Симонов Н.С. Несостоявшаяся информационная революция: Условия и тенденции развития в СССР электронной промышленности и средств массовой коммуникации. Часть I. 1940–1960-е годы. М., 2013. 270 с.
22. Смык А.Ф., Артамонов А.А. Отечественный вклад в развитие механических вычислительных машин // История науки и техники. 2023. № 6. С. 11-25.
23. Смык А.Ф., Артамонов А.А. Идеи и конструктивные особенности устройств вычислительной техники в работах отечественных ученых // История науки и техники. 2024. № 5. С. 3-19.
24. Тихонов В.В. Развитие электронной вычислительной техники в СССР в ведущих капиталистических странах в 1960–70-е гг.: взгляд из ЦК КПСС // Труды SORUCOM-2023. Материалы Шестой Международной конференции. Новосибирск, 2023. С. 366-368.
25. Тумбинская М.В., Томилин А.Н., Трегубов В.М., Крайнева И.А., Абзалов А.Р. Развитие вычислительной техники и ее программного обеспечения в России и в странах бывшего СССР: страницы истории // История науки и техники. 2016. № 10. С. 15-26.
26. Ханин Г.И. Десятилетие триумфа советской экономики. Годы пятидесятые // Свободная мысль – XXI. 2002. № 5. С. 72-89.
27. Ханин Г.И. Экономическая история России. В 2 т. Т. 1. Экономика СССР в конце 30-х годов – 1987 год. Новосибирск: Новосиб. гос. техн. ун-т. 2008. 516 с.
28. Peters B. How Not to Network a Nation: The Uneasy History of the Soviet Internet. Cambridge: MIT Press, 2016. 296 s.

29. Usdin S.T. Engineering communism: how two Americans spied for Stalin and founded the Soviet Silicon Valley. New Haven (Conn.), 2005. 352 s.

References

1. Bokarev, Yu.P. (2007). SSSR i stanovlenie postindustrial'nogo obshchestva na Zapade. 1970-1980-e gody. Moskva: Nauka. 380 s. (in Russ.).
2. Bodrova, E.V., & Kalinov, V.V. (2024). O dostizheniyax i protivorechiyax v razvitii vy`chislitel'noj texniki v SSSR vo vtoroj polovine 1950-x gg. *Gumanitarny`e i yuridicheskie issledovaniya*. T. 11 (1). S. 31–42. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.1.3> (in Russ.).
3. Bodrova, E.V. (2024). Izmenenie pravitel'stvennogo kursa v otnoshenii razvitiya vy`chislitel'noj texniki v SSSR vo vtoroj polovine 1960-x godov. *Nauchny`j dialog*. T. 13. № 2. S. 364—380. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-2-364-380>. (in Russ.).
4. Galushka, A.S., Niyazmetov, A.K., & Okulov, M.O. (2021). Kristall rosta k russkomu e`konomicheskomu chudu. Moskva: Nashe zavtra, 360 s. (in Russ.).
5. Gerovich, V. (2011) Inter-Net! Pochemu v Sovetskom Soyuze ne by`la sozdana obshhenacional'naya komp`yuternaya set`. *Neprikosnovenny`j zapas*. № 1. S. 21-42. (in Russ.).
6. Krajneva, I.A., Pivovarov N.Yu., & Shilov V.V. (2016) Stanovlenie sovetskoj nauchno-texnicheskoj politiki v oblasti vy`chislitel'noj texniki (konecz 1940-x - seredina 1950-x gg.). *Idei i idealy`*. 2016. T. 1. № 3 (29). S. 118-135. (in Russ.).
7. Krajneva, I.A., Pivovarov, N.Yu., & Shilov, V.V. (2016). Sovetskaya vy`chislitel'naya texnika v kontekste e`konomiki, obrazovaniya i ideologii (konecz 1940-x – seredina 1950-x gg.). *Idei i idealy`*. T. 1. № 4 (30). S. 135-155. (in Russ.).
8. Kudrov, V.M. (2010). Rossiya i mir: e`konomika Rossii v mirovom kontekste. Izd.2-e. ispr. i dop. Moskva – Sankt-Peterburg, 575 s. (in Russ.).
9. Kitov, A.I. (1971). Programmirovanie e`konomicheskix i upravlencheskix zadach. Moskva:Izdatel'stvo «Sovetskoe radio», 371 s. (in Russ.).
10. Leonov, S.V. (2004). Istoricheskij put` Rossii v XX veke: popy`tki konceptual'nogo osmy`sleniya. *Istoricheskaya nauka i obrazovanie na rubezhe vekov*. Moskva: Sobranie, S. 131-152. (in Russ.).
11. Malinovskij, B.N. (1995). Istoriya vy`chislitel'noj texniki v liczax. izd. "KIT", PTOO "A.S.K.", Kiev, 384 s. (in Russ.).
12. Proxorov, S.P. (2023). Osnovopolagayushhij vklad Akademii nauk v stanovlenie komp`yuterny`x nauk i komp`yuterny`x tehnologij. *Vestnik RAN*. 2023. T. 93. № 10. S. 980-988. <https://doi.org/10.31857/S0869587323100092>. (in Russ.).
13. Postanovlenie PK KPSS i Soveta Ministrov SSSR ot 8 oktyabrya 1970 g. «O merax po sovershenstvovaniyu upravleniya v narodnom xozyajstve na osnove shirokogo ispol`zovaniya sredstv vy`chislitel'noj texniki». URL: <https://clck.ru/3Eyj8u>. (in Russ.).

14. Rossijskij gosudarstvennyj arxiv novejshej istorii (RGANI). F. 5. Op. 61. D. 54. (in Russ.).
15. RGANI. F. 5. Op.59. D. 111. (in Russ.).
16. RGANI. F. 5. Op.59. D. 131. (in Russ.).
17. RGANI. F. 5. Op.61. D. 119. (in Russ.).
18. RGANI. F. 5. Op.66. D. 25. (in Russ.).
19. Rossijskij gosudarstvennyj arxiv e`konomiki (RGAE). F. 9480. Op.9. D. 877. (in Russ.).
20. RGAE. F. 9480. Op.9. D. 877. (in Russ.)
21. Simonov, N.S. (2013). Nesostoyavshayasya informacionnaya revolyuciya: Usloviya i tendencii razvitiya v SSSR e`lektronnoj promy`shlennosti i sredstv massovoj kommunikacii. Chast` I. 1940-1960-e gody`. Moskva, 270 s. (in Russ.).
22. Smy`k, A.F., & Artamonov, A.A. (2023) Otechestvennyj vklad v razvitie mexanicheskix vy`chislitel`ny`x mashin. *Istoriya nauki i texniki*. № 6. S. 11-25. <https://doi.org/10.25791/intstg.6.2023.1424> (in Russ.).
23. Smy`k, A.F., & Artamonov, A.A. (2024). Idei i konstruktivny`e osobennosti ustrojstv vy`chislitel`noj texniki v rabotax otechestvenny`x ucheny`x. *Istoriya nauki i texniki*. №5. S. 3-19. (in Russ.).
24. Tixonov, V.V. (2023). Razvitie e`lektronnoj vy`chislitel`noj texniki v SSSR v vedushhix kapitalisticheskix stranax v 1960-70-e gg.: vzglyad iz CzK KPSS. *Trudy` SORUCOM-2023. Materialy` Shestoj Mezhdunarodnoj konferencii*. Novosibirsk, S. 366-368. (in Russ.).
25. Tumbinskaya, M.V., Tomilin, A.N., Tregubov, V.M., Krajneva, I.A., & Abzalov, A.R. (2016). Razvitie vy`chislitel`noj texniki i ee programmnoho obespecheniya v Rossii i v stranax by`vshego SSSR: stranicu istorii . *Istoriya nauki i texniki*. № 10. S. 15-26. (in Russ.).
26. Xanin, G.I. (2002). Desyatiletie triumfa sovetskoj e`konomiki. Gody` pyatidesyaty`e. *Svobodnaya my`sl` -XXI*. 2002. №5. S.72-89. (in Russ.).
27. Xanin, G. I. (2008). E`konomicheskaya istoriya Rossii. V 2 t. T. 1. E`konomika SSSR v konce 30-x godov – 1987 god. Novosibirsk: Novosib. gos. texn. un-t. 516 s. (in Russ.).
28. Peters, B. (2016). How Not to Network a Nation: The Uneasy History of the Soviet Internet. Cambridge: MIT Press, 296 s.
29. Usdin, S.T. (2005). Engineering communism: how two Americans spied for Stalin and founded the Soviet Silicon Valley. New Haven (Conn.), 352 s.

дата поступления: 06.09.2024

дата принятия: 22.10.2024

© Бодрова Е.В., Калинов В.В., 2024

УДК 908:502.3(571.1)"1960/1980"
<https://doi.org/10.36906/2311-4444/24-4/08>

Ляхов М.И.

ФОРМИРОВАНИЕ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ В УСЛОВИЯХ ПРИРОДНО-КЛИМАТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ СЕВЕРА СИБИРИ: ИССЛЕДОВАНИЯ 1960-х – 1980-х гг.

М.И. Lyakhov

THE URBAN ENVIRONMENT FORMATION IN THE NATURAL AND CLIMATIC CONDITIONS OF THE NORTH OF SIBERIA: RESEARCHES OF 1960s – 1980s

Аннотация. Целью работы является определение основных характеристик городской среды на Севере Сибири с помощью междисциплинарного анализа исследований 1960–1980-х годов. Целесообразность данного подхода связана с природно-климатическими особенностями региона. В этой связи изучаются отдельные работы, посвященные созданию комфортной городской среды на Севере Сибири. Предложенные идеи могут быть применены в современных государственных программах промышленного освоения Севера. Делается вывод о высоком интересе советских исследователей к проблеме создания комфортной городской среды на Севере Сибири с учетом природно-климатических особенностей региона. Выявляются наиболее востребованные модели обустройства. Исследователи указывали на необходимость планировать северосибирский город только комплексным методом, с учетом особенностей рельефа, ветровых условий и ландшафта. Кроме того, ученые отмечали важность введения новых нормативов по снижению выбросов, негативно влияющих на окружающую среду, проведение рекультивации земель, осуществление озеленения в зависимости от природных зон. Все эти меры позволили бы не разрушать до критического уровня устоявшийся биоценоз региона, рационализировать управление природными ресурсами и вписать город в существующее природно-климатическое пространство. Делается вывод, что отсутствие политической воли, экономический детерминизм и ведомственность не позволили воплотить предложенные идеи на практике. В результате, урбанизация и промышленное освоение Севера Сибири проходили с разрушением окружающей среды и созданием некомфортной городской среды. Указывается на возможность применения предложенных концепций для решения проблем и противоречий, унаследованных от советского периода освоения Севера, что позволит задать

Abstract. The article presents interdisciplinary analysis of 1960s – 1980s researches on the main characteristics of the urban environment in the North of Siberia. The approach is justified by the region natural and climatic characteristics; an interdisciplinary study of the issue of arranging living spaces is necessary. The author studies works devoted to the comfortable urban environment creation in the North of Siberia, since the previously proposed ideas can be applied in modern government programs for the industrial development of the Russian North. As a result, the author concludes that Soviet researchers were highly interested in the issue of creating a comfortable urban environment in the North of Siberia, taking into account natural and climatic features. The most demanded arrangement models have been found in the analysed literature. The researchers pointed out the need to plan a North Siberian city only using an integrated method, taking into account the peculiarities of the terrain, wind conditions and landscape. In addition, they pointed out the need to introduce new standards to reduce emissions adversely affecting the environment, to carry out land reclamation, to engage in landscaping depending on natural areas. All these measures would make it possible not to destroy the established regional biocenosis to a critical level, to rationalise the management of natural resources, and to fit the city into the existing natural and climatic space. The lack of political will, economic determinism, and departmental structure prevented many of the proposed ideas from being implemented in practice. Therefore, it is important to analyse the experience in the development of the

вектор современным проектам развития Сибири и Арктики.

Ключевые слова: Север Сибири, Крайний Север, урбанизация, жилищное строительство, городская среда, климатические особенности, природопользование, советская наука

Сведения об авторе: Михаил Игоревич Ляхов, ORCID 0009-0007-5134-0610, аспирант, Сургутский государственный педагогический университет, г. Сургут, Россия, lyamigor86@gmail.com

North of Siberia, since the government currently has plans for further study and industrial development of the region.

Keywords: North of Siberia, Far North, urbanization, housing construction, urban environment, climatic features, environmental management, Soviet science

About the author: Mikhail I. Lyakhov, ORCID: 0009-0007-5134-0610, Surgut State Pedagogical University, Surgut, Russia, lyamigor86@gmail.com

Ляхов М.И. Формирование городской среды в условиях природно-климатических особенностей севера Сибири: исследования 1960-х – 1980-х гг. // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2024. №4(68). С. 82-93. <https://doi.org/10.36906/2311-4444/24-4/08>

Lyakhov, M.I. (2024). The Urban Environment Formation in the Natural and Climatic Conditions of the North of Siberia: Researches of 1960s – 1980s. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*, (4(68)), 82-93. (in Russ.). <https://doi.org/10.36906/2311-4444/24-4/08>

В настоящий момент российский Север имеет стратегическое значение для государства [14; 23]. На обширной территории расположены колоссальные запасы углеводородного сырья, драгоценных и редкоземельных металлов, активно используются лесные и водные ресурсы. Связи с этим регион вновь стал объектом научных, экономических и промышленных проектов. Главная их цель – преодоление отставания Севера Сибири и включение его в общероссийские экономические процессы.

Попыткой решения проблемы неравномерного развития территорий стала советская модернизация. В результате первого этапа ее реализации (1930-е – середина 1950-е гг.) Сибирь и ее северные пределы впервые кардинально изменились. Сформировался иной ландшафт местности. Появились такие крупные города, как Норильск (1935 г.), Мирный (1955 г.), Магадан (1929 г.). Находились они в непосредственной близости от залежей полезных ископаемых, что и стало решающим фактором для размещения рабочей силы на данных территориях. Города-порты Тикси, Дудинка, Певек и другие, пик развития которых пришелся на советский период, с активной эксплуатацией Северного морского пути стали основными форпостами связи с «большой землей». В результате первого этапа советского освоения северных территорий на Севере Сибири сформировалась уникальная поселенческая сеть. Каждый ее элемент работал в связке, обеспечивая путь от извлечения ресурсов, их переработки (если было возможно) на месте до транспортировки полученного продукта в южные регионы. Цель при этом оставалась для всех общая – хозяйственное освоение региона в интересах государства.

Второй этап (середина 1950-х – конец 1980-х гг.) тесно связан с политическими и следовавшими за ними экономическими переменами. Встал вопрос о реформировании процесса освоения северных территорий страны. Государство понимало, что освоение региона, в том числе разработка и возведение городской инфраструктуры, дорого

обходится бюджету. В связи с этим возникла потребность разработок таких моделей создания городского пространства, которые не только смогли бы снизить затраты на строительство, но и сформировать комфортные условия для населения с учетом климатических и географических особенностей. В 1953 г. появилось предложение о создании специального отдела при АН СССР для работ в области Севера [17, Ф. 746. Оп. 1. Д. 36. Л. 256]. С этого момента начинается дискуссия о перспективах создания центра исследований Севера. Предполагалось создать комиссию по Северу либо при Академии наук, либо при Госплане, однако стороны не хотели брать на себя ответственность по организации нового научного центра. В итоге в 1954 г. была создана при Президиуме АН СССР Комиссия по проблемам Севера, переведенная в 1958 г. в состав СОПС АН СССР. Комиссия включала в себя различные ведомства, научные институты, в том числе связанные со строительством на северных территориях страны [8, с. 188-189].

Вопрос теоретических изысканий в советские годы по созданию комфортной среды городов Сибирского Севера имеет глубокий исследовательский потенциал. Городская среда является объектом для изучения таких дисциплин как архитектура, экология, климатология, требует серьезной подготовки градостроителей и дизайнеров. Хотя данная тема достаточно широкая, в отечественной историографии имеются работы по изучению проблемы обустройства городов северных пределов Сибири [9; 15; 21]. Тем не менее, несмотря на использование указанными авторами работ советских ученых, задействованных в программах освоения и урбанизации Севера Сибири, основной упор в исследованиях делается на источники делопроизводственного, статистического и законодательного характера. Изучение отдельных трудов, посвященных созданию комфортной городской среды в северо-сибирском регионе, требует дальнейшей аналитической работы, поскольку предложенные ранее идеи могут быть применены в современных правительственных программах по промышленному освоению Российского Севера.

Центральное место в исследовании отводится понятию «городская среда». В отечественной науке впервые данное определение дал В.Л. Глазычев, под которой понималась взаимосвязанность предметно-пространственного окружения к межчеловеческим взаимодействиям, происходящим в нем [5, с. 96]. А.М. Рудницкий добавлял, что городская среда – это общий фон, на котором и при участии которого протекает жизнь людей в городе, а также совершаются все городские процессы [18, с. 25].

Следовательно, необходимо определить наличие какой городской среды предполагалось на Севера Сибири? Для этого с помощью междисциплинарного подхода подвергается анализу литература разнообразной научной направленности, что позволит рассмотреть проблему формирования городского пространства комплексно. Поскольку Север Сибири является территорией, включающий в себя три природно-климатические зоны (тайга, лесотундра и тундра), необходимо определить наиболее востребованные модели обустройства жизненных пространств для каждой экосистемы. Это в свою очередь

позволит выявить общие и различные черты в моделях городского обустройства Севера Сибири.

Для определения особенностей градостроения на Севере специалистам стоило знать географические рамки региона. Технический и научный универсализм не подлежал применению – территория являлась примером соприкосновения природных зон с уникальным биологическим разнообразием. Эту проблему наиболее успешно решил С.В. Славин. Им выделены следующие признаки Севера: отдаленность от южных экономически развитых районов страны; неблагоприятные природно-климатические условия, не позволяющие развивать многие отрасли хозяйства; низкий уровень развития транспортной сети; низкая численность населения и невысокий уровень урбанизации; высокие затраты на освоение и эксплуатацию природных ресурсов [19, с. 8].

Северные пределы Сибири подходили под выделенные С.В. Славиним критерии. Согласно Всесоюзной переписи населения 1959 г. городское население Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого округов составляло 33 464 чел. (27%) и 21 787 чел. (35%) соответственно [7, с. 23]. Городское население Красноярского Севера было представлено Норильском (82 000 чел.), Игаркой (14 311 чел.), Дудинкой (16 332 чел.), а также рабочим поселком Кайерканом (5 167 чел.). К горожанам на севере края, таким образом, можно было отнести лишь 5,3% населения [3]. Что касается уровня развития транспорта, то ведущую роль в осваиваемых территориях Севера Западной Сибири играли водные артерии Оби и Иртыша. Авиасообщение находилось на слаборазвитом уровне. Дороги с твердым покрытием отсутствовали. По воспоминаниям геологов наличие бездорожья носило отталкивающий характер и являлось важной проблемой в начале становления Западно-Сибирского нефтегазового комплекса [16, с. 75]. Север Красноярского края имел схожие проблемы – единственным сообщением с «большой» землей являлись авиаперевозки и реки.

Таким образом, в начале 1960-х гг. перед специалистами обозначился круг проблем. Дальнейшее промышленное освоение региона и рост миграции вынуждали создавать современные городские жизненные условия, опираться на капитальное строительство, оформлять комфортные общественные пространства. Все это необходимо было делать, исходя из природно-климатических особенностей Севера.

Одной из задач формирования новых природопользовательских моделей на Севере Сибири являлось решение вопроса планирования и строительства поселений. В исследованиях указывался на тот факт, что на Севере Сибири в проектировании не существовало четкой системы обратных связей «первичный структурный элемент города – генплан». Это сводило на нет разработки по учету природно-климатических особенностей, предусмотренных в генплане города, поскольку на стадии технорабочего проектирования система планировки, принимаемая в генплане и направленная на оптимизацию природной среды, в значительной степени деформировалась [20, с. 63]. Кроме того, отмечалось, что в

процессе создания городского каркаса у градостроительных предприятий не возникало вопросов о рациональном использовании территории. Такие поселения Ханты-Мансийского округа как Нефтеюганск, Мегион, Горноправдинск и Пойковский не имели перспектив развития как раз из-за несоблюдения экономии селитебных территорий [1, с. 76].

Для недопущения подобных ситуаций планировщики предлагали решать проблему взаимодействия природных и градостроительных систем в сложных условиях Сибири исключительно на основе системного подхода. Многоуровневый характер взаимодействия позволял определить функционально-планировочное направление застройки. Благодаря такому подходу стало бы возможно взаиморазместиться функциональным зонам в относительно благоприятных для этого природных условиях в соответствии с устойчивостью ландшафта, условиями орографии, геокриологии и сеймики. Кроме того, комплексный подход к городскому пространству Севера позволял бы развиваться экологической стороне застройки. В итоге изменились бы оценки характеристики комфорта городской среды, расчеты устойчивости и экологической емкости территорий, стало бы возможным создать физические модели взаимодействия различных элементов природных и градостроительных систем, а также разработать мероприятия охраны среды средствами градостроительства [10, с. 92].

Отмечалось, что для достижения компактности, как наиболее оптимального решения городской застройки в северных городах, стоило продолжать начавшуюся тенденцию осваивания малоприспособленных для строительства территорий. Таковыми в районах Заполярья являлись участки нарушенной вечной мерзлоты, в Ханты-Мансийском округе – пойменные или заболоченные территории, которые путем намыва или насыпки грунта могли стать площадками для строительства. Безусловно, селитебное освоение подобных зон предполагало значительные затраты, однако окупалось экономически в ходе эксплуатации [2, с. 52].

Возникали новые методики возведения жилья. Архитектор Т.И. Алексеева отмечала, что важно «проектировать мобильные, универсальные здания и сооружения, способные вместить любую новую технологию без значительных перестроек, без изъятия территорий у городов и пригородов» [1, с. 67]. Реализацию подобных утверждений видели в применении на Севере Сибири сборно-разборного или передвижного жилого и общественного фонда. Для этих типов зданий выделяли более легкую организацию поставки конструкций, удобность их монтажа и демонтажа, небольшие сроки сборки. Однако данная методика строительства имела ряд недостатков. Прежде всего, создаваемый фонд носил малоэтажную структуру, не являлся капитальным, уменьшал плотность населения [6, с. 258].

Кроме экспериментальных проектов жилых домов существовали идеи по изменению традиционного домостроения с учетом климатических особенностей Севера Сибири. Так, для городов Ямало-Ненецкого округа обязательным условием возведения жилого здания

являлось утепление, причем проводить данное мероприятие необходимо было внутри помещения. Практический опыт показывал, что дополнительное утепление стен изнутри помещения высокоэффективными изоляционными материалами приводило к увеличению влагонакопления в ограждении, сдвигалась в сторону помещения граница промерзания и выпадения конденсата. Поэтому дополнительный утепляющий элемент предлагалось располагать с наружной стороны, так как это обеспечивало ограждению лучший температурно-влажностный режим, а, следовательно, наибольшую теплотехническую надежность и долговечность применяемой утепляющей конструкции [24, с. 26-27].

В генеральных планах рекомендовалось корректировать радиусы обслуживания, учитывать факторы инверсий для отсутствия накоплений вредных веществ промзон и недопущения распределения их вне зависимости от розы ветров [10, с. 104]. Для этого указывалось на необходимость обеспечения населения объектами торговли и обслуживания в близкой доступности к жителям. Это могло быть возможным благодаря размещению таковых у остановок городского транспорта или с размещением их на первых этажах жилых зданий. Высказывались идеи по радиусу обслуживания городских учреждений. Так, для дошкольных и школьных организаций оптимальным вариантом указывалось 200–250 и 300–400 метров соответственно, а для зрелищных предприятий, стадионов и центральных клубов – до 1000–1400 метров [13, с. 43].

Процесс адаптации населения в условиях климата Севера Сибири являлся важным препятствием комфортного проживания и закрепления прибывшего населения. Для территории полярного круга к факторам ухудшения состояния здоровья, которые невозможно компенсировать техническими и санитарными средствами, относили специфическую фотопериодичность (наличие полярной ночи и полярного дня), резкие междусуточные колебания давления, повышенную ионизацию воздуха. В зоне таежной полосы, в которой находился Ханты-Мансийский округ, компенсация таких факторов, как дефицит ультрафиолетовой радиации, длительный период с низкими температурами воздуха, трудность обеспечения сбалансированного питания за счет местных ресурсов, характеризовалась как труднодостижимая [12, с. 79]. Именно поэтому, по мнению географа К.Н. Мисевича, «в целом высокая миграционная подвижность населения представляет собой одну из форм социальной “адаптации” территориальной общностей людей к дискомфортным условиям. Высокая сменяемость населения играет положительную роль в “накоплении” в составе населения людей, способных акклиматизироваться и адаптироваться к суровым условиям» [15, с. 110].

Поскольку полная изоляция горожан от окружающей среды Севера не представлялась возможной, предлагались различные способы улучшения микроклиматических условий. В районах Заполярья для этой цели существовала идея применения инженерных средств снегозащиты. Для этого имелся вариант решетчатых ограждений и переносных щитов, откладывающих снег на специально отведенной территории за пределами застройки

вследствие завихрения и снижения скорости снеговетрового потока [13, с. 34]. Также улучшить условия проживания предлагалось обязательной планировкой теплых переходов, объединением жилых и общественных зданий при помощи перехода пассажного типа, примыканием жилых и общественных зданий друг к другу, совмещением жилья и обслуживания в едином развитом объеме [10, с. 69]. Немаловажную роль в повышении уровня комфорта горожан исследователи отводили проблеме солнечного голодания, особенно в период полярной ночи. Для Ханты-Мансийского округа решение виделось в необычных процедурах массового облучения на отведенных для этого специальных площадках. Использование такого рода соляриев благодаря спроектированной непродуваемой конструкции позволяло населению принимать солнечные ванны в течении всего весенне-летнего периода [4, с. 109].

Удаленность мест освоения от материальных баз, ведомственность, экономический детерминизм привели к частым нарушениям природоохранных норм. Выражалось это в загрязнении территории. В научных кругах подходили к изменению ситуации с разных сторон. С точки зрения архитектуры, необходимо было сфокусировать взгляд на градостроительных средствах. Благодаря детальному изучению местных условий станет возможным оптимальное размещение промышленных предприятий, селитебных территорий, природных и искусственных зеленых массивов [10, с. 79]. Поскольку особенности природных условий неблагоприятны с точки зрения риска загрязнения среды, на стадии начала градостроительных работ важное место необходимо было уделять вопросам утилизации отходов, определения пределов концентрации промышленности на единице площади, проведения общей экспертизы технологических процессов на соответствие их экологическим особенностям территории [12, с. 108].

Среди прочего, в базовых городах Югры и Ямала ввиду особенностей природных факторов мерой очистки атмосферы города от вредных компонентов предлагалось ввести ограничение общего количества вредных веществ. С этой целью авторы видели решение вопроса в установлении норм предельно допустимых выбросов (ПДВ) в дополнение к существующим нормам предельно допустимых концентраций (ПДК) [22, с. 131]. Под ПДВ понималось количество (г/с) выбрасываемого в атмосферу вредного вещества, при котором с учетом расселения и самых неблагоприятных метеорологических условий на любом расстоянии от источника в приземном слое атмосферы не будет создаваться превышение предельно допустимой концентрации этого вещества [6, с. 173]. Однако если разрушение биосферы не удалось предотвратить, то одним из решений виделось восстановление территории. Так, для случаев с разрушением вечномерзлых почв биологами предлагалось использовать заросшие многолетней растительностью хвостохранилища – отвалы, формирующиеся в разработке выбросов и складирования отходов обогащения добываемых руд – для выращивания сельскохозяйственных культур. Карьеры возможно преобразовать в водоемы для пляжного отдыха и хозяйственной деятельности [11, с. 204-206].

Специалистами отмечалось, что улучшению окружающей среды способствуют своевременные меры по благоустройству и озеленению. Однако из-за климатических особенностей Севера Сибири возникали трудности с реализацией данной задачи. В результате были разработаны для каждой природной зоны рекомендации по внешнему благоустройству городов. Для лесотундры лучшим вариантом виделась высадка древесных насаждений, которые при этом из-за особенностей климатических условий необходимо было защищать от ветра и снегоотложений. Деревья росли в 3 раза медленнее и имели очень низкий процент выживаемости. Поэтому наиболее приемлемым вариантом виделось использование партеров и клумб из многолетних трав и однолетних цветов [13, с. 59]. В условиях тайги предлагались варианты использования залесенных территорий в системе озеленения города и пригорода. При этом нормы озеленения в городских поселениях приближались к нормам средней полосы. Сохранение же ценных лесных территорий позволяло перераспределить элементы системы озеленения на всей территории поселения [6, с. 203-204].

Таким образом, можно сказать о высокой заинтересованности советских исследователей в вопросе формирования комфортной городской среды на Севере Сибири с учетом природно-климатических особенностей. Представляется возможным указать наиболее востребованные модели обустройства, найденные в проанализированной литературе. Прежде всего, исследователи указывали на необходимость планировки пространства северо-сибирского города только комплексным методом, учитывая особенности местности, ветряного режима и ландшафта. Кроме того, специалистами осознавалось, что Север Сибири продолжит оставаться объектом освоения. Поэтому ими указывалось на необходимость введения новых норм для уменьшения неблагоприятно действующих на окружающую среду выбросов, проводить рекультивацию территории, заниматься благоустройством и озеленением в зависимости от природных зон. Все эти меры позволили бы не разрушать до критического уровня устоявшийся биоценоз региона, рационализировано относиться к природопользованию, вписать город в имеющееся природно-климатическое пространство.

Однако многие предложения так и остались на бумаге. По прошествии пройденных лет известно, что города Западно-Сибирского нефтегазового комплекса продолжали вплоть до начала 2000-х гг. находится в неблагоустроенном состоянии. Редко применялись подходящие для территории проекты домов, не внедрялись теплозащитные материалы. Застройка микрорайонов проходила хаотично, часто выбивалась из генеральных планов. Особые и редкие для таежной полосы породы деревьев вместо включения в общую панораму города в виде парков, скверов и придомового озеленения часто варварски вырубались, оставляя поселения «голыми» и неухоженными. На территории Заполярья также не применялись предложенные идеи. В течении 1960-х – 1980-х гг. ни один проект с искусственным микроклиматом не был реализован на практике. Норильск, как крупнейший

город на территории Красноярского Севера, продолжал застраиваться около промышленных объектов, нарушая показатели здоровья населения и природоохранное законодательство.

Поэтому важно анализировать пройденный опыт освоения Севера Сибири, поскольку в настоящее время у правительства имеются планы на дальнейшее изучение и промышленное освоение этого региона. В связи с этим реализованные и не реализованные проекты по созданию комфортных поселений вновь как никогда актуальны. Анализ и применение наиболее перспективных идей позволит балансировать между экологическим и экономическим принципами освоения Севера.

Литература

1. Алексеева Т.И. Региональные особенности градостроительства в Сибири и на Севере. Л.: Стройиздат: Ленингр. отд-ние, 1987. 208 с.
2. Брагина Т.М., Кулешов А.С., Харитоненко В.В., Мякиненков В.М. Основные направления формирования функционально-планировочной структуры систем расселения и городов-центров на Севере // Расселение, планировка и застройка городов на Севере. Сб. науч. тр. М.: ЦНИИП градостроительства, 1979. С. 42-61.
3. Всесоюзная перепись населения 1959 г. Численность городского населения РСФСР, ее территориальных единиц, городских поселений и городских районов по полу URL: <https://clck.ru/3Vvqsd> (дата обращения 28.06.2024).
4. Вязилова Ю.С. Учет природы и климата в градостроительных мероприятиях по освоению Севера Западной Сибири // Градостроительные аспекты применения вахтового и экспедиционного методов освоения ресурсов Западной Сибири. Сб. науч. тр. Л.: ЛенЗНИИЭП, 1983. С. 107-112.
5. Глазычев В.Л. Социально-экологическая интерпретация городской среды. М.: Наука, 1984. 180 с.
6. Градостроительное освоение Красноярского Севера. Л.: Стройиздат: Ленингр. отд-ние, 1983. 277 с.
7. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР: (Сводный том). М.: Госстатиздат, 1962. 284 с.
8. Калеменева Е.А. Смена моделей освоения советского Севера в 1950-е гг. Случай Комиссии по проблемам Севера // Сибирские исторические исследования. 2018. № 2. С. 181-200. <https://doi.org/10.17223/2312461X/20/10>
9. Карпов В.П. Советские программы освоения Севера: от замысла к реализации // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. 2015. № 3 (88). С. 6-14.
10. Крушлинский В.И. Город и природа Сибири: Архитектурно-планировочные аспекты. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1986. 232 с.
11. Крючков В.В. Север на грани тысячелетий. М.: Мысль, 1987. 269 с.

12. Мисевич К.Н. Географическая среда и условия жизни населения Сибири. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1988. 120 с.
13. Назарова Л.Г. Опыт проектирования и строительства городов Крайнего Севера: (На примере Норильска). М.: Стройиздат, 1973. 176 с.
14. Постановление Правительства Российской Федерации от 30.03.2021 № 484"Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации». URL: <https://clck.ru/3VvquK> (дата обращения 27.06.2024).
15. Прищепа А.И. Архитектурная и проектно-изыскательская работа в Сургуте // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 2-2 (16). С. 185-187.
16. Рашевский В.В. Образы нефтяных городов Ханты-Мансийского округа начала 1960-х гг. в геологических нарративах // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 12. С. 73-81.
17. Российский государственный архив экономики.
18. Рудницкий А.М. Управление городской средой. Львов: Вища шк. Изд-во при Львов. ун-те, 1985. 108 с.
19. Славин С.В. Промышленное и транспортное освоение Севера СССР. М.: Экономиздат, 1961. 302 с.
20. Смирнов В.И. Комплексный учет ведущих природно-климатических факторов в градостроительном проектировании // Расселение, планировка и застройка городов на Севере. Сб. науч. тр. М.: ЦНИИП градостроительства, 1979. С. 62-68.
21. Стась И.Н. Города или гостиницы? Вопрос о строительстве городов газовиков в Ямало-Ненецком округе в конце 1960-х гг. // Арктика и Север. 2014. № 16. С. 132-143.
22. Счастливец И.П. Градостроительные принципы охраны окружающей среды северного базового города // Расселение, планировка и застройка городов на Севере. Сб. науч. тр. М.: ЦНИИП градостроительства, 1979. С. 129-134.
23. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405070015> (дата обращения 27.06.2024).
24. Фершукова Ж.А., Шутов Б.И. Пути повышения теплозащитных качеств стен жилых зданий в условиях строительства Нового Уренгоя // Технология строительства и эксплуатация жилых зданий в Воркуте, Надыме, Новом Уренгое. Сб. науч. тр. Л.: ЛенЗНИИЭП, 1985. С. 22-28.

References

1. Alekseeva, T.I. (1987). Regional`ny`e osobennosti gradostroitel`stva v Sibiri i na Severe. L.: Strojizdat: Leningr. otd-nie, 208 s. (in Russ.).
2. Bragina, T.M., Kuleshov, A.S., Xaritonenko, V.V., & Myakinenkov, V.M. (1979). Osnovny`e napravleniya formirovaniya funkcional`no-planirovochny`j struktury` sistem rasseleniya i gorodov-centrov na Severe. *Rasselenie, planirovka i zastrojka gorodov na Severe*. Sb. nauch. tr. M.: CzNIIPgradostroitel`stva, s. 42-61. (in Russ.).
3. Vsesoyuznaya perepis` naseleniya 1959 g. Chislennost` gorodskogo naseleniya RSFSR, ee territorial`ny`x edinic, gorodskix poselenij i gorodskix rajonov po polu URL: <https://clck.ru/3Bvqsd> (data obrashheniya 28.06.2024). (in Russ.).
4. Vyazilova, Yu.S. (1983). Uchet prirody` i klimata v gradostroitel`ny`x meropriyatiyax po osvoeniyu Severa Zapadnoj Sibiri. *Gradostroitel`ny`e aspekty` primeneniya vaxtovogo i e`kspedicionnogo metodov osvoeniya resursov Zapadnoj Sibiri*. Sb. nauch. tr. L.: LenZNIIE`P, s. 107-112. (in Russ.).
5. Glazy`chev, V.L. (1984). Social`no-e`kologicheskaya interpretaciya gorodskoj sredy`. M.: Nauka, 180 s. (in Russ.).
6. Gradostroitel`noe osvoenie Krasnoyarskogo Severa. (1983). L.: Strojizdat: Leningr. otd-nie, 277 s. (in Russ.).
7. Itogi Vsesoyuznoj perepisi naseleniya 1959 goda. (1962). SSSR: (Svodny`j tom). M.: Gosstatizdat, 284 s. (in Russ.).
8. Kalemeneva, E.A. (2018). Smena modelej osvoeniya sovetskogo Severa v 1950-e gg. Sluchaj Komissii po problemam Severa. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*. № 2. S. 181-200. <https://doi.org/10.17223/2312461X/20/10> (in Russ.).
9. Karpov, V.P. (2015). Sovetskie programmy` osvoeniya Severa: ot zamy`sla k realizacii. *Nauchny`j vestnik Yamalo-Neneczskogo avtonomnogo okruga*. № 3 (88). S. 6-14. (in Russ.).
10. Krushlinskij, V.I. (1986). Gorod i priroda Sibiri: Arxitekturno-planirovochny`e aspekty`. Krasnoyarsk: Izd-vo Krasnoyar. un-ta, 232 s. (in Russ.).
11. Kryuchkov, V.V. (1987). Sever na grani ty`syacheletij. M.: My`sl`, 269 s. (in Russ.).
12. Misevich, K.N. (1988). Geograficheskaya sreda i usloviya zhizni naseleniya Sibiri. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-nie, 120 s. (in Russ.).
13. Nazarova, L.G. (1973). Opy`t proektirovaniya i stroitel`stva gorodov Krajnego Severa: (Na primere Noril`ska). M.: Strojizdat, 176 s. (in Russ.).
14. Postanovlenie Pravitel`stva Rossijskoj Federacii ot 30.03.2021 № 484"Ob utverzhdenii gosudarstvennoj programmy` Rossijskoj Federacii «Social`no-e`konomicheskoe razvitie Arkticheskoy zony` Rossijskoj Federacii». URL: <https://clck.ru/3BvquK> (data obrashheniya 27.06.2024). (in Russ.).

15. Prishhepa, A.I. (2012). Arxitekturnaya i proektno-izy`skatel`skaya rabota v Surgute. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul`turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy` teorii i praktiki.* № 2-2 (16). S. 185-187. (in Russ.).
16. Rashevskij, V.V. (2015). Obrazy` neftyany`x gorodov Xanty`-Mansijskogo okruga nachala 1960-x gg. v geologicheskix narrativax. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta.* № 12. S. 73-81. (in Russ.).
17. Rossijskij gosudarstvenny`j arxiv e`konomiki. (in Russ.).
18. Rudniczkij, A.M. (1985). Upravlenie gorodskoj sredoj. L`vov: Vishha shk. Izd-vo pri L`vov. un-te, 108 s. (in Russ.).
19. Slavin, S.V. (1961). Promy`shlennoe i transportnoe osvoenie Severa SSSR. M.: E`konomizdat, 302 s. (in Russ.).
20. Smirnov, V.I. (1979). Kompleksny`j uchet vedushhix prirodno-klimaticheskix faktorov v gradostroitel`nom proektirovanii. *Rasselenie, planirovka i zastrojka gorodov na Severe.* Sb. nauch. tr. M.: CzNIIPgradostroitel`stva, S. 62-68. (in Russ.).
21. Stas`, I.N. (2014). Goroda ili gostinicy? Vopros o stroitel`stve gorodov gazovikov v Yamalo-Neneczkom okruge v konce 1960-x gg. *Arktika i Sever.* № 16. S. 132-143. (in Russ.).
22. Schastlivcev, I.P. (1979). Gradostroitel`ny`e principy` oxrany` okruzhayushhej sredy` severnogo bazovogo goroda. *Rasselenie, planirovka i zastrojka gorodov na Severe.* Sb. nauch. tr. M.: CzNIIPgradostroitel`stva, S. 129-134. (in Russ.).
23. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 07.05.2024 № 309 «O nacional`ny`x celyax razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda i na perspektivu do 2036 goda». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405070015> (data obrashheniya 27.06.2024). (in Russ.).
24. Fershukova, Zh.A., & Shutov, B.I. (1985). Puti povы`sheniya teplozashhitny`x kachestv sten zhily`x zdaniy v usloviyax stroitel`stva Novogo Urengoya. *Texnologiya stroitel`stva i e`kspluatatsiya zhily`x zdaniy v Vorkute, Nady`me, Novom Urengoe.* Sb. nauch. tr. L.: LenZNIIE`P, S. 22-28. (in Russ.).

Исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда научно-технологического развития Югры в рамках научного проекта № 2023-572-08 «Между охраной и использованием: проблема компромисса экономических и экологических интересов общества и государства на примере индустриального развития ХМАО-Югры в 1960-1980-е гг.»

дата поступления: 16.07.2024

дата принятия: 22.10.2024

© Ляхов М.И., 2024

УДК 93/94

<https://doi.org/10.36906/2311-4444/24-4/09>

Бызов О.И.

БРЮССЕЛИЗАЦИЯ СУРГУТА В КОНТЕКСТЕ ПРОЕКТА МУЗЕЙНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЗОНЫ*O.I. Bizov***BRUSSELIZATION OF SURGUT IN THE CONTEXT OF THE MUSEUM AND ETHNOGRAPHIC ZONE PROJECT**

Аннотация. Настоящая статья обращается к актуальной в научном и общественном пространстве проблеме, связанной с сохранением архитектурного наследия городов. Хотя термин «Брюсселизация» и появился относительно недавно, он довольно красноречиво описывает хаотичный подход к проектированию городского пространства, при котором осуществляется неконтролируемый и подчас массовый снос исторической застройки, замещаемой современными образцами архитектуры. Данный вопрос рассматривается на примере позднесоветского Сургута, который, к сожалению, стал классическим образчиком такого рода политики. Поэтому, для выявления исторических условий, способствующих возникновению в городе на Оби дискуссии о возведении музейно-этнографической зоны, автор уделяет немалое внимание анализу градостроительной политики тех лет, как основополагающему фактору, угрожавшему культурному наследию Сургута. В частности, речь идёт об исторически сложившемся районе Старый Сургут и граничащим с ним микрорайоне Энергетиков, который начали возводить в начале 1970-х гг. Основываясь на материалах местной периодики 1980-х-начала 1990-х гг., автор выстраивает хронологическую цепочку, начиная от этапа обсуждения концепций музейно-этнографической зоны и заканчивая внутриведомственными противоречиями, сведшими все проектные начинания на нет. Также приводятся оценки современников, позволяющие наиболее точно раскрыть и продемонстрировать мнение общественности на происходившие тогда события, касающиеся проблемы сохранения исторической памяти. Благодаря анализу материалов периодической печати, прибегая к методам историзма, структурализма и позитивизма, автором были выделены основные причины, по которым концепция музейно-

Abstract. This article addresses the problem of preserving the architectural heritage of cities, which is topical in the scientific and public space. This article addresses the problem of preserving the architectural heritage of cities, which is topical in the scientific and public space. Although the term Brusselisation has appeared relatively recently, it quite eloquently describes a chaotic approach to the design of urban space, which involves uncontrolled and sometimes massive demolition of historical buildings, replaced by modern examples of architecture. This issue is considered on the example of late Soviet Surgut, which, unfortunately, has become a classic example of this kind of policy. Therefore, in order to identify the historical conditions contributing to the emergence of the discussion on the construction of a museum and ethnographic zone in the city on the Ob, the author pays much attention to the analysis of urban planning policy of those years as a fundamental factor that threatened the cultural heritage of Surgut. In particular, we are talking about the historically established district of Old Surgut and the neighbourhood of Energetikov bordering it, which began to be built in the early 1970s. Finally, based on the materials of local periodicals of the 1980s-early 1990s, the author builds a chronological chain, starting from the stage of discussing the concepts of the museum-ethnographic zone and ending with intra-departmental contradictions that brought all project endeavours to naught. The content of the article also contains the assessments of contemporaries, which allow to reveal the public's opinion on the events that took place at that time, concerning the problem of preserving historical memory. Through the analysis of periodicals, using the methods of historicism, structuralism and positivism, the author identified the main reasons why the concept of the museum-ethnographic zone remained

этнографической зоны так и осталась не реализованной. В частности, речь идёт о ведомственных интересах заказчика, а также о бездействии органов власти и Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры.

Ключевые слова: идентичность города, музеификация, музейно-этнографическая зона, памятники зодчества, 400-летие Сургута, историческая память, ведомственные интересы, Старый Сургут, Брюсселизация.

Сведения об авторе: Бызов Олег Игоревич, ORCID: 0009-0004-2155-8844, Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Россия, bizovoleq@yandex.ru

unrealised. In particular, we are talking about the departmental interests of the customer, as well as the inaction of the authorities and the All-Russian Society for the Protection of Monuments of History and Culture.

Keywords: city identity, museification, museum-ethnographic zone, monuments of architecture, 400th anniversary of Surgut, historical memory, departmental interests, Staryy Surgut, Brusselization

About the author: Oleg I. Bizov, ORCID: 0009-0004-2155-8844, Tyumen State University, Tyumen, Russia, bizovoleq@yandex.ru

Бызов О.И. Брюсселизация Сургута в контексте проекта музейно-этнографической зоны // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2024. №4(68). С. 94-114. <https://doi.org/10.36906/2311-4444/24-4/09>

Bizov, O.I. (2024). Brusselization of Surgut in the Context of the Museum and Ethnographic Zone Project. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*, (4(68)), 94-114. (in Russ.). <https://doi.org/10.36906/2311-4444/24-4/09>

После открытия в Западной Сибири богатейших залежей природных ресурсов жизнь многих населённых пунктов Тюменского Севера меняется. Начинается активная урбанизация региона, который в скором времени приобретёт статус нефтегазового центра Советского Союза. Одним из городов, претерпевших значительные изменения, становится Сургут. В 1960-е гг. на его территории появились посёлки геологов, строителей, нефтяников, изменившие облик и структуру нефтяного центра [12, с. 131]. На рубеже 1960–1970 гг. градостроительные процессы продолжают набирать обороты и получают своё оформление в новом генплане города [12, с. 132].

Если более подробно останавливаться на районе Старого Сургута, то в начале 1970-х гг. рядом с ним начинают возводить новый жилой микрорайон, предназначенный для энергетиков-строителей и эксплуатационников будущей гидроэлектростанции [16, с. 3]. Все необходимые работы, приближавшие градостроителей к намеченной цели, велись весьма активно. Как писал А. Нечушкин, занимавший в тот период времени должность главного инженера дирекции строящейся ГРЭС, «Уже... возвышаются на месте бывшего совхозного поля пятиэтажные корпуса первых крупнопанельных домов... Всего в 1970 году в микрорайоне запланировано заселить более 14000 квадратных метров жилой площади... Это только начало. К пуску ГРЭС... в микрорайоне будет насчитываться около 4000 благоустроенных квартир» [16, с. 3].

Так или иначе, несмотря на имеющиеся планы по возведению микрорайона Энергетиков, в начале 1970-х гг. Старому Сургуту, как заверял главный архитектор города О.В. Шока, ничего не угрожало, по крайней мере пока. В частности, в интервью газете «К победе коммунизма» он, отвечая на вопрос «Какие изменения претерпит старый Сургут?»,

говорил: «Почти никаких. Возможен некоторый снос при расширении микрорайона Энергетиков... И вообще этот план... рассчитан на минимум сноса. Его можно назвать планом-минимумом. Снос возможен лет через десять» [20, с. 3]. Параллельно с этим, как отмечает С.И. Веселов, Флегонт Яковлевич Показаньев впервые поднимает вопрос о сохранении исторической застройки города в районе стыка улиц Советской и Республики [6, с. 86]. Также стоит добавить, что в 1972 г. в Сургуте проходила конференция по градостроительству северных городов. Среди её участников, например, были представители проектных организаций Госстроя РСФСР. Именно на её площадке Ф.Я. Показаньев изложил собравшимся краткую историческую справку о Сургуте, а также выступил с инициативой создания небольшой историко-этнографической зоны, которую единогласно поддержали все участники конференции [6, с. 86].

В общем и целом, к началу 1970-х годов Сургут, как отмечал директор филиала ЛенЗНИИЭП Е. Никифоров, представлял из себя совокупность обособленных ведомственных поселков, растянувшихся с востока на запад вдоль поймы Оби. Что-же до самого Старого Сургута, то он, по словам автора, «сохранившийся в первозданном состоянии, как ни странно, вызывает большое впечатление городского административного района. Здесь располагаются почти все органы городского управления» [17, с. 3]. Наравне с этим, как пишет И.Н. Стась, начало строительства ГРЭС и железнодорожного узла лишь усугубило фрагментацию городского пространства, благодаря чему к 1980-м гг. Сургут всё еще представлял из себя некоторое число ведомственных жилых массивов, никак не связанных между собой: существовали посёлки речников, геологов, энергетиков, строителей, нефтяников, а также исторически сложившиеся поселения – старый город, посёлок Чёрный мыс [25, с. 20].

Ситуация начинает кардинально меняться к концу 1970-х гг., когда упование местных органов власти на то, что реализация очередного варианта генплана сохранит старый Сургут, не оправдалась [2]. Многоэтажки начали постепенно стирать историческое пространство города, видоизменяя его ландшафт. В этих условиях, как отмечает И.Н. Стась, «городское сообщество осознало, что теряет историческую идентичность» [25, с. 24]. В связи с чем в 1982–1983 гг. разворачивается дискуссия о возведении в Сургуте музейно-этнографической зоны [25, с. 24].

По задумке, она являлась самым масштабным проектом, который венчал бы собой все подготовительные мероприятия к празднованию 400-летия со дня основания Сургута. История этой программы началась в 1982 году, когда в Великом Новгороде состоялся IV съезд Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. О некоторых его итогах, касающихся будущего проекта, писал в периодической печати А. Аболонин, занимавший в тот период должности председателя президиума городского отделения ВООПИК и главного архитектора города: «Юг Тюменской области уже завоевал признание своими памятниками деревянной и каменной архитектуры, а Тобольск с его белокаменным Кремлём известен далеко за пределами нашей страны. Не обойден вниманием на съезде и

наш Сургут – старейшина городов Среднего Приобья. Госстрою РСФСР и Центральному совету общества охраны памятников поручено изучить и подготовить предложения по сохранению части старого Сургута и созданию музейно-этнографической зоны» [1, с. 2]. Наравне с этим, как отмечает автор, такого рода историко-просветительский проект позволил бы создать в городской черте площадку, где под открытым небом были бы собраны все имеющиеся предметы старины и быта, а также характерные постройки старого времени, демонстрирующие историю развития Сургута. По мнению А. Аболонина, музейно-этнографическую зону предпочтительно было бы разместить в районе, где в 1970–80-е годы находились здания краеведческого музея и музыкальной школы № 1. Поскольку, как писал главный архитектор города, «Эта территория, как полагают краеведы, является и местом начала строительства Сургута, где был заложен в 1593 году и построен деревянный острог» [1, с. 2]. Стоит заметить, что в будущем локация объекта подвергнется значительной корректировке. В частности, речь пойдёт об участке земли восточнее улицы Энергетиков, расположенном на берегу реки Саймы [8, с. 3].

Жители Сургута узнают о проекте на самых ранних этапах его обсуждения, благодаря средствам массовой информации. Говорить о тональности реакции горожан сложно. Однако, в это время выходит в свет статья М. Буканиной, в которой чувствуется поддержка и одобрение принятого решения: «С большим интересом прочитали статью главного архитектора города А. Аболонина... Действительно, настала пора вплотную заняться созданием музейной зоны Сургута, города необычной и яркой судьбы. И нужно это не только нашим потомкам, но и современникам, которые творят его историю, меняют облик. Здесь, в городе на Оби, родились и жили наши отцы и деды, здесь появились на свет наши дети и внуки. Мало сказать, что за последние двадцать лет Сургут изменился неузнаваемо... И больно видеть... пренебрежительное отношение к городу со стороны его временных жителей..., совершенно не знающих ни славной истории Сургута, ни его настоящего. И создание музейной зоны города поможет кой-кому взглянуть на него другими глазами» [4, с. 3].

Апофеозом общественной дискуссии вокруг проекта музейно-этнографической зоны стал круглый стол, организованный редакцией газеты «К победе Коммунизма», который прошёл в Сургуте во второй декаде ноября 1983 года. В нём приняли участие заместитель председателя горисполкома Л.Ю. Рокецкий, главный архитектор города А.П. Аболонин, представители Ленинградского проектного института, общественности, промышленных организаций, а также журналисты. Общей темой обсуждения стала проблема сохранения Старого Сургута как исторической памяти и создание музейно-этнографической зоны [30, с. 3]. Как отмечал А.П. Аболонин, к ноябрю 1983 г. существовало несколько вариантов музеефикации исторического центра Сургута. Первый из них подразумевал возможность сохранения для будущих поколений всего трёх-четырёх зданий, имеющих неоспоримую архитектурную и историческую ценность. Если говорить о второй концепции, то она

строилась вокруг идеи переноса старой части города на новое место. Наконец, специалистами обсуждалась и третья вариация проекта музейно-этнографической зоны, отличавшаяся от прочих своим масштабом. Например, она рассматривала возможность воссоздания Сургутского острога [30, с. 3].

В.И. Унжаков, занимавший в тот период времени должность главного архитектора филиала ЛензНИИЭПа, акцентировал внимание собравшихся на практической составляющей обсуждаемого вопроса. Во-первых, он отметил проделанную работу Ленинградского проектного института. В частности, к ноябрю 1983 г. уже была осуществлена инвентаризация сохранившихся зданий, а также сделана топо- и фотосъемка. Во-вторых, В.И. Унжаков озвучил предложение ВООПИК о прекращении сноса деревянной застройки Старого Сургута пока не будет вынесено четкого решения Госстроя, относительно всех трёх озвученных на круглом столе проектов [30, с. 3].

Позицию органов власти сформировал Л.Ю. Рокецкий. Он отметил, что к 1983 г. все окраины города были практически застроены. При этом, они располагались в болотистой местности и обладали высокой плотностью жилого фонда. Старый Сургут, в свою очередь, был полной противоположностью. Что касается памятников архитектуры, то, по словам зампреда горисполкома, таковых в Сургуте было крайне мало. Поэтому, сначала необходимо провести должное научное исследование и только потом приступить к созданию музейно-этнографической зоны. Наконец, все старые здания должны были быть перенесены на новое место [30, с. 3].

Иной точки зрения придерживался М.М. Гарипов, занимавший в 1983 г. должности председателя общественной инспекции, члена президиума совета Томского отделения ВООПИК. Во-первых, он предложил собравшимся сохранить здание скорой помощи, которое имело «приятную резьбу», интересную планировку, а также оригинальное решение дворового фасада. По его словам, «Эта постройка, если привести ее в надлежащий вид, может стать гордостью города» [30, с. 3]. Во-вторых, М.М. Гарипов говорил о важности музеефикации не только больших домов, имеющих богатое декоративное оформление, но и простых, бедных домиков. Наравне с этим, он отмечал, что Сургут является местом сосредоточения образцов уникальной деревянной архитектуры. Например, это постройки, выходящие во двор прирубями с оригинальными навесами над крыльцом [30, с. 3].

Наконец, стоит озвучить позицию архитектора А.А. Медведевой. По её мнению, проект музейно-этнографической зоны позволит Сургуту обрести своё лицо, а также придаст ему неповторимый облик. Однако, что важно, недостаточно просто прочертить некую воображаемую линию, идущую по определённой улице, которая позволит размежевать имеющиеся деревянные строения по принципу: «это можно сносить, а это нет. Напротив, необходима буферная зона между новой застройкой и исторической. А.А. Медведева подвергла критике идею переноса. Поскольку, как отмечает автор, «куда бы мы ни переносили старые дома, это будут уже не исторические дома, а

среднеарифметические, если можно так выразиться. Здесь интересен сам старый город» [30, с. 3].

В общем и целом, как мы можем отметить, в 1983 г. дискурс вокруг будущей музейно-этнографической зоны конструировался вокруг двух ключевых точек. Первая, которую формировало ВООПИК, академическое сообщество, а также архитекторы, исходила из того, что Старый Сургут являлся памятником деревянного зодчества, имеющим бесспорную историческую ценность. Исходя из этого, его необходимо сохранить. Здесь, правда, мнения отличались. С одной стороны, была программа минимум, которая подразумевала музеефикацию лишь трёх-четырёх строений. С другой – существовали и альтернативные предложения о сохранении куда большего количества домов. Оппонировала же всему вышесказанному утилитарная точка зрения, выросшая на почве острой нуждаемости в новых квадратных метрах и географических преимуществ Старого Сургута. В будущем, как нам кажется, этот негласный спор между исторической памятью и «брюсселизацией» сыграет свою решающую роль в проекте музейно-этнографической зоны.

В декабре 1983 г. в Сургут прибывает специальная комиссия ВООПИК и управления культуры. Осмотрев застройку исторически сложившейся части города, она пришла к заключению, что снос старых домов в этом районе необходимо признать необоснованным, а также выступила с инициативой сохранения того, что еще осталось [11, с. 3]. Однако, здесь это важно подчеркнуть, выводы, озвученные комиссией, вызвали несогласие Р. Исупова, занимавшего в тот период должность начальника сектора подготовки строительства ОКСа РЭУ Тюменьэнерго. В частности, он оценивал доводы, выдвинутые специалистами, следующим образом: «Приезжая комиссия высказала упрек городу за то, что он посягнул на исторические памятники... Прежде всего речь идет о доме, в котором якобы была провозглашена Советская власть в Сургуте. Уместно напомнить, что первый съезд рабочих, крестьянских и солдатских депутатов... работал в народном доме, который... сгорел в середине 20-х годов. В 1931 году на этом месте заложили жилой дом леспромхоза... Сруб этого здания привезен с одного из лесоучастков района. И выдавать существующую сейчас постройку за дом, в котором была провозглашена Советская власть, – значит фальсифицировать исторический факт» [11, с. 3].

Помимо прочего, полемика между комиссией ВООПИК и Р. Исуповым развернулась вокруг судьбы двух деревянных домов № 7 и № 10, расположенных на улице Просвещения. Как отмечал представитель РЭУ Тюменьэнерго, оба капитальных строения, в которых ранее размещались «белая» и «красная» школы, а до этого проживали купцы Иван Тетюцкий и Галактион Клепиков, основательно подгнили и требуют капитального ремонта. Наконец, как отмечал Р. Исупов, «купеческие дома не являются характерными для Сургута строениями. В них жили лишь несколько семей богатеев. Основная же масса населения проживала совершенно в иных условиях. Вся ценность оставшихся домов сводится к их

карнизному рисунку, оконным наличникам» [11, с. 3]. Поэтому, как резюмирует автор, вряд ли что-то изменится, если один из домов или оба будут демонтированы.

Исходя из вышеизложенного, мы полагаем, что в данный период закладывается основа для взаимного недопонимания между общественностью и ВООПИК – с одной стороны, и застройщиком микрорайона «Энергетиков» – с другой. У последнего, со слов Р. Исупова, на будущее этого пространства уже имелась своя концепция. В частности, планировалось в ближайшие три-четыре года построить современными пятиэтажными домами всю территорию от улицы Энергетиков до Гагарина [11, с. 3].

Наконец, после того как в городе завершила свою работу специальная комиссия ВООПИК и управления культуры, сургутский горисполком принимает решение № 241 от 22 декабря 1983 г., которое гласило: «Идя на встречу пожеланиям трудящихся, исполком городского Совета народных депутатов решил: 1. К 400-летию г. Сургута – одного из самых древних городов Западной Сибири – создать историко-этнографическую зону под открытым небом на основе наиболее ценных деревянных зданий, перенесенных с территории строительства микрорайона № 10. 2. Зону разместить на участке восточнее улицы Энергетиков, на берегу реки Саймы, постоянный уровень воды в которой будет обеспечиваться проектируемой плотиной» [8, с. 3]. Таким образом, проект культурно-просветительского комплекса окончательно обретает официальный статус и выходит на совершенно иной уровень. Уже в 1984 г., как отмечал П. Мунарев, занимавший в 1990 г. должность председателя городского отделения ВООПИК, у музейно-этнографической зоны появляется заказчик в лице объединения Тюменьэнерго, а также подрядчик – трест Запсибэнергожилстрой (Сургутэнергострой) [15, с. 3]. Помимо прочего, определённая доля обязанностей возлагалась на филиал ЛенЗНИИЭПа и архитектурную службу города. В этом же году планировалось приступить к непосредственному оформлению комплекса [7, с. 3].

Если говорить о причине такого выбора исполнителей, то по мнению Т. Самборского, являвшегося журналистом газеты «Сургутская трибуна», она исходила из ведомственных интересов РЭУ Тюменьэнерго. Поскольку, для энергетиков Старый Сургут являлся территорией, имеющей крайне выгодное месторасположение. Во-первых, он находился на высоком и сухом плато. Во-вторых, в случае осуществления здесь каких-либо строительных работ для подрядчика отпадала бы необходимость создания магистральной автодороги и других необходимых коммуникаций. В-третьих, объединение Тюменьэнерго имело бы возможность существенно снизить затраты по вводу в эксплуатацию микрорайона № 10, поскольку неподалёку уже возводились новые жилые массивы [21, с. 3]. Поэтому, энергетики просили руководство горисполкома передать эту территорию им, а взамен – они бы согласились выступить в качестве заказчика музейно-этнографической зоны. Когда же Старый Сургут, как историческое пространство, было полностью уничтожено, РЭУ Тюменьэнерго пошло на попятную и в 1991 г. вместе с генподрядчиком трестом Сургутэнергострой фактически самоустранилось от строительства зоны, оставив ее проблемы на плечах горисполкома [21, с. 3].

Примерно в это же время происходят очередные баталии вокруг выбора будущей концепции комплекса. Как отмечалось выше, А. Аболонин считал идею переноса Старого Сургута в другое место абсолютно бессмысленной. Ведь куда более проще отреставрировать имеющиеся деревянные строения. Поэтому главный архитектор города и директор краеведческого музея Л.В. Степанова обращаются к тогдашнему руководству горисполкома с предложением сохранить несколько не снесённых к тому моменту улиц, составлявших исторический центр Сургута. Они также озвучивают идею возвращения этим магистралям дореволюционных названий: Купеческая и Богородичная. Наконец, А. Аболонин рассматривал возможность открытия на берегу Бардаковки тематического трактира, отсылавшего своим меню к стародавним временам. Например, в его стенах можно было бы «испробовать различные сорта рыб и испить водки». Само же заведение могло располагаться в двухэтажном здании, которое стояло возле ресторана «Сибирь», от которого к 1991 г. остался лишь наличник, отправленный на хранение в краеведческий музей [21, с. 3].

После того, как Л.В. Степанова и А. Аболонин рассказали о своём плане шефу-председателю горисполкома О.Д. Марчуку, они получили решительный отказ, поскольку у последнего имелось собственное видение на проект музейно-этнографической зоны. Например, она должна была иметь солидный размах, собственную «изюминку» и включать в себя какой-нибудь острог или колоколенку [21, с. 3]. Видимо, здесь идёт речь о идее воссоздания старой Сургутской крепости, чертежи которой сохранились в Тобольском краеведческом музее [7, с. 3]. Несмотря на это, Л.В. Степанова предложила О.Д. Марчуку оставить на прежнем месте хотя бы здания краеведческого музея и музыкальной школы № 1, однако и здесь не было достигнуто компромисса. Так или иначе, в 1984 г. на строительство культурно-просветительского комплекса было выделено почти 2,5 млн рублей. Итоговая сумма могла быть значительно ниже, если бы была учтена позиция главного архитектора города, ведь тогда бы не пришлось выделять дополнительные средства на разборку домов, их дальнейшую транспортировку, сборку, а также рубку леса [21, с. 3].

Наравне с этим, в 1984 г. в общественном дискурсе проходит заочное обсуждение внутреннего наполнения историко-этнографической зоны, которое получило своё письменное выражение в статье Ивана Захарова «Музейная зона города». Согласно её содержанию, в состав культурно-просветительского комплекса предлагалось включить существовавший на тот момент автодорожный мост через реку, а также часть построек, находившихся по левую сторону Прямой вершины Саймы. У этого решения, видимо, было и своё обоснование. Поскольку, как отмечалось автором, историки считали, что именно на этом месте располагалась стоянка древних людей – урочище Бардака [7, с. 3]. Помимо прочего, переносу, согласно решению горисполкома, должны были подвергаться памятники деревянного зодчества в лице зданий городского музея и музыкальной школы

№ 1. Стоит обозначить, что они, как следует из статьи И. Захарова, выделялись на фоне остальных своим внешним нарядом, резьбой карнизов и наличников [7, с. 3].

Так или иначе, все постройки, которые теоретически могли бы быть перенесены в этнографическую зону, подвергались ранжированию и отбору. Ярким примером подобного подхода могут считаться дома 7 и 10 по ул. Просвещения. Они, как отмечает автор статьи, не относились к категории сооружений, характерных для Сургута, поскольку до революции в них жили купеческие семьи, когда основное население города проживало в совершенно иных условиях. Наконец, особняки сургутских крестьян и батраков не отличались особым нарядом. Однако, по мнению И. Захарова, такого рода сооружения не могли безвозвратно исчезнуть с карты города. Напротив, наиболее примечательные и уникальные образцы должны подвергнуться музеефикации. Например, речь шла о доме братьев Меньщиковых (ул. Зырянова), а также о небольших строениях с дворовыми постройками по улицам Республики, Просвещения, Гагарина [7, с. 3]. Давая историческую справку, заметим, что за строительством и декоративным оформлением музыкальной школы № 1 стоял сургутский мастер Иван Фёдорович Кайдалов. Что касается дома, расположенного по улице Республики, 32, то его возвела династия Логиновых – Пётр Савинович с сыновьями Александром, Петром и Михаилом. В свою очередь, строение, где в 1970-е гг. размещалась партийная библиотека, возводилось при участии талантливого мастера резьбы по дереву Фёдора Акинфовича Кайдалова [13, с. 4].

Переходя от инициатив и предложений к конкретным замыслам, стоит заметить, что в 1986 г. институт ЗапсибЗНИИЭП разработал проект музейно-этнографической зоны под авторством архитектора Вячеслава Дмитриевича Зайцева. Многие его предложения были одобрены на заседании градостроительного совета, который состоялся 16 января 1987 года [8, с. 3]. Концепция института заключалась в том, чтобы на месте, где в 1980-е гг. размещались рынок и станция технического обслуживания автомобилей «Жигули», создать площадку для более чем двух десятков старых домов, тем самым реализовать концепцию музея под открытым небом. В.Д. Зайцев предлагал разделить музейно-этнографическую зону на четыре секции. Первая и самая большая отводилась непосредственно под музейные функции. Второй сегмент передавался в пользование общественным организациям, в частности, обществу охраны памятников истории и культуры (ВООПИК), Союзу архитекторов, бюро путешествий и экскурсий. Третья часть закреплялась под нужды соцкультбыта. Предполагалось, что на территории музейно-этнографической зоны будет функционировать столовая с традиционными сургутскими «кушаньями» – пельменями, малосольной и вяленой рыбой, грибами, ягодой. Проект института ЗапсибЗНИИЭП предусматривал наличие магазинов, в которых сургутяне и гости города имели бы возможность приобрести сибирские сувениры, меха и кое-какую традиционную одежду (кумыш, бродни, ноговицы). Наконец, четвертая секция передавалась в пользование обслуживающему персоналу: сторожам, дворникам, техничкам, электрикам, сантехникам [8, с. 3]. Кроме того, по словам Т. Топилиной, занимавшей должность ответственного

секретаря сургутского отделения ВООПИК, разработанный проект музейно-этнографической зоны не только оговаривал пространства, отведённые под вышеперечисленные секции, но и включал в себя объекты с приобских поселений Сургутского района [28, с. 4].

Что касается практической стороны вопроса, то в 1986 г. проект культурно-просветительского комплекса столкнулся с рядом трудностей и преград. Например, это продолжающийся снос деревянной застройки Сургута в целях освобождения места под новые жилые кварталы. Стоит заметить, что жертвами реновации могли стать не только «рядовые» дома, но и строения, имеющие историческую ценность. Об этом, в частности, говорится в статье «Чтобы город не был безликим». В ней Ф.Я. Показаньев жалеет о том, что при сносе старых сооружений было уничтожено пять мемориальных досок, а общество и, в частности, местное отделение ВООПИК не предприняло каких-либо мер для их сохранения [18, с. 3]. Стоит признать, что наметившиеся негативные тенденции с годами только усиливались. В частности, в 1989 г. И. Захаров констатировал всё те же процессы: «Все меньше и меньше остается старых домов в деревянном Сургуте. Те, которые должны были встать на пьедестал памяти, идут под нож бульдозера да на костер» [8, с. 3].

Наравне с этим, вокруг музейно-этнографической зоны образовывается ещё один клубок проблем, связанный на этот раз с неудовлетворительным выполнением решений по сохранению культурного наследия Сургута. Об этом, в частности, пишет Т. Топилина: «город, который является центром энергетики Среднего Приобья, должен иметь своё лицо... Этой цели и должна служить историко-этнографическая зона. И все это понимают. Однако решения по сохранности исторической застройки Сургута выполняются неудовлетворительно. Объясняется это множеством причин, основной из которых является несогласованность в этом деле заказчика по застройке микрорайона № 10 РЭУ Тюменьэнерго, института ЗапсибЭНИИЭП, ВООПИК» [28, с. 4].

Так или иначе, несмотря на все вышеперечисленные трудности, в 1986 г. на городском уровне проходит совещание по вопросам создания историко-этнографической зоны, на котором обсудили состояние дел, определились с конкретными сроками исследовательских работ, разборки зданий, а также с площадкой под складирование переносимых объектов. Наконец, сотрудники института Спецпроектрестоврация провели обмерные работы, повторное обследование оставшейся застройки старого Сургута, уточнили список домов, подлежащих переносу, осуществили их фотофиксацию, а также занялись архивными изысканиями [28, с. 4].

Когда проектная деятельность вновь перешла в практическую плоскость перед специалистами возникла новая проблема, но уже иного плана. Как отмечала Т. Топилина, институт Спецпроектрестоврация остро нуждался в создании местного специализированного прорабского участка, поскольку на тот момент времени в Сургуте отсутствовали квалифицированные кадры, способные проводить специфичные работы по

разборке, реставрации, перевозке и восстановлению домов. Что-же до привлечения иногородних специалистов, то, по словам ответственного секретаря сургутского отделения ВООПИК, «у реставраторов... из Московского проектного института есть свои сложности, связанные с тем, что здания будут разбираться постепенно по мере того, как будет развиваться застройка данного жилого массива. Специалистов... приходится каждый раз вызывать по мере необходимости, создаются определенные неудобства для людей, налицо лишняя трата денежных средств. Кроме того, каждый раз возникает проблема с приобретением авиабилетов, и сотрудники института не всегда успевают прилететь в назначенный срок. Из-за таких задержек были снесены еще три усадьбы» [28, с. 4]. Поэтому, учитывая сложившуюся ситуацию, сургутская ячейка общества охраны памятников обратилась в областное отделение ВООПИК с просьбой о ходатайстве перед Министерством культуры РСФСР по созданию Сургутского прорабского участка от Тюменской или Тобольской реставрационной мастерских [28, с. 4].

Наравне со всем вышеперечисленным, с 1986 г. по 1987 г. происходит новый виток обсуждений, совещаний, за которым не последовало никаких конкретных дел [15, с. 3]. Например, 30 ноября 1987 г. местный горисполком принимает решение № 380 «О создании историко-этнографического комплекса в г. Сургуте». Согласно ему, как пишет С.И. Веселов, «генеральным пользователем историко-этнографического комплекса был утвержден Сургутский филиал областного краеведческого музея. Тем не менее, заказчиком строительства комплекса оставалось РЭУ Тюменьэнерго» [6, с. 87].

Ситуация начинает обретать новые очертания к концу 1980-х годов. С одной стороны, общественность города, в лице Ф. Показаньева, И. Захарова, А. Мясникова, А. Сибирцева и Е. Лоншаковой, выражала серьезную обеспокоенность на счёт темпов оформления комплекса [19, с. 4]. С другой – в феврале 1989 г. осуществляется вторичный срыв плана по созданию площадки для складирования материалов от снесенных домов. На этот раз, как отмечает С.И. Веселов, основная доля ответственности была возложена на Немцова и Судакова, занимавших должности руководителей треста «Запсибэнергожилстрой» [6, с. 87].

Как сообщает П. Мунарев, у музейно-этнографической зоны появился субподрядчик в лице московского кооператива «Эргос». Столичные специалисты принялись за сборку здания бывшей аптеки, которое было возведено в 1930 году [15, с. 3]. Однако, к сожалению, далее у кооператива «Эргос» возникли значительные трудности со снабжением и поддержкой со стороны ответственных лиц. Как пишет П. Мунарев: «Заказчик не обеспечил одним, подрядчик – другим. Другие организации не оказали помощи, и московские кооператоры, собрав лишь пять-шесть венцов здания, отбыли домой» [15, с. 3].

Немного по-иному на эту ситуацию смотрел Т. Самборский: в самом начале сотрудничества городских властей с кооперативом «Эргос» отношения между ними складывались в конструктивном ключе. Однако далее, как уже отмечалось выше, столичные специалисты начали жаловаться на недопоставку леса, а также обрушились с

критикой на горисполком. В общем и целом, по мнению Т. Самборского «москвичи занимались чем угодно, от бесконечных чаепитий до выяснений отношений с властями, но только не строительством и реставрацией домов» [21, с. 3]. Наконец, сотрудники «Эргоса» внезапно исчезли. При этом московская сторона никого не уведомила о сроках своего отсутствия. Однако, по прошествии нескольких месяцев, Г. Шалаев и его подчинённые вновь объявляются в Сургуте, чтобы получить деньги за проделанную работу. Решив все финансовые вопросы, столичные специалисты покинули город и больше сюда не возвращались [21, с. 3].

Наравне с этим, в 1989 г. общественность города начинает всё больше волновать проблема вандализма, которая напрямую влияла на будущее музейно-этнографической зоны. Благодаря чему, она и получает своё отражение на страницах периодической печати. В частности, речь идёт о письме Татьяны Егоровой, проживавшей на улице Просвещения. В нём она сообщает о том, что дома, предназначенные для мемориального комплекса, активно разрушают. Эти процессы описываются следующим образом: «По ночам то тут, то там вынимают оконные рамы, снимают разные наличники, вырывают полы, ломают потолки. А потом все это везут по дачным участкам. Разрушения продолжаются уже не один год. И нет никакой управы на ночных грабителей наших мемориальных ценностей» [8, с. 3]. К слову, в 1990 г. об аналогичной проблеме, но уже обрётшей более спланированный и скоординированный характер, пишет Т. Самборский: «Людмила Васильевна рассказывала, как растаскиваются дома. Только из них выселят людей, как на следующее же утро подъезжают грузовики, и бравые ребята принимаются за работу. Снимают наличники, доски, разбирают брус. Если кто-то из музейных работников требовал прекратить грабеж, ребята невозмутимо парировали: «А нам-то что? Нас прислали – вот мы и делаем» [22, с. 3].

Несмотря на имеющиеся трудности, в июне 1989 г. в исполкоме городского Совета народных депутатов состоялось совещание по подготовке к празднованию 400-летию Сургута. На нём был избран комитет по подготовке к юбилею, а также было принято решение об открытии счета в банке для создания фонда по подготовке к юбилею [5, с. 2]. Поскольку, как следовало из разработанной А.А. Бондерем концепции монументальной пропаганды, в ближайшее время предполагалось приступить к комплексному благоустройству Сургута [24, с. 2]. Что же до музейно-этнографической зоны, то, согласно планам комитета, к последнему воскресенью июня 1993 г. все работы по её формированию будут завершены [5, с. 2]. Однако ещё в мае того-же года И. Захаров отмечал отсутствие каких-либо серьёзных строительных работ в районе р. Саймы. В частности, он писал: «никто из нас не знает какова судьба проекта. По крайней мере, практического осуществления не видно... Пока у нас ведутся разговоры о музейно-этнографической зоне, в Ханты-Мансийске ее уже построили... Скоро музей под открытым небом будет в глухой деревушке Варьеган. А у нас на том месте, где должны стоять памятники истории и

культуры, всё еще латают «Жигули», торгуют семечками, аквариумными рыбками, а по воскресеньям втридорога продают сапоги да шапки» [8, с. 3].

Неопределённость вокруг памятников деревянного зодчества волновала и жителей Старого Сургута. В открытом письме, отправленном в редакцию местной газеты, они писали: «Не без интереса относимся и к судьбе пока еще существующих трех старых строений – зданиям музыкальной школы № 1, музея и бывшей амбулатории. Состояние двух первых еще как-то поддерживается, правда, без особых стараний и желания. Здание бывшей амбулатории вообще находится в прозябании и забвении. Сорваны с половины окон наличники, крыша разрушается, вокруг свалка металлолома, во дворе – «филиал» автобазы... Что ждет их в будущем? Перенос, случайный костер или нож бульдозера?» [3, с. 2]. Их опасения, к сожалению, оправдались. В 1990 г. музыкальная школы № 1 была безвозвратно утрачена во время пожара. Печальная участь постигла и дом, в котором функционировала сургутская амбулатория. До наших дней в первоизданном виде сохранилось лишь здание краеведческого музея, в котором до 1958 г. располагалась «Красная школа», а в настоящее время функционирует структурное подразделение краеведческого музея [9].

С наступлением нового десятилетия ситуация вокруг музейно-этнографической зоны не претерпела значимых изменений. В 1990 г., после того как было прекращено сотрудничество с московским кооперативом «Эргос», трест Сургутэнергострой привлек к строительству местный кооператив «Комплекс» [15, с. 3]. Однако, как и в предыдущий раз, к долгожданному перелому сложившейся ситуации это решение не привело. В частности, как отмечает П. Мунарев: «И снова совещания. В отличие от прошлых лет, на них не возникает вопросов – всё ясно и понятно. Силы есть, материалы есть. Было четко расписано: один отвечает за то, другой – за то-то, третий – за третье. Что в результате? В результате все та же безответственность. По-прежнему жильцы из оставшихся домов этой зоны не отселяются, не решаются вопросы переноса городского рынка и станции технического обслуживания, не разбираются в старом Сургуте освобожденные здания. Значит, и 1990 год пройдет впустую, и работы по зоне не начнутся» [15, с. 3].

Наконец, если более обстоятельно говорить о ситуации на отведенном участке работ, то к 1990–1991 гг., как пишет Т. Самборский, стройплощадка музейно-этнографической зоны выглядела весьма непрезентабельно: «Бродят сонные рабочие из кооператива «Комплекс», изнывают от безделья и жары. Насчитал пятерых, но говорят, что всего их десять... Они могут выполнять только комплексные работы: траншеи вырыть, канализацию проложить. Ну, – если очень постараться – фундамент дома положить. Работа с деревом для них – темный лес» [21, с. 3]. Таким образом, как можно заметить по общей тональности публикаций, к началу 1990-х годов проблема окончательного перехода проекта из бюрократической плоскости в практическую так и не была полностью решена. Да, определенная работа велась, но она носила волнообразный характер. То загоралась, то через непродолжительное время снова затухала, тем самым вновь перетекая в бумажную

волокиту. Это промедление, как отмечалось выше, не прошло бесследно и множество памятников деревянного зодчества было утрачено. Среди таковых был дом, в котором с 1920–1921 гг. жил секретарь Сургутского уездного комитета РКП(б) А.П. Зырянов [6, с. 87]. Несмотря на это, перезревший вопрос так и оставался таковым до конца 1991 года. Во многом, как уже отмечалось выше, это стало возможным благодаря незаинтересованности заказчика в реализации собственного проекта, о которой к концу существования СССР он заявлял напрямую. Например, Б.И. Бездетный, занимавший должность начальником ОКСа непромышленных объектов ТПОЭиЭ Тюменьэнерго, говорил следующие: «Я лично считаю, что это лишняя трата денег» [21, с. 3].

Примерно в это же самое время вокруг кооператива «Комплекс» начал назревать конфликт между ТПОЭиЭ Тюменьэнерго и трестом Сургутэнергостроем. Он заключался в том, что рабочим этого объединения не выплачивали зарплату на протяжении почти трёх месяцев. Каждая из сторон снимала с себя ответственность и не желала брать дополнительных финансовых издержек [21, с. 3].

Стоит признать, что ранее обозначенный конфликт между заказчиком и генеральным подрядчиком музейно-этнографической зоны стал возможен из-за нарастающих противоречий между руководителями двух ведомств по вопросам реализации проекта. Градус напряжённости между объединением Тюменьэнерго и трестом Сургутэнергостроем был настолько высок, что чуть не обернулся сокращением жилищного фонда для последнего и отставкой его генерального директора. Всё это, наконец, привело к тому, что на очередном заседании президиума горсовета управляющий трестом Сургутэнергострой С.И. Ершов заявил о нежелании участвовать в строительстве музейно-этнографической зоны. Поскольку, во-первых, это не его профессиональная компетенция, а, во-вторых, всю ответственность за имеющиеся просчёты хотят возложить сугубо на его трест [21, с. 3]. По итогу внутриведомственной конфронтации в 1991 г. проект культурно-просветительского комплекса остался фактически без генподрядчика, финансирование строительно-монтажных работ было прекращено [6, с. 88].

Возвращаясь в 1990 год, заметим, что на фоне всепоглощающей инертности и уничтожения культурного наследия, в периодической печати вновь поднимается вопрос пренебрежительного отношения к исторической памяти. Например, зав. отделом объединения добровольческого труда молодёжи «Содружество» А. Фролов так характеризовал сложившуюся в те годы проблему: «Разрушение самобытных культур отозвалось однообразными жилищными коробками и городами... К сожалению, есть память народная, а есть – официальная, которой не нужна культура. Для неё важнее показатели. Ведомственный Сургут – классический образчик. Снесены старинные постройки, срыты уникальные очаги многовековой человеческой культуры. Зато построена большая трубная база... Битва за нефть продолжается. Вот только ради кого?» [29, с. 2].

Чуть ранее в редакцию газеты «К победе коммунизма» приходит письмо от Т.И. Кейнер, в котором также угадываются завуалированные обвинения в бездействии, адресованным ответственным лицам: «Мы ходим и не понимаем, что каждый день – это история. И мы ее безвозвратно теряем. Уже на второй день Советской власти петроградский Совет народных депутатов выступил с обращением о сохранении исторических памятников. А мы? ... Старый город безвозвратно потерял, а могли бы сделать такой этнографический уголок!» [27, с. 2]. Примечательно, что в этом же газетном материале приводится и ответ на поставленный тов. Кейнер вопрос. Его дал В.И. Унжак, занимавший должность главного архитектора города: «Создание историко-этнографической зоны волнует нас всех. Но заказчик Тюменьэнерго тихо саботирует строительство. Если это объединение не начнет работу, надо ставить вопрос о прекращении строительства жилых домов объединения в 10-м и 25-м микрорайонах» [27, с. 2].

Образовавшийся вакуум вокруг музейно-этнографической зоны, не мог существовать бесконечно. В частности, это подкрепляется ноябрьской заметкой «Музей уйдёт последним!», в которой журналисты газеты «Сургутская трибуна» характеризуют сложившуюся ситуацию следующим образом: «Сдвинется ли наконец проблема музейно-этнографической зоны? ... В следующий четверг директор объединения Тюменьэнерго... В.П. Соколов проводит у себя совещание, на котором и будет обсуждаться этот вопрос. На такой шаг он вынужден был пойти после упорного давления депутатов горсовета и прежде всего директора музея Л.В. Степановой» [14, с. 3].

Работники краеведческого музея, видимо, окончательно свыкаются с мыслью, что «спасение утопающих – дело рук самих утопающих». Поэтому, они принимают решение ни под каким предлогом не покидать территорию музея. Сама же ситуация вокруг него, как отмечали журналисты газеты «Сургутская трибуна», вызвала в 1990 г. тревогу: «Неизвестна судьба здания, в котором располагается... сургутский музей. Музейные работники поставили категорическое условие: переносить дом в этнографическую зону в последнюю очередь! Иначе уникальное здание постигнет участь десятков других старинных построек, так и не представших перед посетителями музея» [14, с. 3]. Как писал и Т. Самборский, «как только дверь закроется за последним музейным сотрудником, здание сразу растащат по бревнышкам, и от него не останется ничего» [22, с. 3].

За полгода до описанных выше событий в городе происходит ключевой эпизод всего 1990 года. В здании музыкальной школы № 1 в ночь с 5 на 6 мая происходит возгорание, приведшее к полному уничтожению памятника архитектуры. Эта новость в местной периодической печати вызвала эмоциональную реакцию. Например, Т. Самборский, характеризовал произошедший пожар следующим образом: «Четырехсотлетняя история нашего города, похоже, завершается... На смену памятникам деревянного зодчества... пришли холодные и одноликие бетонные коробки. Единственным уникальным деревянным зданием, которое еще не уничтожено, является музей... Во всяком случае, то, чего так

некоторые хотели, свершилось: школа уничтожена. Она и музей особенно мешали в последние годы, когда вокруг развернулось строительство нового микрорайона» [23, с. 3].

В свою очередь, П. Мунарев указывает на то, что с осени прошлого года здание музыкальной школы № 1 стояло совершенно пустым, ничем не задействованным [15, с. 3]. Наконец, в июне того-же года Т. Самборский, ранее озвучивший версию с «недоброжелателями», публикует на страницах газеты «Сургутская трибуна» статью «Уничтожение», в которой приводит следующие аргументы в пользу своей гипотезы. Во-первых, милиция отказалась заводить уголовное дело по причине нулевой стоимости объекта. Во-вторых, с весны 1991 г. в здании школы был отключён свет, из-за чего версия с неисправной электропроводкой выглядит нелепой. В-третьих, до пожара здесь хранилось оборудование и новая теплая одежда, оставленная кооперативом «Эргос», а также инструменты второй музыкальной школы. Утром 6 мая, после происшествия, ничего из вышеперечисленного здесь не оказалось [22, с. 3]. Так или иначе, со своей стороны заметим, что говорить однозначно о правомерности выдвинутых Т. Самборским обвинений ложно, поскольку, как следует из его же статьи, местные органы правопорядка отказались возбуждать уголовное дело, из-за чего произошедшему возгоранию так и не была дана правовая оценка.

Так или иначе, до трагических событий мая 1990 г. ситуация вокруг музыкальной школы № 1 характеризовалась, как крайне напряжённая. Сначала директор краеведческого музея Л.В. Степанова выступила с предложением разместить в здании школы хранилище, а также помещение для обработки экспонатов, что позволило бы осуществлять надлежащий надзор за памятником деревянного зодчества. Однако, несмотря на пустующие рядом дома, городские власти принимают иное решение и предоставляют помещения музыкальной школы № 1 реставраторам из московского кооператива «Эргос». Далее, в здании происходит череда прорывов тепло-отопительных сетей, спровоцировавших затопление всей площади деревянного строения, что не могло не отразиться на его состоянии. Со своей стороны, работники краеведческого музея вызвали комиссию, состоящую из членов ВООПИК, тогдашнего заместителя председателя горисполкома А.Л. Сидорова, а также главного архитектора города В.И. Унжакова. Однако никаких результатов она не принесла [22, с. 3]. Наконец, как пишет Т. Самборский: «Степанова поставила перед городским руководством вопрос ребром: если не в состоянии сами принять меры, оформляйте документы, что школа переходит на баланс музея, и я сама займусь этим вопросом. Такой документ был принят..., и Степанова сразу же отрезала у школы отопление и отключила свет. Сделать что-то более радикальное она и её коллеги не могли, а со стороны ответственных лиц они, естественно, не встречали ни малейшей поддержки... Ну, а итог у всей этой печальной истории известен» [22, с. 3].

Наконец, стоит сказать несколько слов о самих памятниках деревянного зодчества, которые навсегда были утрачены из-за необдуманной градостроительной политики. К

концу 1991 г. «чёрная летопись» потерь выглядела следующим образом. Несколько строений было уничтожено во время пожара. К таковым можно отнести здание музыкальной школы № 1, считавшееся памятником архитектуры республиканского значения, дом по улице Советская, 3, который был построен в конце XVIII века, а также терема, располагавшиеся по адресу ул. Мостовая, 5 и Красноармейская, 3 (начало XIX века). Последний, к слову, сгорел непосредственно перед переносом в музейно-этнографическую зону. Вторую категорию составляют те капитальные сооружения, которые подверглись целенаправленному сносу и демонтажу. Это бывший жилой дом священнослужителя Троицкого собора, датируемый концом XIX века (ул. Гагарина, 8), а также ещё 7 строений (ул. Просвещения, 19 / Республики, 45 / Республики, 17 / Кайдалова, 3 / Республики, 12 / Республики, 8 / Свободы, 18). Последнюю группу памятников деревянного зодчества XVIII – начала XX вв. составляют те дома, которые по разным причинам были разобраны. Один из них – здание бывшей аптеки, которое в 1989 г. рассортировал на составные части кооператив «Эргос». Что касается капитального строения, относящегося к улице Просвещения, 5, то оно было снесено при строительстве общежития и только потом уже растаскано дачниками. Незавидная судьба и у бывшего дома купца Силина (Республики, 7), в котором в советское время размещалась станция скорой помощи. Несмотря на то, что он имел статус памятника архитектуры местного значения, в 1991 г. его продолжали разбирать по бревнышку дачники и просто «любители старины». Аналогичная судьба постигла и строение по адресу улица Просвещения, 1 [21, с. 3].

Если подводить определённую черту под проектом музейно-этнографической зоны, то к началу июня 1990 г. ситуация вокруг него окончательно обретает бедственное и, возможно, безвыходное положение. Общий масштаб культурной катастрофы наглядно описывается Т. Самборским: «Из восемнадцати домов, подлежащих переносу в музейно-этнографическую зону, сохранились всего четыре!» [22, с. 3]. В этих условиях сама концепция музея под открытым небом не могла быть реализована в полной мере. Хотя, справедливости ради, на заседании оргкомитета по подготовке 400-летия Сургута, которое состоялось во второй декаде июля 1991 г., В.П. Замятина, занимавшая пост председателя комитета районного Совета народных депутатов, предлагала перенаправить все имеющиеся силы на реализацию проекта этнографической зоны [10, с. 1]. Наравне с этим, в периодической печати оговаривалась идея воссоздания точных копий, ранее утраченных памятников деревянного зодчества. Впрочем, эта инициатива вызывала ряд вопросов, касающихся аспектов точности реплик и их аутентичности [21, с. 3]. Так или иначе, всю полноту ответственности за сохранность домов, подлежащих музеефикации, как отмечает Т. Самборский, должны разделить между собой объединение Тюменьэнерго и трест Сургутэнергострой. Под ударом оказались и городские органы власти, которые приняли решение о размещении культурно-просветительского комплекса не в историческом центре Сургута, как предлагал это сделать А. Аболонин, а почти в километре от него, из-за чего

появилась необходимость в транспортировке на новое место десятка деревянных домов [22, с. 3].

Подводя итоги, стоит признать, что проект историко-этнографической зоны так и не был воплощён в жизнь. На это было несколько причин. Во-первых, не стоит полностью исключать фактор ведомственных интересов объединения Тюменьэнерго, главной целью которого являлось возведение и эксплуатация электростанций, а также сооружение нового жилого микрорайона на историческом месте города [6, с. 87]. Помимо прочего, на протяжении всего периода оформления этнографической зоны, как отмечали современники, наблюдался тихий саботаж принятых решений. При всём при этом, на попрание застройщика, как ни странно, нечего подобного со стороны Тюменьэнерго мы не наблюдаем. В добавок ко всему, странной выглядит ситуация вокруг пожара в здании музыкальной школы № 1, где не исключалась версия с поджогом. Во-вторых, это отсутствие должной реакции властей и ВООПИК на ряд вышеописанных событий, происходивших вокруг проекта. Некоторые строения обладали статусом памятника архитектуры местного или республиканского значения, а также имели на своих фасадах мемориальные доски. Следовательно, они должны были находиться под защитой. На практике же, мы наблюдаем безразличие, вылившееся в неконтролируемый снос исторической застройки.

По результатам необдуманной градостроительной политики, Старый Сургут, считавшийся ярким примером пространства с архитектурным и историческим наследием, был безвозвратно утрачен. Его уничтожение нанесло значительный урон идентичности города, который невозможно восполнить, какие бы усилия не предпринимались. В 1996 г. местные власти приняли решение о создании Историко-культурного центра «Старый Сургут», состоящего из точных реплик ранее существовавших памятников архитектуры [26]. Однако, как нам кажется, это всего лишь симулякр – имитация исторического пространства. В общем и целом, если характеризовать всю градостроительную политику тех лет, осуществляемую в этом районе, то, как отмечает И.Н. Стась: «Историческая преемственность при становлении нового промышленного Сургута скорее имела форму подавления и разрушения предшествующего поселения, его традиций и культуры» [25, с. 23].

Литература

1. Аболонин А. Сохраним для потомков // К победе Коммунизма. № 177 (1982): 10 октября.
2. Батищева Г. Урбанист, архитектор и старожилы – про сценарии развития Сургута, которым не суждено было сбыться // ugra-news.ru. <https://clck.ru/3DM7hR>

3. Белкина А., Тверетина М., Кушникова Т. И другие. Это нашего сердца память // К победе Коммунизма. № 134 (1989): 15 июля.
4. Буканина М. Мемориал на самом видном месте // К победе Коммунизма. № 187 (1982): 24 сентября.
5. Васильев В. К 400-летию Сургута // К победе Коммунизма. № 113 (1989): 14 июня.
6. Веселов С. И. Условия создания и становления историко-культурного центра «Старый Сургут»: К проблеме сохранения исторической застройки (конец 1960-х – начало 2000-х гг.) // Российское могущество прирастать будет Сибирью. Сб. статей. Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти И. П. Захарова. Сургут: Издательский центр, 2023. С. 85-89. <https://clck.ru/3DM7Dj>
7. Захаров И. Музейная зона города // К победе Коммунизма. № 49 (1984): 12 марта.
8. Захаров И. Рвутся нити памяти // К победе Коммунизма. № 92 (1989): 16 мая.
9. Захарова Л. Ветер перемен. В Сургуте после ремонта открыт дом купца Клепикова // siapress.ru. <https://clck.ru/3DM7pE>
10. Иванников Н. Между прошлым и будущим // Сургутская трибуна. № 135 (1991): 18 июля.
11. Исупов Р. Название утеряно // К победе Коммунизма. № 247 (1983): 24 декабрь.
12. Красовитова Э.С. Процессы урбанизации в эпоху активного освоения севера Сибири (на примере города Сургута) // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2019. № 3. С. 130-136. <https://clck.ru/3DM8N8>
13. Кружева нашего города // К победе Коммунизма. № 35 (1970): 21 марта.
14. Музей уйдёт последним // Сургутская трибуна. № 213 (1990): 2 ноября.
15. Мунарев П. В разомкнутой цепи разговоров // Сургутская трибуна. № 100 (1990): 26 мая.
16. Нечушкин А. Новый пейзаж поля // К победе Коммунизма. № 19 (1970): 12 февраля.
17. Никифоров Е. Будущий Сургут и будущее Сургута // К победе Коммунизма. № 14 (1971): 3 февраля.
18. Показаньев Ф. Чтобы город не был безликим // К победе Коммунизма. № 25 (1986): 5 февраля.
19. Показаньев Ф., Захаров И., Мясняков А., Сибирцев А., Лоншакова Е. Что будет с музеем // К победе Коммунизма. № 70 (1988): 12 апреля.
20. Походенко А. Рукой подать до будущего // К победе Коммунизма. № 71 (1970): 13 июня.
21. Самборский Т. Резервация // Сургутская трибуна. № 143 (1991): 30 июля.
22. Самборский Т. Уничтожение // Сургутская трибуна. № 106 (1990): 5 июня.
23. Самборский Т. Уничтожение // Сургутская трибуна. № 98 (1990): 24 мая.
24. Сенькина З. И век идёт на смену веку // К победе Коммунизма. № 121 (1989): 24 июня.

25. Стась И.Н. Сургут: Образы и пространства «нефтяного города» // Культурная и гуманитарная география. 2013. Т. 2. № 1. С. 18-27. <https://clck.ru/3DM8CU>
26. Страницы истории // Старый Сургут. Историко-культурный центр. <https://clck.ru/3DM7wU>
27. Тименкова И. Всё было тогда голубым и зелёным // К победе Коммунизма. № 59 (1990): 24 марта.
28. Топилина Т. Чтобы сохранять память // К победе Коммунизма. № 135 (1986): 12 июля.
29. Фролов А. Северная провинция // Сургутская трибуна. № 99 (1990): 25 мая.
30. Чтоб не прерывалась связь времён // К победе коммунизма. № 224 (1983): 19 ноября.

References

1. Abolonin, A. (1982). Sokhranim dlya potomkov. *K pobede Kommunizma*. № 177. 10 oktyabrya. (in Russ.).
2. Batishcheva, G. Urbanist, arkhitekto i starozhily — pro stsenarii razvitiya Surguta, kotorym ne suzhdeno bylo sbyt'sya // *ugra-news.ru*. (in Russ.). <https://clck.ru/3DM7hR>
3. Belkina, A., Tveretina, M., Kushnikova, T. (1989). Eto nashego serdtsa pamyat' // *K pobede Kommunizma*. № 134. 15 iyulya. (in Russ.).
4. Bukanina, M. (1982). Memorial na samom vidnom meste. *K pobede Kommunizma*. № 187. 24 sentyabrya. (in Russ.).
5. Vasiliev, V. (1989). K 400-letiyu Surguta. *K pobede Kommunizma*. № 113. 14 junya. (in Russ.).
6. Veselov, S.I. (2023). Usloviya sozdaniya i stanovleniya istoriko-kul'turnogo tsentra «Staryy Surgut»: K probleme sokhraneniya istoricheskoy zastroyki (konets 1960-kh – nachalo 2000-kh gg.). *Rossiyskoye mogushchestvo prirastat' budet Sibir'yu*. Sb. staej. Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati I. P. Zakharova. Surgut: Izdatel'skiy tsentr, S. 85-89. (in Russ.). <https://clck.ru/3DM7Dj>
7. Zakharov, I. (1984). Muzeynaya zona goroda. *K pobede Kommunizma*. № 49. 12 marta. (in Russ.).
8. Zakharov, I. (1989). Rvutsya niti pamyati. *K pobede Kommunizma*. № 92. 16 maya. (in Russ.).
9. Zakharova, L. Veter peremen. V Surgute posle remonta otkryt dom kuptsa Klepikova // *siapress.ru*. (in Russ.). <https://clck.ru/3DM7pE>
10. Ivannikov, N. (1991). Mezhdru proshlym i budushchim. *Surgut tribune*. № 135. 18 iyulya. (in Russ.).

11. Isupov R. (1983). The name is lost. *K pobede Kommunizma*. № 247. 24 dekabrya. (in Russ.).
12. Krasovitova, E.S. (2019). Protsessy urbanizatsii v epokhu aktivnogo osvoyeniya severa Sibiri (na primere goroda Surguta). *Vestnik Nizhnevertovskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 3. S. 130-136. (in Russ.). <https://clck.ru/3DM8N8>
13. Kruzheva nashego goroda (1970). *K pobede Kommunizma*. № 35. 21 mar. (in Russ.).
14. Muzey uydot poslednim (1990). *Surgut tribune*. №213. 2 nov. (in Russ.).
15. Munarev, P. (1990). V razomknutoy tsepi razgovorov. *Surgut tribune*. № 100. 26 maya. (in Russ.).
16. Nechushkin, A. (1970). Novyy peyzazh polya. *K pobede Kommunizma*. № 19. 12 fevralya. (in Russ.).
17. Nikiforov, E. (1971). Budushchiy Surgut i budushcheye Surguta. *K pobede Kommunizma*. № 14. 3 fevralya. (in Russ.).
18. Pokazaniev, F. (1986). Chtoby gorod ne byl bezlikim. *K pobede Kommunizma*. № 25. 5 fevralya. (in Russ.).
19. Pokazaniev, F., Zakharov, I., Myasnyakov, A., Sibirtsev, A., & Lonshakova, E. (1988). Chto budet s muzeyem // To the victory of communism. № 70. 12 aprelya. (in Russ.).
20. Pokhodenko, A. (1970). Rukoy podat' do budushchego // *K pobede Kommunizma*. № 71. 13 iyunya. (in Russ.).
21. Samborsky, T. (1991). Rezervatsiya. *Surgut tribune*. № 143. 30 iyulya. (in Russ.).
22. Samborsky, T. (1990). Unichtozheniye. *Surgut tribune*. 1990. № 106. 5 iyunya. (in Russ.).
23. Samborsky, T. (1990). Unichtozheniye. *Surgut tribune*. № 98. 24 maya. (in Russ.).
24. Senkina, Z. (1989). I vek idot na smenu veku. *K pobede Kommunizma*. № 121. 24 iyunya. (in Russ.).
25. Stas', I.N. (2013). Surgut: Obrazy i prostranstva «neftyanogo goroda». *Kul'turnaya i gumanitarnaya geografiya*. T. 2. №1. S. 18-27. (in Russ.). <https://clck.ru/3DM8CU>
26. Stranitsy istorii // *Staryy Surgut. Istoriko-kul'turnyy tsentr*. (in Russ.). <https://clck.ru/3DM7wU>
27. Timenkova, I. (1990). Vso bylo togda golubym i zelonym. *K pobede Kommunizma*. № 59. 24 marta. (in Russ.).
28. Topilina, T. (1986). Chtoby sokhranyat' pamyat'. *K pobede Kommunizma*. № 135. 12 iyulya. (in Russ.).
29. Frolov, A. (1990). Severnaya provintsiya. *Surgut tribune*. № 99. 25 maya. (in Russ.).
30. Chtob ne preryvalas' svyaz' vremon (1986). *K pobede Kommunizma*. № 224. 19 noyabrya. (in Russ.).

дата поступления: 28.08.2024

дата принятия: 22.10.2024

© БЫЗОВ О.И., 2024

УДК 73.03:94(470+571.12)

<https://doi.org/10.36906/2311-4444/24-4/10>

Макарова Е.О.

ВОЕННЫЕ МЕМОРИАЛЫ ТЮМЕНИ В 1967–1987 гг. (по материалам ГБУТО ГАСПИТО): ФОРМИРОВАНИЕ, СОХРАНЕНИЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ

Е.О. Makarova

WAR MEMORIALS IN TYUMEN IN 1967–1987 (materials of the GBUTO GASPITO): FORMATION, PRESERVATION AND USE

Аннотация. Одним из значимых периодов российской истории является Великая Отечественная война. С целью увековечения событий 1941–1945 гг. во многих советских городах был сформирован военно-мемориальный ландшафт. Основной этап складывания коммеморативных знаков в единый комплекс осуществлялся в эпоху Брежнева. Доминантами Тюменского ансамбля военных памятников по праву можно считать мемориалы. Цель статьи – выявить проблемы, связанные с процессом формирования, сохранения и использования военных мемориалов Тюмени в 1967–1987 гг. Работа основана на материалах документов из фондов Государственного архива социально-политической истории Тюменской области. В статье исследован военный мемориал Тюмени, расположенный на площади «Памяти», в состав которого входит объект культурного наследия регионального значения, памятник истории «Братская могила советских воинов, умерших от ран в госпиталях г. Тюмени в годы Великой Отечественной войны в 1941–1945 гг.» и «Памятник на месте братской могилы умерших от ран в госпиталях Тюмени», а также комплекс, размещенный на Исторической площади, включающий «Монумент погибшим воинам Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». Методология работы базируется на принципах объективности и историзма, применяются сравнительный и описательный методы исследования. В статье представлены динамика и особенности конструирования военных мемориалов Тюмени. Отмечена роль Городского общества охраны памятников в реализации программ, ориентированных на их создание. Затронут вопрос использования объектов в качестве средства формирования чувства идентичности и коллективной памяти горожан. Особое внимание уделено обозначению проблем, связанных с реализацией государственной и общественной деятельности, направленной на сохранение рассматриваемых объектов. Полученные выводы

Annotation. One of the significant periods of Russian history is the Great Patriotic War. In order to immortalize the events of 1941–1945, a war-memorial landscape was formed in many Soviet cities. The main stage of folding of commemorative signs into a single complex was carried out during the Brezhnev era. Memorials can rightfully be considered the dominants of the Tyumen ensemble of “military” monuments. The purpose of the article is to identify the problems associated with the process of formation, preservation and use of Tyumen war memorials in 1967–1987. The work is based on the documents from State Archive of Social and Political History of the Tyumen Region. The article examines the Tyumen war memorial located on the “Memory” square, which includes a cultural heritage site of regional significance, the historical monument “Mass grave of Soviet soldiers who died from wounds in hospitals in Tyumen during the Great Patriotic War in 1941–1945” and “Monument at the site of the mass grave of those who died from wounds in hospitals in Tyumen”, as well as the complex located on the Historical square, including the “Monument to the fallen soldiers of the Great Patriotic War of 1941–1945”. The methodology of the work is based on the principles of objectivity and historicism, comparative and descriptive methods of research are applied. The article presents the dynamics and peculiarities of construction of Tyumen war memorials. The role of the City society for the protection of monuments in the implementation of programs aimed at their creation is noted. The question of using the objects as a means of forming the identity and collective memory of the citizens is touched upon. Special attention is paid to the problems associated with the implementation of state and public activities aimed at the preservation of the objects in question. The conclusions

конкретизируют результаты работы исследователей, обратившихся к изучению истории складывания коммеморативных знаков, посвященных событиям Великой Отечественной войны в самостоятельные комплексы. Рассмотрение процесса трансформации военных мемориалов Тюмени, осуществляемого городскими властями в настоящее время, требует отдельного исследования.

Ключевые слова: военный мемориал, объект монументального искусства, Великая Отечественная война, Тюмень, документ.

Сведения об авторе: Макарова Елена Олеговна, ORCID: 0000-0002-4482-1447, Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Россия, elenamakarovauj@gmail.com.

obtained concretise the results of the work of researchers who have addressed the study of the history of the formation of war memorials in Soviet Russia. Consideration of the process of transformation of Tyumen war memorials carried out by the city authorities at present requires a separate study.

Keywords: war memorial, monumental art object, Great Patriotic War, Tyumen, document.

About the author: Elena O. Makarova, ORCID: 0000-0002-4482-1447, University of Tyumen, Tyumen, Russia, elenamakarovauj@gmail.com.

Макарова Е.О. Военные мемориалы Тюмени в 1967–1987 гг. (по материалам ГБУТО ГАСПИТО): формирование, сохранение и использование // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2024. №4(68). С. 115-129. <https://doi.org/10.36906/2311-4444/24-4/10>

Makarova, E.O. (2024). War Memorials in Tyumen in 1967–1987 (Materials of the GBUTO GASPITO): Formation, Preservation and Use. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*, (4(68)), 115-129. (in Russ.). <https://doi.org/10.36906/2311-4444/24-4/10>

С началом Великой Отечественной войны реализация многих монументальных проектов, запланированных на уровне совнаркомов РСФСР, была приостановлена. В качестве первоочередной задачи стало увековечение героев войны еще до ее окончания [8, с. 78]. В период с 1941 г. по 1945 г. несмотря на трудности времени, в стране продолжала развиваться скульптура: сооружались памятники и статуи [12, с. 418].

После 1945 г. осуществление государственной деятельности, направленной на формирование, использование и сохранение городского монументального ландшафта было продолжено. В 1948 г. Совет Министров СССР принял постановление «О мерах улучшения охраны памятников культуры», согласно которому к категории исторических памятников были отнесены сооружения, связанные с событиями Великой Отечественной войны [18, с. 5-7]. Постановлением СМ РСФСР № 373 от 28.05.1949 г. была утверждена инструкция о порядке учета и регистрации памятников, которая обязывала органы культуры брать на учет исторические памятники мемориального значения, могилы и др. [25, с. 31].

Стоит подчеркнуть, что в 1966 г. «...в целях оказания помощи государственным органам в сохранении исторического и культурного наследия» было создано Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (далее – ВООПИиК) [19, с. 512], которое проводило «работу по выявлению, учёту, организации охраны и популяризации памятников истории и культуры» [4, л. 244]. Реализация же программ, направленных на создание, сохранение и использование объектов военно-монументального искусства в Тюмени неотделимо связана с деятельностью Тюменского областного отделения

Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (далее – ТОО ВООПИиК) [4, л. 258].

С целью сохранения возведенных объектов мемориального наследия над многим из них было организовано «шефство». Президиумами райотделений ВООПИиК решался вопрос «о шефстве предприятий и учебных заведений над памятниками района» с целью их сохранения в ландшафте города, либо проведение месячника «по благоустройству территории у памятников и мемориальных домов» [6, л. 15].

Стоит отметить, что под словосочетанием «Военные мемориалы» автор рассматривает комплексы мемориальных объектов, ныне включающие памятники, пилоны, Вечный огонь и другие художественные элементы, посвященные событиям Великой Отечественной войны. Одним из таких комплексов является мемориал, расположенный на площади "Памяти" (далее - мемориал № 1).

Расположение Тюмени в тылу военных действий способствовало размещению в городе сети госпиталей. Умерших хоронили «на южной окраине городского кладбища» [11, с. 234]. Кладбище, размещенное с 1885 г. на восточной окраине Тюмени, по имени купца А.И. Текутьева было названо Текутьевским [21]. В 1954 г. могилы находились «в запущенном состоянии», не на всех были размещены надмогильные надписи и вообще территория «поросла бурьяном» [11, с. 234]. В следующем году останки перезахоронили в братскую могилу, над которой установили памятник [30, с. 68]. Данный монумент можно условно считать отправной точкой в формировании военных мемориалов Тюмени. Надгробный знак коммеморации был установлен в 1955 г. [5, л. 37]. По проекту архитектора В.А. Бешкильцева объект представлял собой коленопреклоненного воина со знаменем в руках [22, с. 138; 30, с. 68]. По мнению исследователей, в скульптурной композиции памятников, установленных до конца 1950-х гг., доминантой являлась фигура солдата. Зачастую объект содержал элементы, выражающие чувство скорби и доблесть воинов Советской армии [1, с. 346].

По прошествии лет, памятник стал нуждаться в реставрации. Особенно серьезно пострадали коммеморативные знаки, выполненные из недолговечных материалов [15]. Исследователи указывают, что объекты, установленные в тыловых населенных пунктах в первые годы после Победы, были изготовлены из дешевого материала (дерево, бетон) [1, с. 346]. Так в Решении № 24 Исполнительного Комитета Тюменского городского Совета депутатов трудящихся (далее – Решение № 24) подчеркнуто, что разрушающийся мемориал необходимо «до 1 июля 1967 года капитально отремонтировать» [4, л. 208–208а]. Согласно данным другого источника, на Заседании Совета ТОО ВООПИиК от 30.03.1967 г. «Памятник на братской могиле на городском кладбище в 1967 г. будет приведен в порядок» [4, л. 38].

Наряду с реставрацией памятника перед городскими властями стоял вопрос благоустройства прилегающей к монументу городской зоны. Например, в Решении № 24

отмечено, что территорию памятника необходимо благоустроить до 01.07.1967 г. [4, л. 208а].

Следующим этапом в формировании мемориала № 1 являлось официальное объявление конкурса на создание проекта скульптурной композиции для замены разрушающегося объекта. Действительно, в 1967 г. на Заседании Совета ТОО ВООПИиК 30.03.1967 г. было принято решение об объявлении в 1968 г. конкурса на разработку проекта памятника воинам, умершим от ран в госпиталях г. Тюмени в 1941–1945 гг. [4, л. 38-39]. Информация подтверждается данными из справки-доклада о работе ТОО ВООПИиК за отчетный период с 20.02.1967 г. по 20.09.1967 г. [4, л. 344-346] о том, что в ноябре объявлен открытый конкурс на макет памятника. Новый монумент планировалось установить «К 50-летию комсомола» [4, л. 346].

Важно отметить, что в документах отмечен процесс не реконструкции старого, а сооружения нового объекта. К примеру, указано, что необходимо «построить его вновь» [4, л. 39] либо «памятник будет сделан новый» [4, л. 346]. При этом созданный монумент желательно «вписать в архитектуру города» [4, л. 39].

Примечательно, что коммеморативные знаки, расположенные на месте братских могил, имели свою особенность: на них необходимо было указывать данные о захороненных. Согласно сведениям А.С. Иваненко, на 1954 г. было выявлено 162 захоронения [11, с. 234]. В изданиях более позднего периода указано, что на пилоне отмечены имена 227 бойцов [30, с. 66]. Вопрос обострился в связи с проводимой в стране Всероссийской паспортизацией памятников. В документе от 03.08.1967 г. (подписан Ответственным секретарем Тюменского областного отделения охраны памятников и культуры И. Лукьяновым и адресован городскому военному комиссару г. Тюмени [4, л. 92]) отмечена необходимость выслать областному обществу охраны памятников «список захороненных в братской могиле на бывшем городском кладбище» с указанием социально-демографических данных, а также сведений, связанных с боевыми отличиями погребенных [4, л. 92]. Согласно инструкции, список являлся приложением к паспорту объекта [4, л. 92].

Другой этап создания мемориала заключался в установке памятника. Так 29.10.1968 г. по проекту скульптора В.М. Белова был поставлен знак коммеморации, представляющий собой скульптурную композицию, состоящую из фигуры «скорбящей матери и молодого воина» (см. рис. 1) [28].

Важно подчеркнуть, что деятельность городских властей по благоустройству и сохранению объекта не прекращалась и после обновления памятника. В документе от 08.08.1967 указаны следующие сведения: «Памятник воинам, умершим в годы Великой Отечественной войны в госпиталях гор. Тюмени, отремонтирован и приведен в порядок. В 1968 году, в районе, где находится памятник, будут проводиться работы по созданию зоны отдыха. По плану архитектора города территория памятника будет расширена, сделаны подходы, разбиты цветники и газоны и памятник будет вписан в архитектуру района» [4, л. 355] (Здесь и далее пунктуация источника сохранена).

Несмотря на проведенные работы, в 1982 г. оставалась актуальной проблема его сохранения памятника, а также формирования и благоустройства прилегающей территории. В источнике отмечено, что «братская могила умершим от ран в госпиталях не имеет постоянного шефа, нет надлежащего ухода, необходимо данный памятник отделить от зоны городского кладбища» [6, л. 27].

Рис. 1. Участницы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.), боевые подруги на площади Памяти. Групповой портрет. г. Тюмень. [1975]. Автор съемки не установлен. ГБУТО ГАСПИТО. Ф. 4063. Оп. 1. Д. 44.

Важно обратить внимание на высказанную Д.В. Юдиным (ветеран Великой Отечественной войны, председатель совета ветеранов Ленинского района г. Тюмени [6, л. 62]) инициативу создания на территории современной площади «Памяти» комплекса, посвященного событиям Великой Отечественной войны, в состав которого мог входить перенесенный с Исторической площади Вечный огонь [6, л. 62].

В документе, подписанном Л. Заворотчевой, отмечены преимущества иницируемого Д.В. Юдиным комплекса, для создания которого ветеран предлагал: «расширить дорогу и вообще сделать обзорной площадью всего комплекса улиц Республики и Мельникайте. Действительно, сегодня одному страшновато и идти-то к этому памятнику – глушь, рядом заброшенное кладбище. Трудно переоценить воспитательное значение такого комплекса, ведь неподалёку и Дом бракосочетания, масса школ, которые могли бы проводить приём в комсомол, в пионеры на этой площади. Даже то, что прохожие могли бы видеть с улиц Республики и Мельникайте Вечный огонь, весь комплекс, напоминало бы им о тех, кто погиб на войне, дисциплинировало бы» [6, л. 62].

По прошествии времени была высказана инициатива о наименовании самой зоны размещения мемориала. Важная информация указана в письме от 1982 г., адресованном

1-му секретарю Тюменского ГК КПСС И.А. Шаповалову, представителю ООПИИК Л.В. Ташкеевой и подписанному членом союза писателей СССР Л. Заворотчевой, «о создании комплекса, площади имени 9 Мая, в районе памятника умершим в госпиталях» [6, л. 62]. Спустя три года (17.05.1985 г.) Президиум областного совета ВООПИИК ходатайствовал о наименовании «вновь созданного сквера у памятника воинам, умершим от ран в госпиталях Тюмени» сквером «Памяти», аргументируя свое предложение тем, что данное наименование «в наибольшей мере будет способствовать увековечиванию памяти погибших в годы войны» [7, л. 30]. В итоге, в 1986 г. территория размещения мемориала «Воинам, погибшим от ран в госпиталях» получила название площади «Памяти» [21].

Важным этапом в истории создания мемориала расположенного на Исторической площади (далее – мемориал № 2) являлся выбор места его размещения в культурном ландшафте города. Наиболее значимые объекты располагались по традиции на территории публичных, открытых для посещения горожанами площадей и скверов. В частности, монумент, посвященный «ратному и трудовому подвигу тюменцев» [30, с. 65], был расположен на одном из самых высоких мест в городе [22, с. 136], что подчеркивало исключительную значимость Победы советских войск в Великой Отечественной войне. Композиция установлена в годовщину события: 09.05.1968 г. [20; 27] (см. рис. 2).

**Рис. 2. Участники общегородского митинга, посвященного закладке обелиска и мемориала «Вечный огонь» в честь Победы советского народа в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.) на площади у здания Тюменской школы-интерната № 1 (ныне здание ФГБОУ ВО «Тюменский индустриальный университет»). г. Тюмень. 1965 г.
Автор съемки – Сапожков И.И. ГБУТО ГАСПИТО. ФФ. Оп. 2. Д. 783.**

Доминантой стал обелиск, представленный скульпторами в виде стилизованного меча, видимого издалека. Другим элементом мемориала являлся бетонный барельеф с

символическим изображением вооруженных солдат, мирных жителей, а также Родины-матери и чудовища, символизирующего собой фашизм. Фигуры представлены в противостоянии, закончившемся низвержением последнего к ногам победительницы. (Подобным образом изображены герои в барельефах и горельефах иных монументов, установленных на территории СССР в 1960-е – 1970-е гг. Ярким примером является горельеф советского воина, расположенный в комплексе «Памятника соотечественникам, погибшим в Великой Отечественной войне» [10 с. 346]). На барельефе представлены «портреты героев-тюменцев» [30, с. 66]. Установленные комплексы являлись символами своего времени, отражая приоритетные на момент их установки идеи государственной политики памяти. Важно подчеркнуть, что после окончания Великой Отечественной войны многие скульптурные композиции выполнялись на основе принципа контраста, противопоставления фигур [24, с. 257] и символов «мирных устремлений советского народа» [12, с. 421].

Примечательно, что многие объекты монументального искусства Тюмени, посвященные событиям Великой Отечественной войны, отражали историю самого города. Отдельные элементы мемориала – указание на пилонах «фамилии Героев Советского Союза, ушедших на фронт из военкоматов Тюменской области» [17] – позволяют отнести комплекс к группе «региональных», т. е. связанных с историей города.

Важно подчеркнуть, что послевоенный период характеризуется смещением вектора внимания властей от увековечивания знаменательных дат революционной эпохи на процесс мемориализации событий Великой Отечественной войны, что привело к изменению характера коммеморативных практик: это уже были не митинги и демонстрации, а «минуты молчания» или ритуал посещения военных мемориалов молодоженами с непременно возложением цветов к памятникам.

Объект, расположенный в сердце Тюмени, не являлся исключением. Известно, что в 1970-е гг. рядом с мемориалом № 2 стоял комсомольско-молодежный пост [11, с. 234]. В 1980 г. у Вечного огня был организован Пост № 1, на котором стояли учащиеся средних школ Тюмени [11, с. 346], ветераны к комплексу возлагали цветы (см. рис. 3).

Существование мемориала в ландшафте города предусматривало проведение работ по его сохранению, поскольку созданный в 1968 г. объект постоянно подвергался разрушающему воздействию окружающей среды. В документе от 1982 г. отмечено, что «Стелла “Победа” требует ремонта, необходимо решить вопрос о сносе деревянного здания, находящегося рядом с памятником на площади истории (о художественных достоинствах его тоже нужно поразмышлять)» [6, л. 27].

Рис. 3. Возложение цветов ветеранами, выпускниками (1930 года выпуска) средней школы № 1 г. Тюмени, к памятнику «Вечный огонь». г. Тюмень. 25 мая 1980 г. Автор съемки Протопопов В. ГБУТО ГАСПИТО. ФФ. Оп. 1. Д. 456.

Сведения другого документа также указывают на вопросы, связанные с сохранением и использованием мемориала: «сегодня даже негде провести митинг в день 9 мая. Вечный огонь – у дороги, в тылу у него – помойка, стела давным-давно закоптилась, и никто не думает о её состоянии» [6, л. 62].

В связи с этим актуальным являлся вопрос благоустройства территории комплекса. В частности, в документе от 19.02.1982 г. указано, что «Монумент Победы, открытый в 1968 г. близ музея, к сожалению, города не украшает» [6, л. 1]. При этом известно, что в 1982 г. объект имел своих шефов: инженерно-строительный институт и лесотехникум [6, л. 18].

Согласно данным исследователей, в создании памятников и мемориалов, посвященных событиям 1941–1945 гг., можно отметить три основных этапа. Каждый из них имеет свои особенности, выраженные в символике и во внешнем виде. В частности, 1960-е и 1980-е гг. являются «пиковыми точками» 2-го (конец 1950-х – середина 1970-х гг.) и 3-го (конец 1980-х – начало 1990-х гг.) из них [1, с. 365]. Важно подчеркнуть, что именно в 1960-е гг. в административных центрах устанавливались мемориальные комплексы, в состав которых входили архитектурные (стела, гранитные блоки), скульптурные элементы и Вечный огонь [9, с. 711-712]. Работа городских властей конца 1950-х – середины 1970-х гг. по увековечиванию памяти народа была выражена в «установке не просто памятников, но грандиозных архитектурно-скульптурных мемориальных комплексов с единым сюжетом» [1, с. 346].

В свою очередь комплекс мемориала № 1 формировался с 1955 г. Началом процесса является установка знака коммеморации на месте братской могилы к 10-летию празднования Победы в Великой Отечественной войне. К юбилею Октябрьской революции на месте памяти была установлена уже скульптурная композиция. В том же году на Исторической площади изначально единым комплексом был размещен мемориал № 2. Оба объекта можно по праву отнести к группе «региональных».

Непременным атрибутом изучаемых комплексов является Вечный огонь, символизирующий бессмертную память о погибших героях [22, с. 136-137] и оказывающий эмоциональное воздействие на горожанина. Изначально практика включения «Вечного огня» в комплекс мемориалов была характерна для столичных городов, позже ее стали применять в регионах. Данная конструкция, постоянно эксплуатируемая, требовала особых действий, гарантирующих бесперебойный процесс ее служения. Данная проблема была особенно актуальной для городов с суровым климатом. В частности, в 1967 г. в Ленинграде для Вечного огня, расположенного на Марсовом поле, была создана горелка особой конструкции с устойчивым горением при любых порывах ветра [29, л. 3].

Необходимо указать, что в наименованиях зон размещения комплексов отражена их тематика. В случае с мемориалом № 1 название места размещения претерпело трансформацию от «Площади имени 9 мая» до площади «Памяти» по мере его развития, мемориалом № 2 – возникновение комплекса в культурном ландшафте зоны не повлияло на изменение наименования зоны.

Данные из архивных документов показали, что процесс складывания изучаемых объектов сопровождался рядом проблем. Относительно формирования мемориала № 1 автором выделены следующие вопросы:

1. Сохранение памятника. Объект, выполненный в 1955 г. (по всей вероятности, из недолговечного материала) был заменен в 1967 г. При этом прослеживается процесс его трансформации от единичной фигуры (солдат) до скульптурной композиции (солдат и скорбящая мать).

2. Персонификация событий Великой Отечественной войны. По мере развития мемориала (появления новых элементов, в частности пилонов) возникла проблема поиска информации о погибших в тюменских госпиталях воинов, поскольку известные инициалы всех захороненных позволяют персонифицировать события 1941–1945 гг. [3, с. 45-46].

3. Выделение отдельной территории для размещения коммеморативного знака. Расположение памятника в 1955 г. на месте братской могилы, по сути территории кладбища, негативным образом отразилось на развитии зоны мемориала. Так, по мере ее складывания, возникла необходимость разграничения его территории от зоны некрополя. При этом задачу необходимо было выполнить, учитывая гармоничное сочетание монумента с выбранной зоной его размещения в ландшафте города.

4. Необходимость благоустройства территории для проведения коммеморативных практик, являющаяся следствием «привязки» объекта к месту – братской могиле. При этом частное посещение памятника могло быть небезопасным для зрителя по причине размещения мемориала на окраине города.

5. Проблема поиска шефов, деятельность которых была направлена непосредственно на сохранение монумента, возможно, также была связана с местом его размещения.

При формировании мемориала № 2 автором обозначены иные затруднения:

1. Сохранение отдельных элементов комплекса (стела).

2. Содержание мемориала в достойном виде. Размещение объекта в 1968 г. «в самом сердце Тюмени» повлекло за собой проблему, связанную с регулярным проведением работ по благоустройству его территории.

Важно отметить, что в истории бытования в культурном ландшафте города любого знака коммеморации исключительно важная роль принадлежала инициатору его создания. Иначе, согласно предложенной исследователями условной классификации военных памятников, до конца 1950-х гг. объекты создавались свидетелями и участниками войны [1, с. 346]. Действительно, горожане являлись инициаторами сохранения и дальнейшего благоустройства территории мемориалов. Возможной причиной личного участия тюменцев в процессе формирования обозначенных комплексов являлся тот факт, что во время возведения знаков коммеморации Победа в Великой Отечественной войне для многих горожан была событием индивидуально переживаемой истории.

На следующем этапе, начиная с конца 1950-х гг., инициаторами изготовления и установки памятников являлись центральные или местные власти, поскольку на данной стадии государство активно проводило политику, направленную на формирование и закрепление в общественном сознании идеологических смыслов войны и Победы [1, с. 347]. Сами же горожане, активно привлекаемые властями: участие в открытии [27; 28] (см. рис. 2), возложении цветов (см. рис. 1, 3), а позже сохранение мемориалов, испытывали чувство сопричастности событиям, отмеченным коммеморативными знаками. Именно в это время раскрылся масштабный пласт народной памяти – «национальный исторический нарратив» [1, с. 346].

Представленные в статье сведения архивных документов указывают на то, в формировании военных мемориалов Тюмени важную роль играло Городское общество охраны памятников. Сам же процесс складывания объектов в единый комплекс проводился преимущественно в юбилейные даты и сопровождался рядом трудностей. Среди них стоит отметить проблему выбора места для размещения, сохранения, проведения коммеморативных практик и благоустройства территории военных мемориалов.

Важно отметить, что инициаторами сохранения и использования изучаемых комплексов являлись городские власти и частные лица. Если для государства «увековечивание» имело политический контекст: параллельно процессу складывания военных мемориалов Тюмени осуществлялся процесс формирования коллективной памяти

горожан. В свою очередь для простых граждан памятники и монументы, посвященные Великой Отечественной войне, являлись символом коллективного воспоминания, само же «увековечение» означало сохранение памяти о близких [14, с. 406].

Литература

1. Беседина Е.А., Буркова Т.В. «Эта память – наша совесть...» – коммеморация в памятниках военной повседневности конца XX – начала XXI века // Историческая память о Великой Отечественной войне: проблемы эволюции, формирования и восприятия. Материалы научно-практической конференции. Санкт-Петербург: Скифия – принт, 2022. С. 344-351.

2. Вечный огонь. <http://memory-tyumen.ru/vechnyj-ogon.html>.

3. Гогунская Т.А., Едигарева М.М. Могила неизвестного солдата в мемориальном ландшафте: проблема идентификации останков // Актуальные вопросы истории, историографии и источниковедения юга России: к 240-летию включения Крыма в состав Российской империи. Материалы региональной научно-практической конференции. Симферополь: Издательство «Типография Ариал», 2023. С. 45-52.

4. ГБУТО Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГБУТО ГАСПИТО). Ф. П-4005. Оп. 1. Д. 3.

5. ГБУТО ГАСПИТО. Ф. П-4005. Оп. 1. Д. 50.

6. ГБУТО ГАСПИТО. Ф. П-4005. Оп. 1. Д. 87.

7. ГБУТО ГАСПИТО. Ф. П-4005. Оп. 1. Д. 138.

8. Еремеева А.Н., Маркова О.Н. Основные этапы и тенденции монументальной пропаганды в СССР // Государственная монументальная политика: опыт, противоречия, перспективы. Москва: Институт Наследия, 2022. 168 с. <https://doi.org/10.34685/hi.2021.48.21.005612>.

9. Захарова Ю.И. Значение военных памятников в сохранении историко-культурного наследия // Россия и мир в исторической ретроспективе. Материалы XXIX международной научной конференции, к 320-летию основания Санкт-Петербурга. В 3 т. Т. 2. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2023. С. 710-716.

10. Зейналов Х.А. Памятники Великой отечественной войны в Азербайджане: проблемы сохранения и художественно-эстетической интерпретации // Вестник славянских культур. 2023. Т. 69. С. 339-355. <http://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-69-339-355>.

11. Иваненко А.С. Четыре века Тюмени. Очерки живой истории старинного сибирского города. Тюмень: Издательство «Радуга-Т», 2004. 368 с.

12. Искусство стран и народов мира. Архитектура. Живопись. Скульптура. Графика. Декоративное искусство. Том 3. Молдавская ССР – РСФСР. Краткая художественная

энциклопедия. Гл. ред. Б.В. Иогансон. Москва: Издательство «Советская энциклопедия», 1971. 892 с.

13. Историко-революционные памятники СССР: краткий справочник. Москва: Политиздат, 1972. 304 с.

14. Лубошникова Ю.С., Паршина В.Н. Мемориальные комплексы и формирование исторической памяти (на примере с. Вишневое Тамалинского района Пензенской области) // Историческая память о Великой Отечественной войне. Материалы научно-практической конференции. Санкт-Петербург: ООО «Скифия-принт», 2022. С. 404-411.

15. Макарова Е.О. К проблеме сохранения временных революционных памятников Петрограда: по материалам Центрального государственного архива Санкт-Петербурга // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2024. Т. 10. № 2 (38). С. 100-115. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2024-10-2-100-115>.

16. Мемориал Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. // Город Т. Муниципальное автономное учреждение культуры города Тюмени «Централизованная городская библиотечная система». <https://gorod-t.info/space/memorialy/162>.

17. Мемориал погибшим воинам Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Город Т. Муниципальное автономное учреждение культуры города Тюмени «Централизованная городская библиотечная система». <https://gorod-t.info/space/memorialy/731>.

18. Охрана исторических и археологических памятников. Сб. руководящих и справочных материалов. Москва: Госкультпросветиздат, 1949. 63 с.

19. Постановление Совета Министров РСФСР от 23 июля 1965 г. № 882 «Об организации Всероссийского добровольного общества охраны памятников истории и культуры» // Свод законов РСФСР. Т. 3. Москва: Советская Россия, 1988. 600 с.

20. Реестр объектов монументального искусства, расположенных на территории города Тюмени (по состоянию на 10.06.2024) // Департамент культуры Администрации города Тюмени. <https://cultura.tyumen-city.ru/pamyatniki-istorii-i-kultury/dokumenty>.

21. Реестр наименований улиц города Тюмени на 11.07.2024 г. // Администрация города Тюмени. <https://www.tyumen-city.ru/informacii/reestr>.

22. Рощевская Л.П. Памятники и памятные места Тюменской области. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1980. 160 с.

23. Сведения из Единого государственного реестра объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации // Портал открытых данных Министерства культуры Российской Федерации. <https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-egrkn>.

24. Смирнова К.В. Памятники героям и жертвам Великой Отечественной войны. Мемориальные комплексы 1960-1970-х гг. Проблема исторической и художественной ценности // Актуальные проблемы теории и истории искусства. 2011. № 1. С. 256-262.

25. Собрание постановлений и распоряжений Совета Министров Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. Изд. Упр. делами Совета Министров РСФСР. Москва: Б. и., 1949.

26. Туранская К.А. Памятники воинской доблести в г. Тюмени как источники формирования толерантного и патриотического сознания у молодежи // Архитектура и строительство: традиции и инновации. Материалы Международной научно-технической конференции студентов, магистрантов и аспирантов. Гомель: БелГУТ, 2023. С. 130-134.

27. Тюменская правда. 1968. 11 мая. № 109.

28. Тюменская правда. 1968. 31 октября. № 257.

29. Центральный государственный архив научно-технической документации Санкт-Петербурга. Ф. Р-21. Оп. 31. Д. 1011.

30. Шубина А., Ракова А. Историко-революционные памятники // Тюмень. Справочник – путеводитель. Свердловск: Средне-Уральское книжное изд-во, 1970. С. 44-71.

References

1. Besedina, E.A., & Burkova, T.V. (2022). «E`ta pamyat` – nasha sovest`...» – kommemoraciya v pamyatnikax voennoj povsednevnosti koncza XX – nachala XXI veka. *Istoricheskaya pamyat` o Velikoj Otechestvennoj vojne: problemy` e`volyucii, formirovaniya i vospriyatiya*. S. 344-351. (in Russ.).

2. Vechny`j ogon`. <http://memory-tyumen.ru/vechnyj-ogon.html> (in Russ.).

3. Gogunskaja, T.A. Edigareva, M.M. (2023). Mogila neizvestnogo soldata v memorial`nom landshafte: problema identifikacii ostankov. *Aktual`ny`e voprosy` istorii, istoriografii i istochnikovedeniya yuga Rossii: k 240-letiyu vklyucheniya Kry`ma v sostav Rossijskoj imperii*. S. 45-52. (in Russ.).

4 Gosudarstvenny`j arxiv social`no-politicheskoj istorii Tyumenskoj oblasti (GASPITO). F. P-4005. Op. 1. D. 3. (in Russ.).

5. GASPITO. F. P-4005. Op. 1. D. 50. (in Russ.).

6. GASPITO. F. P-4005. Op. 1. D. 87. (in Russ.).

7. GASPITO. F. P-4005. Op. 1. D. 138. (in Russ.).

8. Eremeeva, A.N., Markova, O.N. (2022). Osnovny`e e`tapy` i tendencii monumental`noj propagandy` v SSSR. *Gosudarstvennaya monumental`naya politika: opy`t, protivorechiya, perspektivy`*. Moskva: Institut Naslediya. 168 s. (in Russ.). <https://doi.org/10.34685/hi.2021.48.21.005>.

09. Zaxarova, Yu.I. (2023). Znachenie voenny`x pamyatnikov v soxranenii istoriko-kul`turnogo naslediya. *Rossiya i mir v istoricheskoy retrospektive*. S. 710-716. (in Russ.).

10. Zejnalov, X.A. (2023) Pamyatniki Velikoj otechestvennoj vojny` v Azerbajdzhane: problemy` soxraneniya i xudozhestvenno-e`steticheskoj interpretacii. *Vestnik slavjanskih kul'tur*. S. 339–355. (in Russ.). <http://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-69-339-355>.
11. Ivanenko, A.S. (2004). Chety`re veka Tyumeni. Oчерki zhivoj istorii starinnogo sibirskogo goroda. Tyumen` : Izdatel`stvo «Raduga-T». 368 s. (in Russ.).
12. Iskusstvo stran i narodov mira. Arxitektura. Zhivopis`. Skul`ptura. Grafika. Dekorativnoe iskusstvo. (1971). T. 3. Moskva: Izdatel`stvo «Sovetskaya e`nciklopediya». 892 s. (in Russ.).
13. Istoriko-revolucionny`e pamyatniki SSSR: kratkij spravochnik (1972). Moskva: Politizdat. 304 s. (in Russ.).
14. Luboshnikova, Yu.S., & Parshina, V.N. (2022). Memorial`ny`e komplekсы` i formirovanie istoricheskoy pamyati (na primere s. Vishnevoe Tamalinskogo rajona Penzenskoj oblasti). *Istoricheskaya pamyat` o Velikoj Otechestvennoj vojne*. S. 404-411. (in Russ.).
15. Makarova, E.O. (2024). K probleme soxraneniya vremenny`x revolyucionny`x pamyatnikov Petrograda: po materialam Central`nogo gosudarstvennogo arxiva Sankt-Peterburga. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarny`e issledovaniya. Humanitates*. № 2 (38). S. 100-115. (in Russ.). <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2024-10-2-100-115>
16. Memorial Pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941-1945 gg. <https://gorod-t.info/space/memorialy/162>. (in Russ.).
17. Memorial pogibshim voynam Velikoj Otechestvennoj vojny` 1941-1945 gg. <https://gorod-t.info/space/memorialy/731>. (in Russ.).
18. Oхрана исторических i археологических пamyatnikov. Sb. rukovodyashhix i spravochny`x materialov. (1949). Moskva: Goskul`tprosvetizdat. 63 s. (in Russ.).
19. Postanovlenie Soveta Ministrov RSFSR ot 23 iyulya 1965 g. № 882 "Ob organizacii Vserossijskogo dobrovol`nogo obshhestva ohrany` pamyatnikov istorii i kul`tury`" (1988). Cvod zakonov RSFSR. T. 3. Moskva: Sovetskaya Rossiya. 600 s. (in Russ.).
20. Reestr ob`ektov monumental`nogo iskusstva, raspolozhenny`x na territorii goroda Tyumeni (po sostoyaniyu na 10.06.2024). <https://cultura.tyumen-city.ru/pamyatniki-istorii-i-kultury/dokumenty>.
21. Reestr naimenovaniy ulicz goroda Tyumeni na 11.07.2024 g. <https://www.tyumen-city.ru/informacii/reestr>. (in Russ.).
22. Roshhevskaya, L.P. (1980). Pamyatniki i pamyatny`e mesta Tyumenskoj oblasti. Sverdlovsk: Sredne-Ural`skoe knizhnoe izdatel`stvo. 160 s. (in Russ.).
23. Svedeniya iz Edinogo gosudarstvennogo reestra ob`ektov kul`turnogo naslediya (pamyatnikov istorii i kul`tury`) narodov Rossijskoj Federacii. <https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-egrkn> (in Russ.).

24. Smirnova, K.V. (2011). Pamyatniki geroyam i zhertvam Velikoj Otechestvennoj vojny`. Memorial`ny`e komplekсы` 1960-1970-x gg. Problema istoricheskoy i xudozhestvennoj cennosti. *Aktual`ny`e problemy` teorii i istorii iskusstva*. №1. S. 256-262. (in Russ.).

25. Sobranie postanovlenij i rasporyazhenij Soveta Ministrov Rossijskoj Sovetskoj Federativnoj Socialisticheskoy Respubliki (1949). Izd. Upr. delami Soveta Ministrov RSFSR. Moskva: B. i. (in Russ.).

26. Turanskaya, K.A. (2023). Pamyatniki voinskoj dobresti v g. Tyumeni kak istochniki formirovaniya tolerantnogo i patrioticheskogo soznaniya u molodezhi. *Arhitektura i stroitel`stvo: tradicii i innovacii*. Gomel`: BelGUT. S. 130-134. (in Russ.).

27. Tyumenskaya pravda. 1968. 11 maya. № 109. (in Russ.).

28. Tyumenskaya pravda. 1968. 31 oktyabrya. № 257. (in Russ.).

29. Central`ny`j gosudarstvenny`j arxiv nauchno-texnicheskoy dokumentacii Sankt-Peterburga. F. R-21. Op. 31. D. 1011. (in Russ.).

30. Shubina A., & Rakova A. (1970). Istoriko-revoljucionny`e pamyatniki. *Tyumen`. Spravochnik - putevoditel`*. Sverdlovsk: Sredne-Ural`skoe knizhnoe izd-vo. S. 44-71. (in Russ.).

дата поступления: 28.08.2024

дата принятия: 22.10.2024

© Макарова Е.О., 2024

СООБЩЕНИЯ / MESSAGES

<https://doi.org/10.36906/2311-4444/24-4/11>

Мехришвили Л.Л., Карпов В.П.

К ЮБИЛЕЮ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ: МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В ТЮМЕНИ

L.L. Mehrishvili, V.P. Karpov

TO THE ANNIVERSARY OF THE TYUMEN REGION: INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE IN TYUMEN

Сведения об авторах: Мехришвили Ламара Ленгизовна, доктор социологических наук, Тюменский индустриальный университет (Тюмень, Россия), e-mail: lamara_m@inbox.ru
Карпов Виктор Петрович, доктор исторических наук, Тюменский индустриальный университет (Тюмень, Россия), e-mail: 7654321.58@mail.ru

About the authors: Lamara L. Mehrishvili, Doctor of Sociological Sciences, Tyumen Industrial University, Tyumen, Russia, e-mail: lamara_m@inbox.ru; Victor P. Karpov, Doctor of Historical Sciences, Tyumen Industrial University, Tyumen, Russia, e-mail: 7654321.58@mail.ru

Мехришвили Л.Л., Карпов В.П. К юбилею Тюменской области: международная научная конференция в Тюмени // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2024. №4(68). С. 130-136. <https://doi.org/10.36906/2311-4444/24-4/11>

Mehrishvili, L.L., & Karpov, V.P. (2024). To the Anniversary of the Tyumen Region: International Scientific Conference in Tyumen. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*, (4(68)), 130-136. (in Russ.). <https://doi.org/10.36906/2311-4444/24-4/11>

14 августа 2024 г. Тюменской области исполнилось 80 лет (1944–2024 гг.). К юбилейной дате была приурочена Международная научная конференция «Тюменская область: историческая ретроспектива, реалии настоящего, контуры будущего». Организаторы конференции (Тюменский индустриальный университет (ТИУ), Тюменская областная дума, Тюменское отделение Российского исторического общества) сформулировали цель Форума – обобщение и осмысление исторического опыта развития региона.

Конференцию открыла зав. кафедрой Гуманитарных наук и технологий ТИУ, д.с.н., профессор Л.Л. Мехришвили. Она рассказала, с какими трудностями столкнулись организаторы форума, почему так важно объединить усилия учёных, практиков, всех неравнодушных специалистов для рассмотрения, анализа, прогнозирования развития Тюменской области. Конференция прошла на 6 площадках ТИУ 20–21 сентября 2024 г. В ней приняли участие более 150 учёных из России, Азербайджана, Казахстана, КНР, США, Франции и Португалии. География российского участия – от Ростова и Уфы до Салехарда и Южно-Сахалинска. Историки, географы, социологи, философы, математики, экономисты и геологи рассмотрели, как современные проблемы области, так и прошлое края, попытались разобраться в том, как тихая в экономическом смысле окраина страны

превратилась в стратегически важный регион не только отечественной, но и мировой индустрии и политики, что от форсированной модернизации Тюменского севера выиграли страна и регион, в чём они потеряли. Понятно поэтому, что большое внимание учёные уделили вопросам развития нефтегазового сектора тюменского Севера, проблемам геологии. Это нашло отражение в резолюции, принятой по итогам форума. Свои научные разработки представили ученые из Института российской истории Российской академии наук (ИРИ РАН, Москва), Института истории Сибирского отделения РАН (ИИ СО РАН, Новосибирск), Института истории и археологии Уральского отделения РАН (ИИиА УрО РАН, Екатеринбург), Тюменского научного центра Сибирского отделения РАН (ТюмНЦ СО РАН), Российского географического общества (отделение в Салехарде), Западно-Сибирского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Тюменского государственного университета, Сургутского государственного университета, Нижневартовского государственного университета и др. вузов страны, музейные работники из Тюмени, Сургута, Нижневартовска и Мегиона, сотрудники тюменских государственных архивов и библиотек.

Интерес к докладам объясняется как недостаточной изученностью многих проблем, так и тем, что в зале собрались не только профессиональные учёные, но и производственники, представители власти. Их интересовало, например, как оценить современные результаты археологических исследований в городе и области?; чем власть может помочь краоведам?; чем, в свою очередь, историки могут помочь решению проблем модернизации городской среды Тюмени и других городов области?; как учёные могут помочь формированию привлекательного образа области?; и, что особенно актуально сегодня, в условиях санкций в отношении РФ, почему свернули сибирские порто-франко в начале XX века?; кто первым сделал научный прогноз о наличии нефти в Западной Сибири (Губкин, Стрижов, Сенюков)?; в чём причины социокультурного раскола в контексте индустриализации и урбанизации Тюмени?; как решаются проблемы построения демографической модели татарского населения Тоболо-Иртышья в XVIII–XIX вв.? И шире – как изучается вклад более 150 народов в развитие региона?; почему до сих пор актуальны проблемы восстановления исторических памятников и, в частности, церквей Тюмени, Тобольска и других городов области?; Что известно об экологической судьбе рек и озёр Тюмени, северных округов области?; почему сокращается численность населения нефтяных городов в постсоветский период?; в чём особенности демографических показателей региона в XXI веке? Это уже не только наука, а и практика, потому что обсуждавшиеся на конференции вопросы имеют важное значение для развития региона и страны.

С предложением о сотрудничестве к участникам конференции обратились: С.П. Шилов, председатель совета Тюменского отделения Российского исторического общества, д. ист. наук, В.Ф. Шугля, Почетный Генеральный Консул Республики Беларусь в

г. Тюмени, Г.Н. Чеботарёв, председатель Общественной Палаты Тюменской области, председатель Тюменского регионального отделения Российского профессорского собрания, д. ю. наук, Ю.И. Князев, президент Тюменского областного Фонда имени Виктора Ивановича Муравленко, С.Н. Бастриков, главный редактор журнала «Известия высших учебных заведений. Нефть и газ», член Правления Тюменского областного Фонда имени В.И. Муравленко, д. т. наук, М.М. Мустафаев, глава диаспоры Республики Азербайджан в Тюменской области; Р.С. Гольдберг, главный редактор газеты «Тюменский курьер», Заслуженный журналист РФ, Почетный гражданин города Тюмени, А.А. Петрушин, заместитель директора представительства нефтяной компании «ЛУКОЙЛ – Западная Сибирь», к. ист. наук. Все предложения были учтены в итоговом протоколе конференции.

На пленарном заседании выступили ученые РФ и зарубежья: д. ист. наук, ведущий научный сотрудник (в.н.с.) ТюмНЦ СО РАН А.А. Ткачёв (старший) с докладом «Археологические исследования Тюменского посада конца XVI – начала XVII вв.»; д. ист. наук, в.н.с. Центра урбанистики Тюменского государственного университета М.Г. Агапов с докладом «Сибирские порто-франко в конце XIX – начале XX вв.: пространственные возможности и инфраструктурные ограничения»; заместитель директора Научно-технического центра Многопрофильного научного предприятия «ГЕОДАТА», Заслуженный геолог РФ И.И. Нестеров (младший) с докладом «Топливо-энергетический комплекс Тюменского региона как гарант энергетической безопасности страны»; зав. кафедрой истории Российского государственного университета нефти и газа им. И.М. Губкина, д. ист. наук В.В. Калинов с докладом «О проблемах освоения Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции во второй половине 1960-х гг.», профессор ТИУ, д. философ. наук, руководитель Центра культуры и познания (г. Ла-Сен-Сюр-Мэр, Франция) В.А. Волкова-Джианнони и аспирантка ТИУ из г. Ханты-Мансийска Н.В. Сухорукова с докладом «Проблемы реконструкции Тобольского кремля: философско-культурологический подход»; профессор ТИУ, д. ист. наук В.П. Карпов с докладом «Югра и Россия (СССР): регион в истории страны, страна в истории региона», профессор ТИУ, д. ист. наук Г.Ю. Колева с докладом «Нереализованные проекты в истории Тюменской области (1940-е – 1960-е гг.)».

Из докладов первой секции «Хозяйственное, транспортное, промышленное освоение Зауралья» особенно запомнились и были отмечены участниками как самые интересные доклады выступления Ю.В. Евдошенко (редактор журнала «Нефтяное хозяйство», Москва, к. ист. наук) «О вкладе Главсевморпути в организацию поисков нефти и газа на севере Тюменской области» и Н.А. Куперштох (с.н.с. ИИ СО РАН, к. ист. наук) «История академической науки Тюмени: от Института проблем освоения Севера к научному центру Сибирского отделения Российской академии наук». Участники конференции долго обсуждали результаты исследований И.Н. Стась, с.н.с. ТюмГУ, к. ист. наук («Уральский Север: как Обь-Иртышский Север вообразился частью Урала в 1920-е – начале 1930-х гг.»)

и В.В. Цысь, профессора Нижневартовского гос. университета, г.н.с. МАУ «Экоцентр», д. ист. наук («К периодизации истории города Мегион»).

Самой представительной стала 2 секция конференции «Социальная и культурная динамика региона». Здесь выступили как именитые отечественные историки и социологи (Н.А. Балюк, профессор ТИУ, д. ист. наук; О.М. Барбаков, профессор ТИУ д. с. наук; Н.Ю. Гаврилова, профессор ТИУ, д. ист. наук; А.И. Прищепа, профессор Сургутского государственного университета д. ист. наук; А.Ю. Солодовников, начальник тюменского отдела «СургутНИПИнефть», д. географ. наук; И.Ю. Фомичёв, профессор ТИУ, д.с.н.), так и зарубежные учёные (С.В. Беспалый, профессор Инновационного Евразийского университета, д. э. наук, Республика Казахстан, Анна Пьянно, преподаватель университета в г. Порто, Португалия (PINHO Ana Rita, Trainee teacher of the Universidade do Porto, Master of Business Management, (Porto, Portugal). Её доклад «Историко-сравнительный анализ развития корпоративной социальной ответственности в муниципальных образованиях Порту и Тюмени» («Historical and comparative analysis of the development of corporate social responsibility in the municipal entities of Porto and Tyumen») долго обсуждался как на секции, так и в кулуарах Форума.

В секции № 3 «Регионы в истории страны. Общественная и политическая жизнь региона» запомнились доклады Л.В. Алексеевой, профессора Нижневартовского гос. университета, д. ист. наук («Демобилизация 1945 г.: к вопросу о возвращении домой воинов-северян»), С.Н. Гайдина, зав. кафедрой истории и политологии Красноярского государственного аграрного университета («Исторический обзор формирования районов приоритетного развития в Восточной Сибири в императорский и советский периоды»), Е.Ю. Зубковой, г.н.с. ИРИ РАН, д. ист. наук («Оттепель в Сибири: поворотные тренды советского проекта в «Тюменском ракурсе» (1953–1991), Е.О. Энстрём, преподавателя колледжа в г. Сисеро (США, English Language Acquisition Instructor of Morton Community College, Adult Education (Cicero, Illinois, USA). («О педагогических династиях Тюмени. «Pedagogical Dynasties of Tyumen»). По техническим причинам не смог выступить на секции Ван Цзиньхуэй (Институт глобалистики Шанхайского университета, к. полит. наук), но его доклад будет опубликован в сборнике материалов конференции. Вызвали неподдельный интерес содержательные выступления К.И. Зубкова, заведующего Центром методологии и историографии ИИиА УрО РАН, к. ист. наук («Роль Северо-Западной Сибири в российской традиции исследования и освоения Севера») и В.Я. Мауля, профессора филиала ТИУ в г. Нижневартовске, д. ист. наук («Город Тюмень глазами политических ссыльных революционеров-народников 1870–1880-х гг.»).

В секции № 4 новизной подхода в исследовании истории города удивили Т.В. Авилова, профессор ТИУ, д. э. наук («Пространственная организация общественных центров, их реконструкция и модернизация на примере города Тюмени»), и К.А. Анкушева,

г.н.с. Тюменского музейно-просветительского объединения, к. ист. наук («Визуальный образ Тюмени второй половины XX века по материалам наборов открыток»).

В секции № 5 «Историко-культурное наследие края» актуально прозвучали доклады историков ТюмГУ, к. ист. наук Е.В. Бородулиной и А.В. Скочина о культуре северного города («Учреждения культуры Тюмени во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х годов»), доцента ТИУ, к. ист. наук М.С. Жулёвой («Культура и досуг жителей Зауралья в 1930-е годы»), В.П. Литовченко, гл. специалиста по библиотечно-выставочной работе филиала Центральной городской библиотечной системы Библиотеки истории города им. А.И. Текутьева («Тюмень готовится к Рождеству: зимние праздники в Тюмени на рубеже XIX–XX веков»). Много вопросов вызвали доклады А.В. Спичак, с.н.с. Нижневартовского гос. университета, к. ист. наук («Безвестное отсутствие супруга как причина расторжения брака в Тобольской губернии во второй половине XIX – начале XX века») и А.В. Яворской, исследователя Лаборатории исторической и экологической антропологии ТюмГУ («Детоубийство в поздней Российской империи как городское и деревенское преступление (на материалах Западной Сибири)»).

На секции № 6 обсуждалась экологическая история региона. Тема важная для страны в целом, но для Тюменской области в особенности. В 1960-е – 1980-е гг. Тюменскому северу был нанесён колоссальный экологический ущерб. Он был вызван форсированной индустриализацией очень ранимых северных территорий. Самый живой отклик встретили доклады Е.И. Гололобова, профессора СурГУ, д. ист. наук о необходимости восстановления природы Севера («Региональные проблемы водопользования и охраны водных ресурсов в СССР по материалам совета по изучению производительных сил при Госплане СССР (середина 1970-х – конец 1980-х гг.)») и М.И. Ляхова, аспиранта СурГУ в соавторстве с Е.И. Гололобовым («Дискуссии об освоении Среднего Приобья в 1960-х гг. на страницах «Литературной газеты» как отражение советской природопользовательской политики»).

Доклады участников конференции, их обсуждение и дискуссии на заседаниях пленарного заседания, секций, кулуарного обмена мнений подтвердили, что диалог представителей различных наук в изучении процессов, происходивших в прошлом и идущих сегодня в Тюменской области, необходимо продолжить. Данное сотрудничество является важным условием успешного развития как региона, так и России в целом.

Участники конференции записали в итоговом протоколе:

1. Трактовки истории важны во все времена, но особенно в переломные моменты истории. В этом смысле важно, как осмысление национальной истории, так и изучение истории отдельных регионов РФ. В особенности тех, которые имеют стратегически важное значение для России. Конференция считает необходимым введение в образовательные программы школ и вузов Тюменской области курса об истории края. Он мог бы называться «Тюменеведение» или «История Тюменского края».

2. Органы власти, СМИ (ТВ, в первую очередь) должны поддерживать усилия ученых и общественных институтов по формированию интереса и бережного отношения россиян к

тюменским (и шире – отечественным) памятникам истории и культуры. Без этого невозможно воспитание уважительного отношения к многообразию культур Тюменского региона.

3. Современной России нужны не только передовая геологическая наука, но и прорывные технологии в других отраслях науки. Значит, необходимо стимулировать подготовку специалистов в конкретных направлениях деятельности для работы на Крайнем Севере. Нужна система их подготовки. Такого понимания и соответствующей системы подготовки у правительства, к сожалению, нет до сих пор.

4. Ресурсно-сырьевая концепция освоения Севера и Арктики, формулируемая в планах правительства современной России, по существу не что иное, как современный вариант концепции «очагового» развития северных районов в годы первых советских пятилеток. Тогда, в условиях ограниченных материально-финансовых возможностей государства, данная концепция была, видимо, единственно возможной. Но сегодня она уже не отвечает требованиям времени.

5. Необходимо обратить внимание не только на эффективность вахтового метода в освоении тюменской Арктики (и шире – высоких широт РФ в целом), но и на нужды местного населения. Отток людей из Арктики противоречит решению стратегических задач в регионе – экономических и геополитических.

6. Важнейшей предпосылкой всякой экономической деятельности на Севере следует считать изучение минерально-сырьевой базы территории. Об этом учёные говорили 5 лет назад и говорят снова. Есть необходимость вернуться к практике государственного руководства. Нельзя отдавать разведку на откуп частным компаниям в стране, обладающей самыми большими в мире природными ресурсами.

7. Нужно учитывать советский опыт северной политики, как положительный, так и негативный. Росту эффективности государственной политики в целом и, особенно, на Севере, должны помочь не масштабы проектов (что тоже важно), а экономические условия и среда. Нужны не только новые «Самотлоры», но и новые технологии. Последнее, считают учёные, важнее.

Участники конференции положительно оценивают инициативную деятельность организаторов Международной научной конференции «Тюменская область: историческая ретроспектива, реалии настоящего, контуры будущего», отмечают значимость конференции как крупного международного научного мероприятия, объединяющего сообщество учёных, рекомендуют совершенствовать формы и методы организации конференции как диалоговой площадки по рассмотрению актуальных проблем исторических и современных проблем развития Тюменской области.

Организаторы Форума выражают благодарность всем участникам, докладчикам и гостям, принявшим участие в конференции.

Резолюция принята участниками Международной научной конференции «Тюменская область: историческая ретроспектива, реалии настоящего, контуры будущего» 20 сентября 2024 г.

дата поступления: 28.09.2024

дата принятия: 22.10.2024

© Мехришвили Л.Л., Карпов В.П.